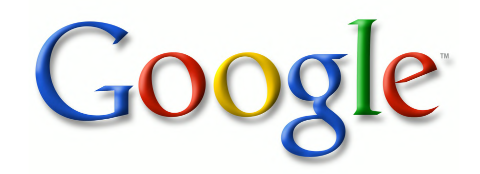
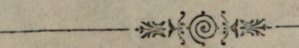

М. Н. КАТКОВЪ.

О ЦЕРКВИ.

„Въ цѣломъ мірѣ мы должны охранять честь, достоинство и величіе своей церкви. Она присутствовала при началѣ нашего историческаго бытія, при рожденіи нашего государства. Какъ только мы запомнимъ себя, она уже свѣтилась въ нашей тьмѣ и сопутствовала намъ во всѣхъ превратностяхъ нашей исторической жизни; она поддерживала и спасала насъ; она проникала во всѣ изгибы нашего существованія и на все наложила свое знаменіе".

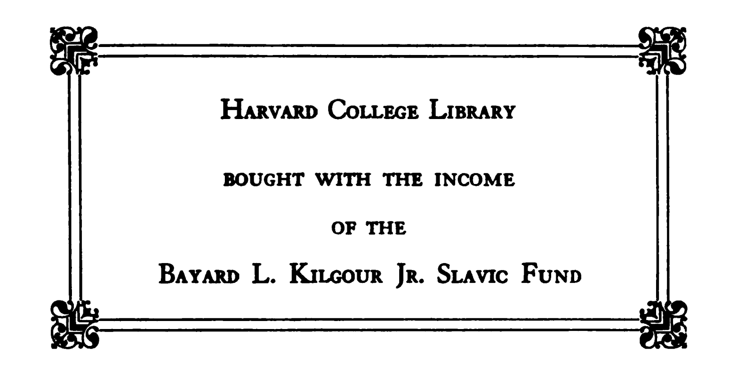
(Катковъ).

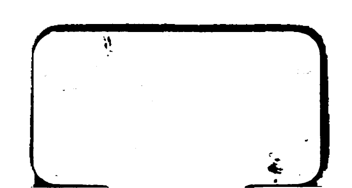

МОСКВА

ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1905.

М. Н. КАТКОВЪ.

О ЦЕРКВИ.

„Въ цѣломъ мірѣ мы должны охранять честь, достоинство и величіе своей церкви. Она присутствовала при началѣ нашего историческаго бытія, при рожденіи нашего государства. Какъ только мы запомнимъ себя она уже свѣтилась въ нашей тьмѣ и сопутствовала намъ во всѣхъ превратностяхъ нашей исторической жизни; она поддерживала и спасала насъ; она проникала во всѣ изгибы нашего существованія и на все наложила свое знаменіе".

(Катковъ).

Цѣна 75 коп.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1905

М. Н. КАТКОВЪ.

О ЦЕРКВИ.

„Въ цѣломъ мірѣ мы должны охранять честь, достоинство и величіе своей церкви. Она присутствовала при началѣ нашего историческаго бытія, при рожденіи нашего государства. Какъ только мы запомнимъ себя, она уже свѣтилась въ нашей тьмѣ и сопутствовала намъ во всѣхъ превратностяхъ нашей исторической жизни; она поддерживала и спасала насъ; она проникала во всѣ изгибы нашего существованія и на все наложила свое знаменіе".

(Катковъ).

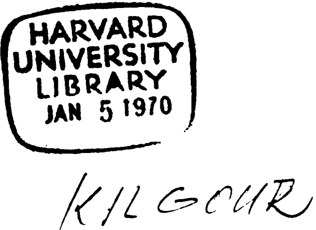

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1905.

3696.

Дозволено цензурою. Москва, 26 января 1905 года.

Издавая отдѣльной брошюрой статьи М. Н. Каткова „О Церкви“ мы должны оговориться, что выборъ этихъ статей происходилъ въ зависимости отъ предполагаемыхъ размѣровъ брошюры.

(Ред.).

Вмѣсто предисловія.

Въ вопросахъ политическихъ необходимо различать двѣ стороны: учрежденія и лица. Всѣ подданные государства имѣютъ право на доброжелательство государственной власти и покровительство законовъ, и чѣмъ менѣе полагается между лицами разницы, чѣмъ болѣе обезпечивается свобода каждаго, тѣмъ лучше. Въ этомъ состоитъ истинный прогрессъ политическихъ обществъ. Что называется гуманностію и либеральностію въ политикѣ, то здравомысленно относится только къ лицамъ, и наиболѣе цивилизованное государство есть то, которое обезпечиваетъ наибольшую законную свободу личности. Что же касается до учрежденій, то правительство можетъ здравомысленно поддерживать, развивать и усиливать только свои національныя, а не чужія учрежденія. Поступать въ противномъ смыслѣ и полагать въ томъ гуманность и либеральность было бы признакомъ глубокаго варварства и самаго глубокаго смѣшенія понятій. Предоставлять свободу и давать власть — двѣ разныя вещи, которыя между собою сталкиваются. Цивилизованное государство предоставляетъ лицамъ свободу совѣсти и допускаетъ въ своихъ предѣлахъ разныя, свободно существующія религіозныя общества. Но совсѣмъ иное дѣло — давать этимъ обществамъ власть, дѣлать

ихъ существованіе обязательнымъ. Это значило бы нарушать свободу лицъ, и притомъ не въ пользу государства, а въ ущербъ и подрывъ ему. Стѣсненіе личной свободы допускается здравомысленно лишь въ видахъ какой-либо государственной необходимости; но здравый смыслъ отступитъ въ смущеніи при видѣ дѣйствій вынужденія совершаемыхъ правительствомъ во вредъ своему государству.

Исторія Россіи, преимущественно за нынѣшнее столѣтіе, полна поразительныхъ явленій, которыя будутъ предметомъ вѣчнаго изумленія для людей мыслящихъ. Приходится думать, что народъ нашъ одаренъ сверхъестественною крѣпостію, если въ немъ не совсѣмъ изсякла жизнь при тѣхъ испытаніяхъ, которымъ онъ подвергался. За то и нѣтъ надобности искать иныхъ причинъ, кромѣ господствовавшей у насъ правительственной практики, для объясненія тѣхъ золъ, которыми народъ нашъ страдаетъ, и тѣхъ опасностей, которыя въ нашемъ государственномъ организмѣ гнѣздятся. Не въ укоръ нашему прошлому, а изъ живой преданности пользамъ и славѣ настоящаго, должны мы говорить съ полною откровенностію.

Въ Россіи есть національная церковь. Русскою слѣдуетъ называть нашу церковь не потому, что она пользуется государственной привилегіей, а потому что она присутствовала при началѣ нашего историческаго бытія, при рожденіи нашего государства. Какъ только можемъ мы запомнить себя, она уже свѣтилась въ нашей тьмѣ и сопутствовала намъ во всѣхъ превратностяхъ исторической жизни. Она поддерживала и спасала насъ; она проникала во всѣ изгибы нашего существованія и на все положила свое знаменіе. Всѣ наши воспоминанія связаны съ нею, вся наша исторія исполнена ею. Нельзя представить себѣ возможность какой-либо иной изъ су-

ществующихъ нынѣ церквей, которая могла бы называться русскою, хотя, съ другой стороны, никогда не должно упускать изъ виду, что истинное значеніе нашей церкви состоитъ не въ томъ, чтобъ быть національною. Связывать ее съ какою-либо народностію значило бы унижать и безславить ее. Она признаетъ себя вселенскою, и въ этомъ ея истинный характеръ. Значеніе же русской имѣетъ она для насъ не по сущности своей, а лишь потому что мы усвоили ее себѣ изначала, и что она существуетъ у насъ какъ наше національное учрежденіе. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что для поддержанія ея не требуется государственной привилегіи и полицейской опеки, и что напротивъ привилегія и опека только вредятъ ея чистотѣ, подавляютъ ея жизнь и подрываютъ ея внутреннюю силу. Только тѣ заботы о ней хороши, которыя клонятся къ тому, чтобы въ ней самой была жизнь, и чтобъ она по возможности обладала собственными средствами для поддержанія своего достоинства и своихъ учрежденій. Если же правительство считаетъ себя обязаннымъ заботиться о національномъ учрежденіи, какимъ признается православная церковь въ Россіи, то оно ни въ какомъ случаѣ не несетъ на себѣ обязанности давать силу и власть всякимъ другимъ религіознымъ учрежденіямъ, не имѣющимъ національнаго значенія. Въ предѣлахъ Россійской Имперіи существуетъ, напримѣръ, римско-католическое церковное учрежденіе. Такъ какъ есть въ Россіи населенія, исповѣдующія римскій католицизмъ, то правительство не можетъ не допускать и даже не признавать его въ извѣстной мѣрѣ. Но оно отнюдь не можетъ брать на себя обязанность блюсти его чистоту, поддерживать господствующія въ немъ нормы, обезпечивать его отъ внутреннихъ ересей или принуждать принадлежащихъ къ нему людей строго покоряться его чину. Еще менѣе

можетъ правительство поддерживать какое-либо религіозное учрежденіе въ смыслѣ чужаго національнаго учрежденія. Допускать какое-либо вѣроисповѣданіе въ предѣлахъ государства лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ оно было чужимъ національнымъ учрежденіемъ,—католицизмъ обязательно польскимъ, протестантизмъ обязательно нѣмецкимъ,—это ничѣмъ не можетъ быть разумно объяснено, ни съ какой точки зрѣнія оправдано.

Умы, не способные къ серіозному и отчетливому мышленію, яко бы изъ ревности къ православію, крикливо отрицаютъ у христіанъ другихъ вѣроисповѣданій право признавать себя Русскими, полагая, повидимому, что это могло бы опоганить русскую народность. По ихъ теоріи, слѣдуетъ либо изгнать всякое иновѣріе изъ государства и облечься въ религіозный фанатизмъ давно минувшихъ временъ, либо покрыть государство чужими національными учрежденіями, и вмѣстѣ съ каждымъ допускаемымъ вѣрованіемъ вводить въ силу новую политическую національность и дѣлать такимъ образомъ для государства необходимостію, чтобы въ его нѣдрахъ жили разныя чужія политическія силы, расторгающія его единство и вносящія смуту и зложелательство во всѣ отправленія его жизни.

Національная церковь въ Россіи есть церковь православная, и ни какая иная не можетъ быть русскимъ національнымъ учрежденіемъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы люди, исповѣдующіе вѣру не признаваемую въ качествѣ русской національной, не могли быть Русскими. Національность въ христіанскомъ мірѣ есть дѣло свѣтское, и опредѣляется не религіей, а государствомъ *).

Катковъ.

---

*) 1867 г. № 101.

I.

Православная церковь.

1.

Неправильности въ положеніи православной церкви и православнаго духовенства въ Россіи.

Церковь нашу зовемъ мы православною, и имѣемъ полное къ тому основаніе. Отъ православной церкви пріяли мы духовную жизнь; она положила начало историческому бытію нашего народа; мы всѣмъ обязаны ей: но что же сдѣлали мы сами въ прославленіе православной каѳолической церкви, которой мы всѣмъ обязаны? Ея достоинства—не наши достоинства, и мы не имѣемъ права вмѣнять ихъ себѣ въ заслугу. Напротивъ, чѣмъ выше мы ставимъ ее, тѣмъ болѣе, быть-можетъ, приходится намъ упрекать себя. Православная церковь требуетъ себѣ служителей по призванію: по призванію ли имѣетъ она своихъ служителей у насъ? Она отвергла какъ іудейскій обычай все что можетъ способствовать образованію потомственнаго духовнаго званія: гдѣ же какъ не у насъ въ цѣломъ христіанскомъ мірѣ имѣется потомственное духовное званіе? Православная церковь требуетъ, чтобы въ выборѣ священниковъ на приходы принимали непосредственное участіе сами при-

хожане: такъ ли у насъ? Не получались ли у насъ до послѣдняго времени священническія мѣста въ приданое за дѣвицами духовнаго званія? Православная церковь требуетъ, чтобы пастырями ея были люди достаточно зрѣлые, достаточно испытанные жизнію, и постановляетъ правиломъ, чтобы священниками могли быть лица не ранѣе 30 лѣтъ отъ роду: соблюдается ли у насъ это столь важное правило? Не у себя ли мы видимъ двадцатидвухъ-лѣтнихъ пастырей? Православная церковь допускаетъ въ священство лица находящіяся во бракѣ; но не налагая на своихъ служителей обязанности безбрачія, она еще менѣе налагаетъ на нихъ обязанность непремѣнно быть женатыми: такъ ли у насъ? Не установился ли у насъ, вопреки смыслу, обычай ставить бракъ условіемъ священства? Православная церковь чествуетъ иночество какъ высшее духовное призваніе, но не поставляетъ его въ обязанность и не требуетъ его какъ необходимаго для своихъ учрежденій условія, и потому въ древнія времена православія епископы поставлялись какъ изъ чернаго, такъ и изъ бѣлаго духовенства. Такъ ли у насъ? Не обратилось ли у насъ монашество въ средство для стяжанія церковной власти и почестей? Не создаемъ ли мы искусственно такъназываемое ученое монашество?

Не скоро окончился бы этотъ рядъ вопросовъ, еслибъ имѣлось въ виду вполнѣ характеризовать то положеніе, въ которомъ находится ввѣренная намъ на храненіе и прославленіе православная церковь, и показать все въ чемъ нашъ обычай отступилъ отъ чистоты православія, или чему, вопреки духу истинной церкви Христовой, мы придали существенное значеніе.

Церковь Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста почти утратила въ нашей заглохшей средѣ даръ ученія и проповѣди. Это дошло до того,

что иновѣрцы, незнакомые съ сущностью православной церкви, полагаютъ, смотря на насъ, что ей вовсе чуждъ духъ ученія и проповѣди, между тѣмъ какъ примѣръ и завѣтъ ея Божественнаго Главы поставляетъ ученіе и проповѣдь въ основу церковной жизни. Наше духовенство, за немногими блестящими исключеніями, почти не пользуется этимъ столь обязательнымъ для него средствомъ дѣйствія на народъ къ возвышенію его нравственности, къ облагороженію его жизни, а только этимъ могло бы оно воздать за даръ тайнодѣйствія пріемлемаго имъ отъ вселенской церкви, въ этомъ только могла бы выразиться его самодѣятельность къ ея прославленію. Недовѣріе къ силѣ истины, которое держало въ оковахъ нашу нравственную жизнь, начало ослаблять свое дѣйствіе въ нынѣшнее благословенное царствованіе, но еще не для пастырей церкви, которые безъ предварительной цензуры не могутъ молвить живаго слова къ своей паствѣ. Мы скудны въ дѣлѣ просвѣщенія и науки; но если наши свѣтскіе ученые довольствуются доселѣ положеніемъ учениковъ, не всегда заслуживающихъ порядочной отмѣтки отъ своихъ иностранныхъ учителей, то не можетъ не быть особенно прискорбнымъ, что въ такомъ же положеніи находятся и наши богословы: наши свѣтскіе ученые ничего за собою не имѣютъ, ничего не значатъ и ничего собою не роняютъ, а наши богословы являются представителями церкви, обладающей сокровищемъ богопознанія и мудрости. Въ нашемъ духовенствѣ изсякло даже знаніе тѣхъ языковъ, которые полагаются вездѣ въ основу высшаго умственнаго образованія и служатъ необходимымъ орудіемъ всякой эрудиціи, — языковъ, которые особенно для богослова необходимы. Мы хотѣли изъ нашихъ священниковъ дѣлать фельдшеровъ и коноваловъ, повидимому находя эти послѣднія призванія по-

лезнѣе, и въ этихъ видахъ перестраивали наши семинаріи. Слава Богу, эта пора миновала, но замѣтимъ кстати, что даже въ новомъ улучшенномъ уставѣ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, для богослововъ не положено обязательное изученіе еврейскаго языка.

Наконецъ церковь Христова, которая всякому духовному творчеству, посредственно или непосредственно, даетъ начало, у насъ превратилась въ полицейскій институтъ. Грубѣйшій расколъ развился изъ ея нѣдръ, и она остается предъ нимъ безсильна. Она не можетъ достаточно поддерживать свои учрежденія и бросаетъ безъ призрѣнія своихъ овецъ, не рѣдко привлекаемыхъ къ ней полицейскими чиновниками, иногда съ помощью Еврея или Татарина. Мы вынуждаемъ ее отступать даже предъ магометанствомъ и ламайствомъ.

Люди изъ дальнихъ странъ, ища истины и обращаясь къ Востоку, приходятъ къ намъ за познаніемъ мерцающаго имъ издалека древняго православія, а мы спѣшимъ запереться, и на стукъ ихъ отвѣчаемъ: „Идите съ Богомъ мимо. Приходите когда-нибудь послѣ". Мы заботимся не о томъ, чтобы церковь нашу узнали, чтобъ она восторжествовала; мы рады, чтобы насъ оставили въ покоѣ и къ намъ не заглядывали.

Новый духъ, который вѣетъ теперь въ нашемъ отечествѣ, все возбуждая и все призывая къ жизни, не могъ не коснуться и церковной сферы. Въ то время, когда пала главная твердыня крѣпостнаго права, которымъ охвачена была наша народная жизнь, не могутъ долго оставаться нетронутыми и всѣ другіе виды того же начала. Это начало закрѣпощенія было необходимостью нашей исторіи и выразилось оно не въ одномъ собственно такъ-называемомъ крѣпостномъ правѣ; оно простерло свое дѣйствіе повсюду, имъ внесена гражданская рознь въ нашу общественную организацію; имъ созданы у насъ

особыя юридическія состоянія; оно пріурочило людей къ разнымъ обществамъ, которымъ принесено въ жертву начало личной свободы; оно постепенно возлагало на всѣ созданныя имъ сословія тягло крѣпостнаго служенія. Духовенство подпало тому же началу, но подпало безъ всякой нужды, единственно только въ силу аналогіи. Начало закрѣпощенія, выразившись могущественно, не могло не подчинить себѣ и того, что по сущности своей ему не подлежитъ, и что не нуждалось бы въ его суровой школѣ; оно подчинило себѣ и церковную жизнь нашу. Подъ вліяніемъ созданной имъ системы понятій, въ весьма недавнее время, сложилось особое крѣпостное состояніе подъ именемъ духовнаго званія. Церковь была понята какъ великая фабрика, которая нуждается въ рабочихъ и не можетъ разчитывать на вольный трудъ, и вотъ къ ней приписаны многія сотни тысячъ семей, которыя составили такимъ образомъ особое званіе, именуемое духовнымъ и имѣющее свои юридическія особенности. У насъ духовныя лица суть не тѣ только, что несутъ на себѣ духовныя должности, но и жены, и дѣти, и родственники ихъ.

Сила не въ томъ, что изъ нашего духовнаго званія возможенъ выходъ, а въ томъ, что можетъ быть рѣчь о выходѣ изъ духовнаго званія тѣхъ, кто не несетъ на себѣ никакого дѣйствительнаго духовнаго званія; сила въ томъ, что у насъ есть гражданское, юридически обозначенное сословіе, именуемое духовнымъ, и что это духовное званіе состоитъ изъ семей, про запасъ приписанныхъ къ церкви и представляющихъ собою явленіе аналогическое тѣмъ крестьянскимъ населеніямъ, которыя до 19-го февраля 1861 года состояли въ крѣпостной зависимости отъ разныхъ казенныхъ учрежденій. Вслѣдствіе регламента Петра Великаго, а главнѣйше вслѣдствіе законодательныхъ мѣръ принятыхъ въ началѣ

нынѣшняго столѣтія и имѣвшихъ ближайшимъ предметомъ своимъ духовно-учебныя заведенія, наше духовенство очутилось въ положеніи поссессіонныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ церкви. Сотни тысячъ семей приписанныхъ къ церкви были изъяты изъ общихъ законовъ, подчинены особому управленію и, въ замѣнъ того, уволены отъ нѣкоторыхъ общихъ повинностей. Церковнымъ властямъ пришлось завѣдывать не только людьми состоящими на дѣйствительномъ церковномъ служеніи, но и ихъ женами, дѣтьми и родственниками, цѣлымъ народонаселеніемъ составляющимъ какъ бы государство въ государствѣ; епископамъ, помимо дѣлъ церкви, пришлось судить и рядить дѣла, не имѣющія ничего общаго съ ихъ призваніемъ. Семьи, приписанныя къ церкви, распложаясь, неизбѣжно впадаютъ въ оскудѣніе и нищенство, и епископамъ пришлось заботиться о дѣвицахъ духовнаго званія и пріискивать имъ жениховъ изъ того же званія; въ ущербъ высшимъ интересамъ церкви, имъ пришлось заботиться о томъ, какъ бы пристроить и прокормить пролетаріевъ. Церковь стала средствомъ обезпечивать какъ-нибудь судьбу множества семей, укрѣпленныхъ за ней для обезпеченія ея потребностей. Послѣдствія такого положенія дѣлъ у всѣхъ предъ глазами, и наше законодательство, какъ замѣчено выше, уже ясно имѣетъ въ виду причиняемое этимъ положеніемъ зло. Остается желать только, чтобы врачеваніе начиналось не съ послѣдствій, а съ причинъ, и чтобы законодательныя мѣры клонились къ упраздненію причинъ, а не послѣдствій. Пока остается въ силѣ господствующая система, надобно переносить ея послѣдствія, какъ бы ни были они безобразны и тягостны; и наоборотъ, если мы не можемъ и не хотимъ мириться съ дурными послѣдствіями, надо спѣшить устраненіемъ причинъ.

Хороши и плодотворны лишь тѣ реформы, которыя не сопровождаются напрасными жертвами. Упраздненіе потомственнаго духовнаго званія какъ особаго юридическаго состоянія можетъ быть легко совершено безо всякой несправедливости относительно семействъ, которыя имъ охвачены. У насъ еще не образовалось одно общее, для всѣхъ равное, гражданское состояніе; у насъ еще имѣются особыя юридическія состоянія. Тѣ льготы и преимущества, которыми пользуются дѣти духовнаго званія, могли бы остаться при нихъ, но только не въ качествѣ какого-то духовнаго званія. Дѣти священно-служителей пользуются въ сущности тѣми же гражданскими правами, какія сопряжены съ состояніемъ почетнаго гражданства. Какъ для церкви, такъ и для государства, а равно и для самихъ духовныхъ лицъ, было бы истиннымъ благомъ, еслибъ это потомственное духовное званіе, недавно, вопреки преданіямъ и правиламъ, образовавшееся у насъ, исчезло изъ нашей общественной организаціи, и передало приписанныя къ нему семьи въ соотвѣтственныя по своимъ правамъ сословія. Съ этого необходимо начать, дабы въ нашихъ церковныхъ учрежденіяхъ пробудился духъ жизни, и дабы всѣ имѣющія ихъ своимъ предметомъ реформы могли совершаться успѣшно и благотворно *).

2.

Необходимость уничтоженія касты въ православномъ духовенствѣ.

Въ минувшій январь, по возвращеніи изъ Петербурга въ мѣсто своего служенія, кіевскій генералъ-губерна-

*) 1867 г. № 162.

торъ, А. П. Безакъ, получилъ отъ мѣстнаго православнаго духовенства (Липовецкаго уѣзда, Кіевской губерніи) адресъ, который появился затѣмъ въ *Кіевлянинѣ* и воспроизведенъ въ № 31 нашей газеты. Въ этомъ адресѣ духовенство наше первое отозвалось корпоративно на преобразованія, коснувшіяся его быта и долженствующія въ своемъ развитіи возвратить ему, а съ нимъ и вообще церкви, достоинство, свободу и жизнь, въ которыхъ они такъ нуждаются. Полезно отыскивать значеніе во всякомъ обстоятельствѣ, даже въ маловажномъ, и мы не можемъ не видѣть нѣкотораго значенія въ томъ, что потребность лучшаго впервые съ особенною энергіей сказалась посреди духовенства Кіевской епархіи. Въ Кіевѣ началась наша духовная жизнь; здѣсь въ продолженіе вѣковъ было средоточіе нашего христіанскаго просвѣщенія; сюда восходятъ древнѣйшія и драгоцѣннѣйшія преданія нашего православія; здѣсь оно выдержало испытаніе борьбы, которая развила въ немъ энергію, разумѣніе и чувство достоинства; здѣсь православное духовенство не составляло особой породы, и не смотря на то, что общія условія, сковавшія нашу церковную жизнь, распространились и сюда, на здѣшнемъ духовенствѣ не отпечатлѣлся еще типъ касты. Если здѣсь находится начало нашей духовной жизни, то здѣсь же весьма естественно должна съ особенною живостью чувствоваться и потребность ея обновленія. Къ великому счастію для нашего отечества, эта потребность обновленія духовной жизни не есть явленіе случайное и разобщенное, заглушаемое и подавляемое силою вещей противнаго свойства; она согласуется со всѣми великими интересами нашего народнаго быта, и настоятельно требуется ими. Преобразованіе, въ которомъ нуждается гражданская организація нашей церкви, предопредѣляется всѣмъ ходомъ нашихъ нынѣшнихъ преобразованій, которыя мо-

гутъ принести свой плодъ не прежде какъ организація духовной жизни въ нашемъ народѣ приметъ характеръ вполнѣ ей соотвѣтственный.

Какъ читателямъ нашимъ извѣстно, кіевскій генералъ-губернаторъ ходатайствуетъ о томъ, чтобы въ трехъ ввѣренныхъ его управленію губерніяхъ православное духовенство было изведено изъ затворовъ касты. Ничего не можетъ быть справедливѣе и, какъ мы убѣждены, ничего своевременнѣе и легче для исполненія, какъ это требованіе. Постепенность есть мудрое правило во всемъ; но въ чемъ состоитъ истинный смыслъ постепенности? Не въ томъ, конечно, чтобы идти отъ послѣдствій къ основаніямъ, а въ томъ, чтобы положивъ твердою и рѣшительною рукою основанія дѣлу, дать ему просторъ и время выработать подробности своей организаціи. Вотъ примѣръ: у насъ установился обычай предоставлять церковныя мѣста въ приданое за дочерями священнослужителей. Просвѣщенное разумѣніе и религіозное чувство отступаютъ предъ этимъ обычаемъ и справедливо видятъ въ немъ злоупотребленіе; но искренность прежде всего, и мы должны сознаться, что это злоупотребленіе не есть случайность, которую стóитъ только отсѣчь чтобъ очистить существующую систему, но что оно вытекаетъ изъ основаній системы, есть ея существенная принадлежность, одинъ изъ ея плодовъ, по которому можно судить о ея природѣ. Прекращеніе какого-либо злоупотребленія можетъ иногда оказаться несправедливостію и сопровождаться потрясеніемъ и разстройствомъ весьма уважительныхъ интересовъ: это бываетъ именно въ тѣхъ случаяхъ, когда основанія фальшивой системы удерживаются, а отсѣкаются только вѣтви ея. Всѣ дурныя послѣдствія неправильнаго положенія духовенства исчезнутъ сами собою, какъ только упразднится съ ея пролетаріатомъ, съ ея своего рода

крѣпостнымъ состояніемъ, съ ея архіереями, обязанными быть не просто предстоятелями церкви, но правителями особаго въ каждой епархіи народа, именуемаго духовнымъ званіемъ, который изъятъ изъ общихъ законовъ и составляетъ какъ бы status in statu. Всѣ затрудненія будутъ успѣшно побѣждены, если только начать сначала, то-есть законодательно признать основной канонъ церкви, и постановить, что духовное званіе есть званіе лицъ состоящихъ въ церковныхъ должностяхъ, и что затѣмъ къ этому званію никто принадлежать не можетъ. Дѣтямъ же священнослужителей справедливость требуетъ предоставить права по крайней мѣрѣ равныя правамъ дѣтей протестантскихъ пасторовъ, то-есть личнаго дворянства.

Администрація юго-западнаго края была приведена къ этой истинно-государственной мысли потребностями гражданскаго свойства. Не только правило церкви, крайняя государственная необходимость требуетъ отмѣны этихъ условій, наложенныхъ обстоятельствами на церковь въ противность ея духу. Действительно, освобожденіе церкви есть теперь у насъ необходимость для государства. Все вопіетъ объ этомъ освобожденіи, въ которомъ заключается тайна истиннаго обновленія нашей народной жизни, и безъ котораго ничто не будетъ имѣть прочнаго успѣха, ничто не дастъ живаго плода; а первымъ шагомъ въ этомъ смыслѣ есть освобожденіе духовенства отъ несвойственныхъ христіанскому и тѣмъ паче православному духовенству условій потомственнаго званія. Потребность заявленная кіевскою администраціей вполнѣ согласуется съ направленіемъ нашего законодательства какъ вообще, такъ и въ особенности по дѣламъ церковнымъ. Мѣры принятыя въ послѣдніе два—три года, дополняя одна другую, ясными чертами обозначаютъ систему, которой правительство намѣрено держаться

въ вопросахъ, касающихся нашего церковнаго быта. Одинъ значительный шагъ въ этомъ направленіи, и великое по своему значенію и послѣдствіямъ дѣло будетъ совершено.

Давно уже наступила пора серіозно подумать о нуждахъ духовной жизни въ нашемъ народѣ. Печальные признаки свидѣтельствуютъ, что медлить въ вопросахъ этого свойства невозможно. Все что̀ можетъ способствовать оживленію нравственныхъ силъ народа, все что̀ можетъ вести къ его просвѣщенію и разрѣшать узы его духовной жизни, есть для насъ спасеніе на всѣхъ путяхъ и во всѣхъ направленіяхъ. Церковь наша не можетъ долѣе оставаться въ тѣхъ условіяхъ, которыя обложили и какъ бы скрыли ее. Порядокъ вещей, основанный на механизмѣ нынѣшняго давленія, долженъ уступить мѣсто другому, который призвалъ бы къ дѣйствію силы нравственнаго порядка. Церковь должна быть церковію. Что̀ бы ни говорили защитники папства, ей не можетъ принадлежать государственная власть, но потому же самому она не можетъ быть также и полицейскимъ учрежденіемъ, не слабѣя въ своемъ существѣ, не лишаясь своего духа. Ошибочно было бы думать, что церковь, опираясь на силу ей не свойственную, можетъ въ то же время сохранять въ себѣ и ту силу, которая ей свойственна. Нѣтъ, одно изъ двухъ. Чѣмъ болѣе церковь, какъ и всякое духовное дѣло, опирается на силу ей внѣшнюю, тѣмъ болѣе бездѣйствуетъ она внутренно. Духъ, безъ котораго люди начинаютъ обходиться, отлетаетъ отъ нихъ, и дѣло лишенное жизни подпадаетъ подъ законъ механизма. Истина только тамъ, гдѣ есть убѣжденіе въ ней, гдѣ есть вѣра въ ея силу. Если люди привыкаютъ поддерживать свое дѣло механическими способами, то дѣло мертвѣетъ въ ихъ рукахъ, и они теряютъ вѣру въ него, ибо что̀ бездѣй-

ствуетъ, то лишается силы, и людямъ не остается ничего иного какъ размножать и усиливать способы механическіе, обрекая себя во всемъ на духовное безплодіе и нравственное безсиліе. Издали, по одному взгляду, по одной поступи, можно отличить тѣхъ, кто въ своемъ дѣлѣ привыкъ опираться не на внутреннюю его силу, а на постороннія пособія, и въ комъ отъ неупотребленія осталась неразвитою сила нравственнаго дѣйствія, которая одна лишь даетъ и человѣку и его дѣлу характеръ истиннаго достоинства.

Увы! мы должны сознаться, что наша народная жизнь страждетъ оскудѣніемъ нравственной производительности. Мы почти вовсе не замѣчаемъ могучихъ духовныхъ факторовъ въ нашей жизни. Вездѣ и во всемъ чувствуемъ мы себя несостоятельными и безсильными. Мы отступаемъ предъ всякою нравственною силой и трепещемъ всякаго состязанія, всякой борьбы невещественнаго свойства. Вина этого заключается не въ людяхъ, а въ положеніи дѣлъ, среди коего люди поставлены и которое не требуетъ отъ нихъ употребленія нравственныхъ силъ.

Мы повидимому, съ величайшею заботливостію охраняемъ нашу православную церковь; но въ способахъ, которые для этого нами употребляются, не видно, чтобы мы были убѣждены въ ея истинѣ и были увѣрены въ ея силѣ. Мы охраняемъ ее какъ политическое учрежденіе и для этого слишкомъ жертвуемъ ею какъ великою христіанскою церковію. Мы довольствуемся тѣмъ, чтобъ она представляла собою хорошо выработанный бюрократическій механизмъ, и весьма естественно, что она даетъ у насъ только такіе результаты, которые свойственны механизму этого рода. При тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлено у насъ духовенство,

мы не въ правѣ и требовать отъ него чего-либо иного. Кто захотѣлъ бы выйдти изъ обычной колеи, тотъ представилъ бы собою явленіе крайне странное, и самъ бы смутился и усомнился въ себѣ.

Дѣла сложились такъ, что изъ церковной организаціи нашей совершенно исключено самое могущественное и великое начало, состоящее въ силѣ призванія. Ничего не предоставлено свободѣ христіанской совѣсти и мысли, все поставлено подъ цензуру, даже слово священника; ничто не внушено вѣрою въ судьбы великой Христовой церкви, все разчитано только на механическое сцѣпленіе. У иновѣрныхъ населеній отнято право употребленія отечественнаго языка въ религіозныхъ предметахъ, и подъ видомъ огражденія православной церкви цѣлыя населенія воспитываются въ духѣ отчужденія отъ своего отечества. Чтобы церковь была обезпечена въ потребномъ количествѣ священно-служителей, къ ней приписаны сотни тысячъ семей, которыя должны поставлять ей таковыхъ и образовать изъ себя особое колѣно въ народѣ, особое потомственное сословіе въ государствѣ. Самая паства нашей церкви имѣетъ видъ только какъ бы приписанныхъ къ ней населеній. Громадное множество народа находится въ совершенно внѣшнихъ къ ней отношеніяхъ, чуждое всякаго, хотя бы поверхностнаго разумѣнія ея основаній, пребывая во тьмѣ и коснѣя въ грубѣйшихъ суевѣріяхъ. Дѣло церкви считается исполненнымъ, если человѣкъ зачисленъ въ метрикѣ православнымъ. Нѣтъ нужды, что многочисленныя населенія живутъ въ полномъ отчужденіи отъ церкви, лишь бы только они оставались помѣченными въ графѣ православныхъ и поддерживали внѣшнюю связь съ ней, либо усердно откупались отъ ней, составляя статью дохода для надзирающихъ за ихъ православіемъ мѣстныхъ властей. Что въ такомъ по-

ложеніи находились у насъ дѣла, это ни для кого не тайна, и изъ этого положенія они едва ли вышли и теперь. Дабы дѣла могли принять иной видъ, надобно, чтобъ измѣнились условія, въ которыхъ они находятся; надобно, чтобы церковь оживилась и начала дѣйствовать въ свойственномъ ей духѣ, а для этого надобно, чтобы система механизма дала мѣсто духовному началу свободы и жизни.

Тяжело подумать, что великая церковь Христова оказывается среди насъ недостаточно сильною устоять противъ ламайства и магометанства. Ничего не можетъ быть прискорбнѣе для христіанскаго чувства и унизительнѣе для нашей цивилизаціи какъ свѣдѣнія, къ сожалѣнію, несомнѣнныя, приходящія съ нашего Востока, изъ бывшаго царства Казанскаго, гдѣ христіанство встрѣчается съ магометанствомъ. Цѣлыя населенія спокойно зачисленныя въ графу христіанскихъ оказываются весьма ревностными магометанами, и предъ мечетью, храмъ христіанскій поникаетъ въ безсиліи. Магометанство посреди христіанскаго народа возносится надъ христіанствомъ, какъ сила нравственная и просвѣтительная, и въ то время какъ православныя населенія вокругъ коснѣютъ въ невѣжествѣ, лишенныя всякаго нравственнаго воспитанія, мечети становятся средоточіемъ просвѣщенія, и муллы усердно трудятся надъ образованіемъ и нравственнымъ возвышеніемъ паствы. Впервые такимъ образомъ доводится христіанству видѣть себя въ положеніи слабѣйшаго, имѣя за собою матеріальную силу. Не есть ли это потрясающее свидѣтельство о глубоко неправильномъ положеніи дѣлъ? Путемъ механическаго давленія и нельзя поправить его; остается позаботиться о томъ, чтобы христіанство въ нашей народной средѣ обнаружило дѣйствіе преимущественно ему свойственное, вызывало на служеніе себѣ силы духовныя и осно-

вало свои храмы во глубинѣ свободной человѣческой совѣсти*).

3.

Начало реформы нашихъ церковныхъ дѣлъ.

Напрасно враги наши, умѣвшіе найти себѣ сильныхъ пособниковъ въ умахъ нечестныхъ или недальновидныхъ, торжествовали побѣду и радовались. Солнце, взошедшее надъ Россіей 19-го февраля, не утратило своей животворной силы. Что даровано нашему отечеству съ восшествіемъ на престолъ нынѣ царствующаго Государя, надъ тѣмъ почіетъ благословеніе Божіе, и того никто не отниметъ у насъ. Каждый проходящій день убѣждаетъ насъ въ этомъ. 19-го февраля не оскудѣло въ своей силѣ, и пока его противники напрягаютъ усилія, чтобы смутить или остановить его шествіе, оно незамѣтно и нечаянно для нихъ оставляетъ ихъ далеко за собой.

Вотъ новая реформа, которая совершилась тихо и въ которой снова всею силой сказалось освобождающее начало 19-го февраля, этого дня рожденія возобновленной Россіи. Еще не успѣлъ текущій годъ совершить и половину своего оборота, какъ уже онъ ознаменовался событіемъ столь же значительнымъ, сколько оно кажется на первый взглядъ скромнымъ.

Церковь, мы должны сознаться въ этомъ, закоснѣла у насъ въ положеніи ей несвойственномъ. Неизмѣнная въ своемъ существѣ, непреложная въ своей вселенской истинѣ, она во многомъ какъ бы перестала походить на себя тѣмъ бытомъ, который сложила ей историческая необходимость въ нашей народной средѣ. Она не

*) 1868 г. № 40.

могла при свѣтѣ собственной истины провѣрять всѣ части своего быта, не убѣждаясь къ прискорбію, что ея дѣйствительное положеніе стало во многомъ въ прямое противорѣчіе съ нею. Увы! мало-по-малу мы утратили это чувство прискорбія возбуждаемаго повѣркою, а наконецъ и наклонность и способность предпринимать ее. Бытъ нашей церкви сталъ какъ бы механизмомъ, не обнаруживающимъ внутренней жизнедѣятельности. Ей пришлось отказаться отъ многаго, что требуется, и допустить иное, что отвергается ея духомъ и даже буквой ея ученія. Опираясь на постороннія ей силы, она являлась какъ бы организованнымъ недовѣріемъ къ себѣ. Высшія человѣческія силы, по преимуществу христіанскія, почти не призывались ею на службу и считались какъ бы ненужными. Мы перестали нуждаться въ просвѣщеніи, мы сочли дѣломъ излишнимъ внутреннее убѣжденіе и энергію добровольнаго дѣйствія, мы усомнились въ силѣ истины и предпочли довѣриться болѣе полицейскому надзору и цензурѣ, нежели ей, мы пренебрегли свободу совѣсти, и исключили чувство призванія изъ нашего церковнаго обихода. Мы утратили смыслъ различія между существеннымъ и случайнымъ, между второстепеннымъ и главнымъ, и послѣдствіемъ этого было оскудѣніе духа въ нашей общественной средѣ. Дѣла не могли оставаться въ этомъ положеніи...

19-го февраля 1861 года наступила для Россіи новая эра. Великія реформы, которыя съ удивительною стройностію послѣдовали одна за другою не были случайностью. Онѣ были самою настоятельною необходимостью. Съ ними связанъ вопросъ о бытіи великаго политическаго цѣлаго, называемаго Россіей. Посреди этихъ реформъ возникъ неизбѣжно и вопросъ о нашемъ церковномъ учрежденіи. Никакія общественныя улучшенія, какъ бы ни были они обширны и глубоки, не мо-

гутъ увѣнчаться должнымъ успѣхомъ и принести свой плодъ, пока духовная жизнь народа коснѣетъ въ условіяхъ неправильныхъ. И вотъ наступила благая очередь исправленія нашихъ церковныхъ дѣлъ. Оно открылось преобразованіемъ духовныхъ училищъ и семинарій, являвшихъ собою состояніе крайняго упадка. Эти учебныя заведенія получили новыя средства, какихъ никогда доселѣ не имѣли, а главное, они очищены отъ зла фальшивой педагогической системы, внесенной въ нихъ неразуміемъ и поразившей ихъ въ самомъ корнѣ. Духовныя училища и семинаріи по новому уставу возвращаютъ себѣ духъ здраваго и основательнаго ученія, и становятся правильными педагогическими заведеніями, согласно съ общими учебными началами, утвержденными въ послѣднее время нашимъ законодательствомъ. Нельзя сказать, чтобъ этимъ заведеніямъ не предстояло ничего пожелать въ будущемъ. Но реформа вывела ихъ на правильный путь, и этого пока довольно. Сила вещей сама собою двинетъ дѣло далѣе, и возбудитъ вопросъ, слѣдуетъ ли удерживать дуализмъ въ общей системѣ нашего народнаго просвѣщенія, и рядомъ съ гимназіями оставлять подъ особымъ управленіемъ равностепенныя и однокачественныя съ ними учебныя заведенія подъ именемъ духовныхъ, и не требуется ли пользою столько же церкви, сколько и гражданскаго общества, чтобъ оба разряда учебныхъ заведеній тѣснѣе сблизились между собою. Но это вопросъ будущаго, которому должно предшествовать рѣшеніе многихъ задачъ; въ настоящее же время недостатокъ желательнаго единства въ положеніи и управленіи духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеній отчасти восполняется на практикѣ тѣмъ, что они находятся подъ рукою одного и того же правительственнаго лица, соединяющаго въ себѣ должности синодальнаго оберъ-прокурора и министра народнаго просвѣщенія.

Но собственное начало реформы нашихъ церковныхъ дѣлъ заключается въ законѣ 26-го мая, коимъ упраздняется духовное званіе какъ наслѣдственное состояніе. Публикѣ уже извѣстны основанія этой мѣры. Отнынѣ никто по рожденію не будетъ принадлежать къ духовному званію, которое становится принадлежностію лицъ, дѣйствительно состоящихъ на службѣ церкви. Отнынѣ уже не будетъ семей приписанныхъ къ церкви, дабы обезпечивать ее священнослужителями, подобно тому, какъ приписывались деревни къ фабрикамъ для обезпеченія ихъ рабочимъ людомъ. Грѣхъ было бы ссориться съ прошедшимъ и злословить причины пораждавшія положеніе дѣлъ осуждаемое высшею истиною. Всякое развитіе на землѣ требуетъ жертвъ. Самыя священныя силы дѣйствующія въ человѣчествѣ не изъяты отъ этой необходимости и бываютъ обречены на временныя стѣсненія въ видахъ общаго домостроительства. Слава Богу, необходимость вынуждавшая стѣсненіе духовной жизни въ нашемъ народѣ миновала! А потому вмѣсто того, чтобы сѣтовать на прошедшее, будемъ радоваться, что оно стало прошедшимъ, и что намъ суждено привѣтствовать наступленіе лучшей поры.

Наслѣдственность духовнаго званія, или духовная каста, есть узаконеніе временъ относительно недавнихъ, но склоненіе къ этому порядку вещей замѣчается фактически еще до Петра Великаго. Церковь въ лицѣ своихъ служителей и представителей стала сословіемъ *между* сословіями, внѣшнимъ для всего остальнаго общества. Еслибы духовное званіе, ставъ особою породою, стало съ тѣмъ вмѣстѣ состояніемъ наиболѣе привилегированнымъ и высшимъ, мы получили бы ѳеократію; но ему отведено было одно изъ низменныхъ мѣстъ, и оно повлекло за собою униженіе достоинства церкви. Образовался соціальный и весьма рѣзкій типъ *поповичей,* не

внушавшій къ себѣ особеннаго уваженія въ народѣ. Маленькія изъятія и льготы лишь нѣсколько приподняли это состояніе отъ совершенно безправной массы. Оно оставалось не полноправнымъ, но плодясь въ затворахъ касты составило наконецъ цѣлый народъ въ народѣ, скудѣвшій по мѣрѣ своего размноженія. Главною заботой епископовъ было пещись объ этомъ людѣ и какъ-нибудь прокармливать этотъ искусственный и безпрерывно возраставшій пролетаріатъ. Епископы представили собою нѣкоторое подобіе помѣщиковъ посреди крѣпостнаго люда. Требовалось какъ - нибудь пристраивать этихъ рожденныхъ въ духовномъ званіи людей, и церковь мало-по-малу превратилась въ средство обезпеченія приписаннаго къ ней люда. Дѣла дошли до того, что никому не казалось соблазномъ даже то, что мѣста священнослужителей давались въ приданое за „дѣвицами духовнаго званія“. Изъ неправильнаго положенія развился цѣлый міръ непривлекательныхъ и неодобрительныхъ отношеній, который громоздился на священной почвѣ церкви. За необходимостію обезпечивать людей рожденныхъ въ духовномъ званіи, пресѣкся доступъ къ алтарямъ для людей изъ иныхъ званій, и вотъ во имя православной церкви незамѣтно сложился у насъ порядокъ вещей рѣшительно осуждаемый ея правилами. Установившаяся у насъ практика почти ежедневно нарушала запретъ шестаго вселенскаго собора, отлучающій тѣхъ отъ церкви, кто условіемъ священства ставитъ происхожденіе...

Отнынѣ этотъ порядокъ, происшедшій изъ стѣсненія жизни и духа, становится дѣломъ прошлымъ. Церковь изводится изъ своей тѣсноты. Она уже не будетъ, въ лицѣ своихъ служителей, обособленнымъ, внѣшнимъ и отчужденнымъ отъ народа сословіемъ. Она приходитъ въ согласіе съ собою, становится стихіей всеобщею и

внутреннею и водворяется во глубинѣ человѣческой совѣсти.

Но не слишкомъ ли много придаемъ мы значенія мѣрѣ о которой идетъ рѣчь? Не думаемъ. Устраненное зло есть начало блага, а вся сила въ началѣ.

Текстъ новаго закона которымъ упраздняется левитизмъ въ нашемъ церковномъ бытѣ и въ нашей народной организаціи—немногословенъ. Онъ простъ и кратокъ; но выраженная въ немъ мѣра есть глубокая и важная реформа. Она есть плодъ рѣшенія въ которомъ сказалась высшая потребность нашей народной жизни. Мы не можемъ предугадывать съ какою силою и въ какой послѣдовательности обнаружится дѣйствіе начала которому эта мѣра открываетъ просторъ; но оно подѣйствуетъ и будетъ имѣть обильныя и благія послѣдствія. Оно возвыситъ уровень нашей духовной жизни, оно дастъ ей направленіе, оно откроетъ предъ нами новые горизонты.

Полагая начало новому порядку вещей, новая законодательная мѣра въ то же время задумана въ духѣ полнаго уваженія къ существующему. Рѣдко реформа съ такимъ стараніемъ избѣгаетъ всякаго нарушенія справедливости въ отношеніи къ тому, что Англичане зовутъ *vested interests*. Имѣя въ виду лучшее будущее, она осторожно и заботливо относится къ настоящему, не попирая никакого уважительнаго интереса. Только неразуміе и зложелательство могутъ протестовать противъ этой мѣры; только апатія рутины можетъ сѣтовать на нее. Дѣти духовныхъ лицъ ничего не теряютъ въ своихъ правахъ съ упраздненіемъ наслѣдственности духовнаго званія. Дѣти священниковъ и діаконовъ не имѣющія правъ высшаго состоянія пользуются правами дѣтей личныхъ дворянъ, а дѣти причетниковъ правами личнаго почетнаго гражданства. Наконецъ, новый законъ

принялъ въ соображеніе недостаточно обезпеченное состояніе нашего духовенства. Изводя дѣтей духовенства изъ духовнаго званія, законъ заботливо сохраняетъ за ними, въ уваженіе къ служенію ихъ родителей, право на всѣ существующія по духовному вѣдомству способы призрѣнія и пособія для бѣдныхъ изъ духовнаго званія.

За нѣсколько недѣль до этой законодательной мѣры, 16-го апрѣля Высочайше утверждена другая, которая также касается нашихъ церковныхъ дѣлъ и которая могла быть задумана и принята лишь въ виду послѣдующей.

Одна изъ причинъ недостаточной обезпеченности православнаго духовенства заключается въ излишествѣ приходовъ, а также въ излишествѣ лицъ составляющихъ церковный причтъ. Эти излишества были необходимостію въ виду церковнаго пролетаріата; теперь же сокращеніе излишнихъ приходовъ и излишнихъ церковныхъ должностей становится мѣрою благовременною и полезною въ видахъ лучшаго обезпеченія духовенства. За исключеніемъ обѣихъ столицъ и нѣкоторыхъ окраинъ Имперіи, гдѣ православные храмы и безъ того не многочисленны, устанавливается различіе между самостоятельными приходскими церквами и церквами приписными, которыя не будутъ имѣть штатныхъ причтовъ. Новое распредѣленіе приходовъ должно основываться на соображеніи ихъ населенности, разстоянія какъ одной церкви отъ другой, такъ и отъ состоящихъ въ ихъ приходахъ деревень, удобства сообщенія приходскихъ деревень съ церквами, помѣстительности храма, нравственно-религіознаго состоянія прихожанъ и другихъ мѣстныхъ условій. Но прихожанамъ предоставляется право удержать приходъ за всякою церковью, если они найдутъ средства обезпечить ея причтъ. Что же касается до штат-

наго состава церковныхъ причтовъ, то нормально причтъ состоитъ только изъ двухъ лицъ, настоятеля и причетника въ званіи псаломщика. Діаконы, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ мѣстъ и каѳедральныхъ соборовъ въ городахъ, не полагаются по штату, но прихожанамъ предоставляется самимъ назначать содержаніе для этой церковной должности, если они пожелаютъ удержать ее въ своей церкви; за то въ приходахъ многолюдныхъ и обширныхъ полагается одинъ или даже нѣсколько священниковъ, какъ помощниковъ къ настоятелямъ, которые, пособляя настоятелю въ удовлетвореніи духовныхъ требъ прихожанъ, могутъ отправлять очередное богослуженіе и въ приписныхъ церквахъ прихода. Можно ли не признать раціональности этой мѣры? Діаконъ не есть необходимая церковная должность, и упраздненіе этой должности въ обыкновенныхъ приходскихъ церквахъ, особенно сельскихъ, должно естественно улучшить положеніе штатнаго церковнаго причта. Псаломщикъ является новымъ элементомъ въ нашемъ церковномъ бытѣ: онъ есть кандидатъ на священника и поэтому псаломщиками имѣютъ быть опредѣляемы лица, окончившія полный курсъ богословскаго образованія. Должность псаломщика можетъ быть предоставляема діаконамъ, или псаломщики, оставаясь въ этой должности, могутъ быть, по усмотрѣнію епархіальной власти, поставляемы во діакона.

Но при этомъ особенно важно то, что наша церковная практика приходитъ въ согласіе съ церковнымъ правиломъ отъ котораго она отступила. Въ священство нельзя поставлять, какъ у насъ дѣлалось, людей только что сошедшихъ со школьной скамьи, не вполнѣ созрѣвшихъ и окрѣпшихъ нравственно и не испытанныхъ жизнію. Тридцатилѣтній возрастъ полагается канонически нормальнымъ для принятія священства, и законъ 16-го

апрѣля возвращаетъ въ этомъ отношеніи нашу церковную практику къ православному канону*).

4.

Къ вопросу о переводѣ Св. Писанія съ славянскаго языка на русскій.

Давно уже было у насъ на сердцѣ сказать нѣсколько словъ по поводу предпринятаго въ послѣднее время такъ-называемаго перевода Священнаго Писанія съ славянскаго языка на русскій. Потребность приблизить эти книги къ народному разумѣнію и открыть свободный и легкій доступъ къ нимъ для всѣхъ и каждаго чувствовалась и въ прежнюю пору. Но при господствовавшихъ въ прежнюю пору порядкахъ и воззрѣніяхъ, нечего было и думать объ удовлетвореніи этой потребности. Подъ видомъ охраненія началъ нашей духовной жизни, тогда считалось лучшимъ вовсе не допускать ихъ до жизни и держать ихъ взаперти. Люди находившіе полезнымъ распространеніе Священнаго Писанія въ народѣ казались крайними либералами, якобинцами, опасными какъ для церковной, такъ и гражданской тишины. Было время когда даже блаженной памяти митрополитъ Филаретъ слылъ за подобнаго якобинца. Россійское библейское общество, имѣвшее цѣлію распространеніе Священнаго Писанія въ народѣ, подверглось гоненію какъ злонамѣренный заговоръ, и было закрыто. Якобинцамъ удалось только настоять на переложеніи Новаго Завѣта и Псалтыря: за то приняты были мѣры, чтобы эти опасныя книги не могли распространиться въ народѣ. Евангеліе въ русскомъ переводѣ пріобрѣсти было очень

---

*) 1869 г. № 126.

трудно. Хотя Британское библейское общество печатало его и продавало по дешевой цѣнѣ, но мѣры противъ его распространенія въ Россіи были гораздо дѣятельнѣе и успѣшнѣе чѣмъ противъ издѣлій революціонной печати. Только въ наше время найдено возможнымъ и должнымъ озаботиться распространеніемъ Евангелія въ общедоступномъ изложеніи. Въ наше время созрѣла наконецъ мысль и объ общедоступномъ изложеніи всѣхъ книгъ Священнаго Писанія, и мысль эта приводится теперь въ исполненіе. Въ видѣ пробы, почти при всѣхъ духовныхъ журналахъ печатаются теперь различныя части Священнаго Писанія въ русскомъ переводѣ.

Въ русскомъ переводѣ! Но развѣ Священнаго Писанія не было до сихъ поръ на русскомъ языкѣ? На какомъ же языкѣ читается оно до сихъ поръ въ нашихъ храмахъ? Развѣ не на славянскомъ, и развѣ русскій языкъ не есть славянскій? Развѣ кромѣ церковно-славянскаго былъ еще какой-нибудь другой языкъ, на которомъ выражалась духовная жизнь нашего народа въ древнюю пору его историческаго существованія? Развѣ не всѣ памятники нашей древней письменности, не только церковной, но и свѣтской, писаны тѣмъ же въ сущности языкомъ, на который переведены для Русской церкви книги Священнаго Писанія? Русская церковь,—но почему же она русская, если даже языкъ, употребляемый ею, только теперь хотятъ перевести на русскій языкъ?

Нѣтъ, мы полагаемъ, что такъ-называемый церковный языкъ есть существенная стихія русскаго. Церковно-славянское слово принадлежитъ къ исторіи русскаго слова, и есть какъ бы его первоначальное состояніе. Въ то время когда первоучители Славянъ изобрѣли для нихъ письмена и впервые повѣдали имъ слово Божіе, еще не было и не могло быть различныхъ языковъ

славянскихъ. Была рознь нарѣчій которыя не могли еще рѣзко обособиться и принять форму самостоятельныхъ языковъ, болѣе или менѣе чуждыхъ одинъ другому. Все еще было тогда зыбко въ славянскомъ мірѣ, и рознь діалектовъ не имѣла еще времени выработаться съ систематическою послѣдовательностію, ибо для этого потребно продолжительное литературное развитіе, при особыхъ условіяхъ національнаго существованія. Тогдашнія славянскія племена не имѣли письменности, которая помогла бы кристаллизоваться розни нарѣчій, и славянскіе діалекты, какъ бы въ иныхъ случаяхъ ни были рѣзки ихъ особенности, являли собою только броженіе не установившихся формъ одного и того же языка. Они безъ сомнѣнія точно также относились другъ къ другу, какъ греческіе діалекты въ Гомеровскихъ эпосахъ, совмѣщающихъ въ себѣ все разнообразіе эллинскаго слова, которое впослѣдствіи, благодаря этой великой сокровищницѣ первоначально собравшей его, никогда не распадалось на чуждые другъ другу и взаимно непонятные языки. Языкъ Священнаго Писанія преподаннаго Славянамъ не могъ пріобрѣсти такого для нихъ значенія. Славянскія племена разошлись слишкомъ далеко и не всѣ сохранили древній языкъ органомъ своей духовной жизни. Но въ свое время онъ былъ понятенъ для всѣхъ Славянъ,—покрайней мѣрѣ столько, сколько простымъ умамъ понятно книжное слово, образовавшееся подъ вліяніемъ чуждой грамматики. Что языкъ Кирилла и Меѳодія былъ вразумителенъ для всѣхъ Славянъ, это доказывается тѣмъ, что первоучители легко и удобно переходили со словомъ проповѣди отъ одного славянскаго племени къ другому. Могло ли бы это быть, еслибы каждое изъ этихъ племенъ имѣло тогда свой особый языкъ, отошедшій отъ общаго корня? Возьмемъ славянскіе языки въ ихъ теперешнемъ состояніи: было

ли возможно обратиться теперь къ разнымъ народамъ славянскаго корня на языкѣ одного изъ нихъ какъ равно для всѣхъ понятномъ? Что въ давнюю пору славянскія нарѣчія еще ближе были между собой, тому служатъ свидѣтельствомъ памятники древней славянской письменности, кромѣ книгъ Священнаго Писанія. Древнѣйшій поэтическій памятникъ чешскаго языка, *Любушинъ судъ*, ближе къ церковно-славянскому языку и къ памятникамъ русской древней письменности чѣмъ къ нынѣшней чешской рѣчи. Подъ прозрачною пеленой діалектическихъ особенностей, въ немъ выразительно сквозитъ общая славянская основа, благодаря которой памятникъ этотъ можетъ считаться достояніемъ исторіи столько же русскаго, сколько чешскаго языка. Скажемъ болѣе: по своей близости къ складу древне-славянскаго, еще не раздѣлившагося языка, какъ онъ отпечатлѣлся въ переводѣ Священнаго Писанія, древнѣйшій памятникъ чешской письменности находится, быть-можетъ, въ болѣе живомъ соотвѣтствіи съ русскимъ языкомъ чѣмъ съ нынѣшнимъ чешскимъ, который въ своемь развитіи не былъ подъ постояннымъ регулирующимъ и сдерживающимъ дѣйствіемъ древняго церковно-славянскаго слова.

Древній славянскій языкъ, ставшій у насъ органомъ церкви, сталъ вмѣстѣ и органомъ всей нашей письменности. Онъ сталъ объединяющею стихіей русскихъ Славянъ; въ немъ начало русскаго языка, въ немъ та основа на которой совершалась въ теченіе столѣтій жизнь его, при всѣхъ измѣненіяхъ въ его составѣ и формѣ. Изъ него, подъ вліяніемъ разныхъ условій, вырабатывалась нынѣшняя литературная русская рѣчь, и какъ бы она далеко ни отошла отъ него, въ ней сохранилась внутренняя связь съ нимъ; онъ присутствуетъ въ ней какъ принципъ, и она всегда можетъ обращаться къ нему

какъ къ своему источнику, обновлять и освѣжать въ немъ свои силы. Вотъ почему намъ кажется невѣрнымъ то воззрѣніе которое видитъ въ церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ два словесные организма другъ для друга замкнутые. Нѣтъ, одинъ въ другой входитъ, и русскій языкъ въ своемъ развитіи не можетъ и не долженъ разобщаться съ своимъ первоначальнымъ родникомъ, заглушать въ себѣ одну изъ своихъ основныхъ стихій, отпираться отъ своего прошлаго и отказываться отъ своихъ природныхъ богатствъ.

Русскій языкъ, въ томъ видѣ какъ мы употребляемъ его теперь, не есть дѣло совершенно оконченное. Всякій живой языкъ подлежитъ развитію которое во многомъ можетъ измѣнять и складъ, и самыя формы его. Относительно русскаго языка это имѣетъ тѣмъ большую силу, что нынѣшнее состояніе еще не успѣло запечатлѣться въ произведеніяхъ вѣковѣчнаго достоинства, которыя закрѣпили бы установившійся въ немъ складъ. Онъ еще открытъ для измѣненій; въ него безпрерывно вливаются новыя струи и индивидуальнаго творчества, и бытовой жизни съ ея мѣстными красками. Должна ли навсегда замолкнуть въ немъ только та стихія которая отъ начала была органомъ духовной жизни нашего народа, которая связуетъ его съ прошедшимъ и присутствуетъ въ русскомъ языкѣ какъ жизненный принципъ его организаціи? Можетъ ли какая-либо организація развиваться хорошо если въ ней подвергнется болѣзненному омертвенію одно изъ существенныхъ началъ ея? Не оскудѣетъ ли при этомъ творчество языка, или не уклонится ли оно въ сторону? Насильственное подавленіе одной изъ жизненныхъ стихій языка не причинитъ ли ущерба самимъ понятіямъ? Всякое слово, всякій оборотъ рѣчи носитъ на себѣ отпечатокъ своего употребленія, и вмѣстѣ съ отвлеченными понятіями вызы-

ваетъ въ умѣ настроенія не остающіяся безъ вліянія на характеръ и развитіе понятій.

Переводить съ славянскаго языка на русскій, повидимому, значитъ у насъ не что иное какъ вытравлять церковно-славянскую стихію. Всякій оборотъ рѣчи, всякое слово церковно-славянскаго пошиба, нещадно изгоняются, и взамѣнъ ихъ подбираются изъ нынѣшняго литературнаго языка эквиваленты, какого бы то ни было свойства, лишь бы они только разнились съ церковно-славянскими формами. Нужды нѣтъ если церковно-славянскія формы окажутся въ иномъ случаѣ не только выразительнѣе и соотвѣтственнѣе содержанію, но и понятнѣе, чѣмъ пріисканныя въ замѣнъ имъ, яко бы собственно русскія формы,—нужды нѣтъ: сказано перевести и во что бы то ни стало надобно сдѣлать языкъ Священнаго Писанія въ русскомъ переводѣ сколь можно болѣе непохожимъ на церковно-славянскій. Истинная цѣль переложенія, приблизить Священное Писаніе къ народному разумѣнію, теряется изъ виду, а выдвигается другая—изложить его такъ чтобы въ немъ не осталось ни слѣда, ни духа древней рѣчи. Прелагатели состязаются въ достиженіи именно этой послѣдней цѣли. Они составили себѣ такое понятіе о русскомъ языкѣ: что отходитъ отъ церковно-славянскаго типа, то и есть русское. Правда многіе обороты и реченія, хотя и совершенно понятныя, не употребляются въ нашемъ нынѣшнемъ литературномъ обиходѣ; но слѣдуетъ ли изъ этого, что они ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть употребляемы? слѣдуетъ ли изъ этого, что надобно заглушить и самую память о нихъ? Многое, что не употребляется въ обыкновенной рѣчи, можетъ быть ежеминутно вызвано потребностями мысли, ея творческимъ движеніемъ. Не странно ли? Прелагатели книгъ Священнаго Писанія всячески избѣгаютъ церковно-сла-

ьянскихъ формъ, которыя не чужды и свѣтской литературѣ. Ими пользуются не только церковные проповѣдники, но и лучшіе изъ нашихъ поэтовъ. Архаическія, но не утратившія жизни формы, при мастерствѣ писателя, вносятъ выразительность въ его рѣчь, даютъ ей новую красоту и силу и разнообразятъ ея средства; а между тѣмъ эта стихія изгоняется оттуда, гдѣ она первоначально выразилась. Такъ какъ, съ другой стороны, при изложеніи книгъ Священнаго Писанія неудобно черпать выраженія и обороты изъ простонародной рѣчи, носящіе слишкомъ яркій отпечатокъ своего бытоваго употребленія, то прелагатели видятъ себя осужденными вращаться въ запрудѣ нашего нынѣшняго литературнаго языка и не пользоваться ни однимъ изъ его притоковъ. Подъ видомъ перевода Священнаго Писанія съ славянскаго языка на русскій, оно излагается рѣчью искусственно задержанною, сухою, черствою, скудною, лишенною нерва, безжизненною и безцвѣтною. Это таже книжная рѣчь, но безъ авторитета и силы, лишенная отпечатковъ великаго содержанія. Это какой-то казенный русскій языкъ; это языкъ грамматики Греча или Востокова, полезныхъ для того чтобъ упорядочить способъ выраженія учащихся юношей, но безсильныхъ удержать жизнь въ установленныхъ ими предѣлахъ.

Намъ кажется, что прежде должна быть выяснена главная цѣль переложенія книгъ Священнаго Писанія. Ясно понятая и правильно поставленная, цѣль сама укажетъ наилучшія пути какими она можетъ быть достигаема. Приблизить эти книги ко всеобщему разумѣнію, вотъ главная цѣль, и для достиженія ея надобно только искусною рукою, водимою чувствомъ призванія, обновлять и освѣжать старое слово, замѣняя въ немъ то что потускнѣло и омертвѣло. Но нѣтъ надобности исключать то что само собою понятно, — еще менѣе

то что не можетъ быть замѣнено безъ ущерба. Дѣло это требуетъ своего рода творчества. Его нельзя вести механически, по данной инструкціи.

Обновленное изложеніе книгъ Священнаго Писанія, достигая своей главной цѣли, должно въ то же время плодотворно подѣйствовать и на развитіе нашего языка, пробудивъ присущую ему стихію. Приводя въ соприкосновеніе его древнія формы съ новыми, оно откроетъ для нашей нынѣшней литературной рѣчи заглохшіе источники самороднаго богатства и сообщитъ ей новую силу, разнообразіе и гибкость, въ которыхъ она такъ часто нуждается, чтобы поравняться въ способахъ съ культурными языками. Обновленное слово Священнаго Писанія, не утратившее своей первоначальной основы, можетъ со временемъ послужить и для церковнаго употребленія. Когда-нибудь почувствуется же потребность ввести въ наше богослуженіе обновленное, очищенное, исправленное и дѣйствительно понятное для всѣхъ слово? *).

5.

Гнетъ тяготѣющій надъ русской церковной жизнью.

Когда знаменитому гуманисту XVI вѣка, Эразму Роттердамскому, пришлось говорить о тормазахъ своего времени, онъ вложилъ въ уста олицетворенной имъ „Глупости“ (Moria) слѣдующія слова: „Не знаю говорить мнѣ или нѣтъ о казуистахъ. Не лучше ли помолчать? Съ ними неудобно имѣть дѣло, они опасные „непріятели. Я боюсь ихъ какъ огня, отъ котораго

*) 1870 г. № 115.

„сейчасъ обожжешься. Эти господа чрезвычайно высо-„комѣрны и изъ-за сущей бездѣлицы удивительно раз-„дражаются. Они тотчасъ какъ волки, цѣлымъ стадомъ „нападутъ на меня, чтобы своими недоказательными „доказательствами и шестидесятью тысячами выводовъ „и слѣдствій, или принудить меня къ отреченію отъ „своего мнѣнія, или же обнести еретицею и пригово-„рить ко всесожженію... Но я, забывшись, вышла изъ „границъ пристойности. Впрочемъ, если сказала я что-„либо неосторожно, то не забудьте, что предъ вами „говорила женщина и притомъ Глупость. Между тѣмъ „припомните греческую пословицу: часто и дуракъ „кстати слово молвитъ, если только не подумаете, что „эта пословица до женщины не касается...“ Еретиковъ въ наше время не жгутъ: но пугало ереси не потеряло своей страшной силы. Ересебоязнь (дѣйствительная или напускная, въ настоящемъ случаѣ все равно), помимо другихъ причинъ, производитъ такую мертвенность въ нашей церковной жизни какой не можетъ создать самое опасное лжеученіе. Дѣйствительная ересь возбуждаетъ духъ человѣка, побуждаетъ его къ изысканіямъ и изслѣдованіямъ, закаляетъ его въ борьбѣ. Ересебоязнь же только останавливаетъ и мертвитъ всякую дѣятельность, разслабляетъ и убиваетъ мыслительныя способности.

Отчего наше духовенство такъ рѣдко обращается къ народу со словомъ поученія? Вотъ священникъ, по прочтеніи псалма, апостола или евангелія, почувствовалъ особенное возбужденіе духа и потребность обратить вниманіе своихъ пасомыхъ на ту или другую сторону предмета. Еслибъ онъ сказалъ слово именно въ это время, оно было бы дѣйствительно живымъ словомъ. Правда, быть можетъ, оно показалось бы очень краткимъ и съ нѣкоторыми выраженіями не совсѣмъ точными, но за то было бы полно чувства, жизни, а потому и

дѣйственно, какъ всякое живое слово, вылившееся изъ дѣйствительнаго настроенія духа. Или вотъ вчера встрѣтился въ приходѣ случай смутившій паству, и пастырское слово настоятельно требуется; оно всѣми выслушается съ напряженнымъ вниманіемъ и душевною пользой. Но священникъ обязанъ предварительно и, конечно, за нѣсколько дней показать благочинному, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самому архіерею, что именно онъ думаетъ сказать своей паствѣ, и ждать запрещенія или позволенія сказать свое слово. Удивляться ли послѣ этого, что въ словахъ нѣтъ жизни и что они произносятся крайне рѣдко? Священникъ находилъ бы, напримѣръ, болѣе полезнымъ для своихъ мало развитыхъ слушателей, вмѣсто разсужденій философскаго свойства, просто разсказать исторію объ Авелѣ и Каинѣ, Іосифѣ, Товитѣ, Іовѣ, самомъ Спасителѣ... Какъ человѣку, получившему богословское образованіе, подобный разказъ не представилъ бы ему, конечно, никакого труда. Въ совершенно иномъ видѣ представляется дѣло когда этотъ разказъ нужно сначала свезти къ благочинному, потомъ за нимъ же опять съѣздить, чтобы получить его обратно съ „запрещается“ или „дозволяется“. И вотъ дѣло, само по себѣ совершенно легкое и пріятное, становится бременемъ которое человѣкъ рѣшается поднять только по крайней необходимости, то-есть чтобъ имѣть къ концу года кажется около 10 требуемыхъ проповѣдей. Если при этомъ принять во вниманіе придирчивость съ какою отыскиваются въ словахъ священника ереси, то становится понятнымъ почему проповѣди большею частію списываются, и разъ „аппробованныя“, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, переходятъ отъ одного поколѣнія къ другому; при чемъ наблюдается только одна небольшая осторожность, чтобы пасхальное слово какъ-нибудь по ошибкѣ не произнести въ Великій Пятокъ. Нѣкоторымъ

„владыкамъ“ это пассивное положеніе духовенства, вкупѣ съ земными поклонами, по примѣру якобы Корнилія сотника, конечно, можетъ доставлять немаловажное удовольствіе; но для дѣла проповѣди и обученія народа настоящій порядокъ вещей положительно вреденъ. Но еслибы кто спросилъ о причинахъ этой процедуры при составленіи проповѣди, ему, конечно, указали бы на опасность ереси, на то что священникъ безъ цензуры можетъ сказать что-либо не совсѣмъ согласное съ духомъ православнаго ученія. Какъ будто священникъ не имѣетъ другихъ путей, если захочетъ, или даже просто по неосторожности и невниманію распространить какое угодно лжеученіе!

Проповѣдь не есть единственное явленіе, которое, подъ предлогомъ ересебоязни, совершенно у насъ подавлено и уничтожено. Вся церковная жизнь лежитъ подъ тѣмъ же самымъ гнетомъ. Смотря на богатство богословской литературы въ другихъ странахъ Европы, нельзя не придти къ изумленію ея слабости и крайней бѣдности въ нашемъ отечествѣ. Гдѣ причина этого оскудѣнія? Отчего, при 70-ти-милліонномъ населеніи, у насъ такъ мало духовныхъ изданій, да и о тѣхъ, даже депутаты отъ самого же духовенства заявляютъ, выражаясь офиціально, что они „не вполнѣ удовлетворительны“? Или христіанамъ другихъ исповѣданій лежатъ ближе къ сердцу религіозные вопросы? Православные пастыри едва ли рѣшатся отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно; тѣмъ труднѣе будетъ имъ объяснить странность указаннаго явленія. Дѣло въ томъ, что богатство литературы и жизни возможно только тамъ гдѣ люди дѣйствуютъ по внутреннему убѣжденію. Только рабы и поденщики могутъ писать по заказу. Кто знакомъ съ нашимъ духовнымъ міромъ, тотъ знаетъ что въ настоящее время у насъ обыкновенно говорятъ

и пишутъ о томъ о чемъ всего менѣе думаютъ. Пугало ереси, въ лицѣ духовной цензуры, царитъ надъ нашею церковною жизнію и леденитъ все, что находится въ границахъ этого царства. Иновѣрецъ до сихъ поръ не можетъ съ полною свободой высказыватъ своихъ религіозныхъ убѣжденій на русскомъ языкѣ, и долженъ для этого усвоять себѣ чужой языкъ, а себя самого чужой національности...

На эту сторону предмета обращаемъ мы вниманіе не однихъ только депутатовъ Подольскаго епархіальнаго съѣзда, но и всѣхъ кто желаетъ духа жизни нашему отечеству и нашей церкви*).

6.

Огрубѣніе нашего церковнаго быта. Польза допущенія всенароднаго пѣнія.

Достопочтенный корреспондентъ нашъ, отецъ протоіерей Кустодіевъ, передаетъ потрясающее впечатлѣніе произведенное на него всенароднымъ пѣніемъ въ сельской церкви, которую случилось ему посѣтить въ Венгріи. Мы тѣмъ живѣе можемъ сочувствовать этому впечатлѣнію, переданному имъ съ такимъ горячимъ одушевленіемъ, что самимъ намъ случилось испытывать то же чувство. Мы совершенно согласны что никакія капеллы, никакіе концерты не могутъ замѣнить всенароднаго пѣнія. Любители музыкальнаго искусства могутъ желать, чтобы напѣвы сочиненные для концертнаго пѣнія исполнялись обученными хорами; но и они не могутъ ничего возразить противъ пѣнія всею церковью тѣхъ стиховъ

*) 1871 г. № 154.

которые такого исполненія не требуютъ, каковы напримѣръ отвѣты на возглашенія священника и діакона. Но всегда ли, вездѣ ли можно имѣть хоръ удачно подобранныхъ, сколько-нибудь пріятныхъ и искусныхъ голосовъ, который мало-мальски удовлетворялъ бы требованіямъ музыкальнымъ?

Мы гордимся тѣмъ, что обладаемъ православною церковью, но мы мало сдѣлали для ея прославленія. Народъ нашъ благочестивъ. У насъ были великіе подвижники и люди высокой духовной доблести. Но у насъ никогда не процвѣтало богопознаніе, и мы какъ во всѣхъ наукахъ, такъ и въ богословскихъ, и не только догматическихъ, но и историческихъ, пробиваемся крупицами чужаго труда. Безъ Нѣмцевъ намъ было бы и тутъ плохо.

Умственная скудость наша выразилась въ огрубѣніи нашего церковнаго быта. Мы не развили къ лучшему, а уклонили къ худшему переданные намъ обычаи и обряды. Такъ, до сихъ поръ у насъ держится дилеттантизмъ по части басистыхъ дьяконовъ и щеголянье оглушительнымъ ревомъ въ которомъ почти исчезаетъ всякая членораздѣльность человѣческаго голоса. Приличествуетъ ли это дому молитвы? Соотвѣтствуетъ ли такое употребленіе голоса тѣмъ богослужебнымъ дѣйствіямъ при коихъ оно совершается? Нѣтъ, это не молящіе и просящіе въ смиреніи сокрушеннаго сердца; это какіе-то титаны штурмующіе святыню. Однако найдутся у насъ благочестивые люди которые именно въ этомъ готовы видѣть православіе православной церкви.

Обрядъ, и даже не обрядъ, а случайная особенность обряда, которая иногда искажаетъ или затемняетъ его, ставится у насъ въ равной силѣ съ догматомъ, и найдутся люди которые помирятся скорѣе съ воззрѣніемъ Ренана или Штраусса на Христа нежели съ перемѣною

формы колоколовъ или съ отступленіемъ отъ суздальскаго пошиба иконописи. Мы помнимъ, съ какимъ душевнымъ смятеніемъ разказывали бывало иные ревнители православія о его упадкѣ въ церквахъ западной Россіи. „Знаете ли, говорилъ однажды такой ревнитель съ глубокимъ волненіемъ, — знаете ли до какого упадка дошло православіе въ этомъ краѣ? Тамъ при водосвятіи употребляется католическое кропило! А на ризахъ у священниковъ двумя пуговицами больше (или меньше, не помнимъ) чѣмъ у московскихъ...“

Представляемъ себѣ ужасъ такихъ ревнителей православія еслибы діаконъ при чтеніи Евангелія обратился не къ алтарю, а къ народу. А между тѣмъ обращеніе къ народу при чтеніи Евангелія болѣе соотвѣтствовало бы смыслу этого дѣйствія. Чтеніе Евангелія не есть моленіе возносимое къ Богу; это есть благовѣствованіе народу. И дѣйствительно, на всемъ православномъ Востокѣ (и даже въ Москвѣ, въ Греческомъ монастырѣ), Евангеліе читаютъ лицомъ или въ полуоборотъ къ народу.

Чѣмъ отличается православная церковь отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій? спросили одного изъ такихъ ревнителей. — Иконостасомъ, отвѣчалъ онъ съ увлеченіемъ. И очень можетъ быть, что онъ счелъ бы не безопаснымъ для души своей молиться во храмѣ гдѣ иконостасъ оказался бы не достаточно высокимъ или царскія двери недостаточно плотными. А между тѣмъ и иконостасъ и царскія двери имѣютъ своимъ назначеніемъ только отдѣлять святая святыхъ отъ остальной части храма, а не скрывать священнодѣйствіе отъ народа. Въ древнихъ православныхъ храмахъ, во Святой Софіи напримѣръ, иконостасъ и царскія двери имѣли видъ не высокой перегородки со вставленными въ нее иконами, мало походящей на эту глухую стѣну съ

дверьми почти непроницаемыми для взора въ какую превратился нашъ иконостасъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ иконостасъ и двери должны были скрывать святыню отъ молящихся, то церковная завѣса, которая въ извѣстные моменты литургіи закрываетъ царскія двери, не имѣла бы значенія и была бы непонятнымъ излишествомъ. Наконецъ, зачѣмъ священнодѣйствующему было бы положено обращаться къ народу при затворенныхъ дверяхъ, еслибъ имъ назначалось быть глухими, восходить до верха, и вполнѣ закрывать священнодѣйствующаго отъ народа?

Пѣніе всею церковью, какъ свидѣтельствуетъ отецъ протоіерей Кустодіевъ, не только не противорѣчитъ чину православной церкви, но соотвѣтствуетъ ея характеру и согласуется съ ея преданіями. А у насъ это было бы вопросомъ о нововведеніи, который быть-можетъ показался бы опаснымъ для чистоты православія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ балтійскихъ губерніяхъ, гдѣ, какъ извѣстно, часть населенія эстонскаго и латышскаго исповѣдуетъ православную вѣру, возникла рѣчь въ мѣстномъ православномъ духовенствѣ, не полезно ли было бы допустить въ тамошнихъ храмахъ пѣніе всѣмъ міромъ? Къ этому побуждало то соображеніе, что православіе въ балтійскихъ губерніяхъ окружено лютеранствомъ, а въ лютеранской церкви допускается всенародное пѣніе (намъ случалось слышать такое пѣніе также и въ католическихъ сельскихъ церквахъ), и православные Латыши и Эсты очень чувствуютъ лишеніе на которое они обречены въ сравненіи съ своими лютеранскими братьями, присутствуя безучастно при своемъ богослуженіи, между тѣмъ какъ послѣдніе принимаютъ въ немъ одушевленное участіе. Мѣстное православное духовенство справедливо находитъ, что допущеніе всенароднаго пѣнія возвысило бы и поддержало бы право-

славную церковь въ мѣстныхъ населеніяхъ. Но это казалось великимъ нововведеніемъ, и возбуждало вопросъ. Мы не знаемъ какъ онъ разрѣшился; но думаемъ, что это мнимое *нововведеніе* въ православную церковь много способствовало бы къ ея оживленію внутри Россіи, гдѣ православіе господствуетъ, но не сіяетъ...*).

7.

Объ улучшеніи быта духовенства.

1.

Въ дѣятельности нашихъ земскихъ учрежденій, въ послѣднее время, замѣтно стремленіе принять посильное участіе въ разрѣшеніи вопроса имѣющаго силу гнетущей необходимости, вопроса объ улучшеніи матеріальнаго быта духовенства.

Заботы о духовенствѣ собственно не входятъ въ кругъ обязанностей земства, едва справляющагося со своими неотложными многочисленными задачами. Но чувствуя въ собственной сферѣ вредныя послѣдствія необезпеченности духовенства, земство не можетъ оставаться недѣятельнымъ при видѣ тяжкой нужды, въ какую повергнуто духовенство.

Земства, конечно, могутъ имѣть побужденіе, если позволятъ средства, назначать въ своихъ бюджетахъ суммы на помощь духовенству, но они не въ состояніи обезпечить его. За это дѣло обязаны прежде всего приняться сами церковныя общества. На нихъ лежитъ отвѣтственность въ необезпеченности служащаго имъ ду-

*) 1873 г. № 87—А.

ховенства и во всѣхъ происходящихъ отъ того послѣдствіяхъ.

Грустно, что среди православнаго населенія столь усерднаго къ церкви, въ Россіи, гдѣ лютеране умѣютъ такъ хорошо обезпечить своихъ пасторовъ, гдѣ даже магометанскіе муллы живутъ въ достаткѣ и съ достоинствомъ, большинство пастырей православной церкви поставлены въ самыя тягостныя условія. Сколько у насъ священниковъ, — не забудемъ семейныхъ, — за свой пастырскій трудъ получаютъ меньше чѣмъ зарабатываетъ поденьщикъ, живутъ съ семьями меньше чѣмъ на сто рублей въ годъ въ самой мрачной обстановкѣ!

Мы коримъ духовенство за недостатокъ пастырскаго вліянія, за его нравственное униженіе. Но правы ли мы? Не сами ли мы лишаемъ его всякаго авторитета и унижаемъ заставляя его для пропитанія торговать церковными требами, молитвою, таинствами? А между тѣмъ, при осложненіи народной жизни въ послѣднее время, особенно въ виду вторженія въ нее различныхъ вредныхъ элементовъ, необходима болѣе энергическая дѣятельность пастырей чѣмъ какую мы видѣли доселѣ. Отпаденія въ расколъ, а въ восточныхъ губерніяхъ даже въ магометанство, говорятъ съ грубою убѣдительностію факта.

Прямымъ путемъ къ улучшенію быта духовенства было бы обезпеченіе его правильнымъ годовымъ содержаніемъ. Источникъ этого содержанія заключается пока въ отпускѣ суммъ изъ государственнаго казначейства. Но отпускаемыя до сего времени суммы слишкомъ незначительны въ сравненіи съ числомъ духовныхъ, а по состоянію нашихъ финансовъ едва ли возможно ожидать очень значительнаго увеличенія отпуска денегъ на этотъ предметъ, тѣмъ болѣе что до сихъ поръ не обращены на это другіе, болѣе близкіе денежные источники: мы

разумѣемъ приношенія въ пользу церкви и духовенства отъ церковныхъ обществъ.

Если сложить всю массу ежегодныхъ пожертвованій на церковь, то окажется, что они достигаютъ огромной суммы, до сихъ поръ въ точности неизвѣстной и расходуемой неизвѣстно на что,—только не на истинныя нужды церкви.

Что касается до стариннаго способа вознагражденія духовенства, именно платы ему за исправленіе требъ деньгами и хлѣбомъ, то слѣдуетъ указать на замѣчательные факты сознанія ненормальности этого: нѣкоторыя изъ земствъ, какъ напримѣръ Пермское, Одесское и другія, заявляютъ о необходимости переложенія этой платы на опредѣленное годовое жалованье духовенству, и предполагаютъ, съ разрѣшенія правительства, установить опредѣленный налогъ въ пользу духовенства, а нѣкоторыя приходскія общества въ разныхъ концахъ Россіи уже сдѣлали приговоры давать мѣстному духовенству опредѣленное, болѣе или менѣе достаточное, годовое жалованье, вмѣсто платы за исполненіе требъ. Это движеніе въ самыхъ приходскихъ обществахъ къ обезпеченію духовенства заслуживаетъ полнаго сочувствія и должно бы быть распространено на всю Россію, только конечно не путемъ прямого налога.

Но обильнѣйшій источникъ на жалованье духовенству находится въ церковныхъ суммахъ. Переустройте церковное хозяйство, не давайте растекаться церковнымъ суммамъ неизвѣстно куда, не позволяйте тратить церковные капиталы непроизводительно, и вы найдете обильныя средства на обезпеченіе духовенства, — средства, которыя могутъ быть обращены на этотъ предметъ за покрытіемъ нуждъ духовно-учебныхъ заведеній и благоустройства храмовъ.

Нигдѣ хозяйство не ведется такъ дурно, какъ при

нашихъ церквахъ. Надъ приходомъ и расходомъ церковныхъ суммъ законъ установляетъ правда, довольно точный и строгій контроль со стороны мѣстныхъ причтовъ и благочинныхъ, но этотъ контроль почти всюду остается номинальнымъ. Ежемѣсячныхъ повѣрокъ суммъ церковныхъ и ревизій благочинными или вовсе не бываетъ, или онѣ бываютъ лишь для виду. Дѣло очень часто доходитъ до того, что старосты, привыкшіе быть безусловными и безконтрольными хозяевами церковныхъ суммъ, принимаютъ за обиду себѣ всякую попытку причтовъ къ установленію точнаго контроля. Книги церковныя нерѣдко просто сочиняются, и показанія церковныхъ доходовъ далеко ниже дѣйствительной ихъ цифры. Отъ церковныхъ сборовъ и продажи свѣчъ образуются нигдѣ незаписываемыя, такъ-называемыя *темныя* суммы, которыя или расходуются совершенно безотчетно, или подъ именемъ пожертвованій самого старосты растрачиваются часто совершенно непроизводительно, а при веденіи церковнаго хозяйства наемными подстаростами могутъ исчезать изъ церковныхъ ящиковъ не навлекая ни на кого отвѣтственности. Если путемъ строгаго, теперь вслѣдствіе укоренившейся безпорядочности считаемаго обиднымъ, контроля вывести на свѣтъ во всѣхъ храмахъ нашей огромной Россіи всѣ эти *темныя* суммы, то появятся капиталы, которые, вмѣстѣ съ раціональнымъ веденіемъ церковнаго хозяйства, дадутъ обильный источникъ къ обезпеченію духовенства.

Главная и самая доходная статья церковнаго хозяйства заключается въ свѣчномъ сборѣ. Но это дѣло до сихъ поръ находится въ самыхъ невыгодныхъ для церкви условіяхъ. Съ Высочайшаго соизволенія предоставлено духовенству устраивать епархіальные свѣчные заводы. Но до послѣдняго времени, отчасти по естественной у насъ апатіи, отчасти подъ вліяніемъ

прямыхъ и косвенныхъ противодѣйствій этому дѣлу со стороны свѣчныхъ торговцевъ, дѣло епархіальнаго свѣчнаго производства, не смотря на дознанныя его выгоды, мало развивается. Лишь въ немногихъ епархіяхъ заведено производство своихъ свѣчъ, а въ другихъ само духовенство, за незначительныя пониженія цѣны воска со стороны свѣчныхъ торговцевъ, отказалось воспользоваться дарованнымъ ему правомъ. А между тѣмъ епархіальному вѣдомству не трудно было бы сосредоточить въ своихъ рукахъ и добываніе воска, и обработку его, и оптовую продажу свѣчъ. Выдѣлывая лучшія свѣчи, продавая ихъ церквамъ по цѣнѣ меньшей чѣмъ свѣчные торговцы, епархіальные заводы могли бы отстранить людей наживающихъ деньги отъ церковнаго дѣла, и доставить на церковныя нужды тѣ капиталы, которые теперь попадаютъ въ руки частныхъ лицъ. Надо полагать, что сосредоточеніе добыванія воска и его обработки и продажи для церковнаго употребленія, при повсемѣстной и хорошей организаціи этого дѣла, давало бы ежегодно значительныя суммы.

На обезпеченіе духовенства могла бы также идти часть кружечнаго и кошельковаго сбора. Правда, у насъ въ приходскихъ средахъ господствуетъ тотъ взглядъ, что всѣ церковные сборы должны сполна идти только на украшеніе храмовъ, и что даже отчисленія изъ церковныхъ суммъ на духовно-учебныя заведенія будто бы незаконны. Поэтому и мысль о назначеніи содержанія духовенству изъ церковныхъ суммъ можетъ показаться также несправедливою. Нѣтъ сомнѣнія, что церковные сборы должны идти на ремонтъ церковныхъ зданій, на поддержку ихъ въ приличномъ, подобающемъ святости мѣста, видѣ, но нѣтъ основанія расходовать эти сборы на отлитіе громадныхъ оглушительныхъ колоколовъ, на устройство тяжелыхъ, безвкусно раззолоченныхъ иконо-

стасовъ и тому подобные предметы, на что ежегодно уходятъ громадныя суммы изъ упомянутой нами категоріи, между тѣмъ, какъ для внутренней жизни церкви, для возвышенія ея достоинства и силы, для ея существеннаго благоустройства, неразрывно связаннаго съ улучшеніемъ быта духовенства, ничего не дѣлается. Благосостояніе церкви не въ высокихъ колокольняхъ, не въ грубой позолотѣ, а въ правильномъ развитіи религіозной жизни ея членовъ, что главнѣйшимъ образомъ обусловливается правильною дѣятельностью духовенства. Не болѣе ли требуется интересами церковныхъ обществъ обращать свои приношенія на содержаніе духовенства чѣмъ на излишнія украшенія храмовъ часто вредящія ихъ истинному достоинству и значенію, и оскорбляющія просвѣщенный вкусъ? Слѣдовало бы, кажется, узаконить, чтобы церковныя общества не растрачивали деньги на эти предметы, пока ихъ духовенство не будетъ обезпечено правильнымъ годовымъ содержаніемъ.

Повторяемъ, разработайте контролемъ и раціональнымъ веденіемъ хозяйства обильный родникъ церковныхъ сборовъ, и вы найдете въ немъ средства къ обезпеченію духовенства, подобно тому какъ въ немъ же графъ Сперанскій, совершенно неожиданно для многихъ, нашелъ средства къ содержанію духовно-учебныхъ заведеній *).

2.

На этихъ дняхъ (№ 311 *Московскихъ Вѣдомостей*) обнародованъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія къ попечителямъ учебныхъ округовъ о продолженіи истекшаго въ нынѣшнемъ году срока дѣйствію поста-

*) 1875 г. № 268.

новленія допускающаго пріемъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ университеты только по повѣрочному испытанію. Воспитанники семинарій окончившіе общеобразовательный курсъ, впредь до пересмотра уставовъ духовно-учебныхъ заведеній, не будутъ для поступленія въ университеты подвергаться испытанію зрѣлости въ гимназіяхъ, а по прежнему будутъ вступать въ университеты чрезъ повѣрочное испытаніе въ самихъ университетахъ.

Прежнее распоряженіе Министерства вызвано было нуждой оградить университеты отъ недостаточно подготовленныхъ воспитанниковъ семинарій. Но теперь усиленная строгость повѣрочныхъ испытаній представляетъ достаточное ручательство. Семинаристы составляютъ очень значительный процентъ серіозныхъ студентовъ, и остается пожелать, чтобы пересмотръ устава семинарій не замедлилъ, и чтобъ онѣ во всемъ уравнялись съ гимназіями. Это требуется не только въ интересѣ университетской науки, но и церкви. Желательно, чтобы готовящіеся быть пастырями церкви находились въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ касательно своего образованія. Но при этомъ невольно возникаетъ и другой вопросъ: какъ обезпечить церковь достаточнымъ числомъ священнослужителей при возрастающемъ отливѣ лучшихъ молодыхъ силъ изъ семинарій на другія поприща? Церковь, мы вѣримъ, не оскудѣетъ до конца, и всегда явятся на службу ей люди призванія. Но вѣруя въ силу призванія и въ неизсякающую силу церкви, мы не должны забывать и земныхъ условій среди которыхъ она стоитъ и дѣйствуетъ. Мы должны и съ своей стороны способствовать ея процвѣтанію, и не ослабѣвать въ заботахъ объ улучшеніи матеріальныхъ условій быта духовенства, живущаго и дѣйствующаго въ міру.

Недавно указывали мы на безплодность попытокъ

земскихъ учрежденій двинуть этотъ вопросъ къ его разрѣшенію и также на попытки самихъ приходскихъ обществъ обезпечить духовенство правильнымъ годовымъ содержаніемъ. Во всемъ этомъ выражается сознаніе общества, что пора наконецъ выступить на помощь духовенству. Пока разовьется это движеніе самого общества къ обезпеченію духовенства не должно и церковнымъ властямъ оставлять не испытаннымъ ни одного изъ средствъ къ достиженію той же цѣли.

По офиціальнымъ даннымъ, ежегодные доходы перквей, не считая продажи свѣчъ, отъ пожертвованій въ кружки и кошельки простирается до 5 милліоновъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что на самомъ дѣлѣ доходы церкви и этого рода превосходятъ эту цифру по крайней мѣрѣ вдвое. Половина церковныхъ суммъ часто тратится непроизводительно, часто уходитъ неизвѣстно куда. Причина этого заключается въ томъ, что церковныя суммы не подвергаются *дѣйствительному* контролю и расходуются въ большинствѣ случаевъ *безотчетно*. Сколько намъ извѣстно, ни въ одной церкви не бываетъ ежедневной повѣрки дохода, а во многихъ не бываетъ и ежемѣсячныхъ повѣрокъ, которыя впрочемъ не могутъ указать дѣйствительную цифру прихода. Церковная бухгалтерія ведется въ невѣроятномъ, миѳическомъ порядкѣ. Церковныя приходо-расходныя книги просто сочиняются. Такимъ образомъ, огромныя въ своей сложности суммы ввѣрены безконтрольному произволу частныхъ лицъ.

Ужели законъ своимъ молчаніемъ допускаетъ такой порядокъ веденія денежныхъ дѣлъ церкви? Нѣтъ. Высочайше утвержденная инструкція положительно требуетъ неуклоннаго контроля надъ каждою данною для церкви копѣйкою. Восьмое правило этой инструкціи гласитъ: „деньги вырученныя отъ продажи свѣчъ и собираемыя

въ кошельки и кружки... должно немедленно опускать въ устроенные для сего ящики, запертые ключомъ старосты и запечатанные печатями священнослужителей и церковнаго старосты если онъ того пожелаетъ“ (то-есть приложить свою печать къ ящикамъ). Законъ этимъ правиломъ обезпечиваетъ возможность точной повѣрки церковныхъ суммъ. Исполненіе только одного этого правила, по мнѣнію людей знакомыхъ съ дѣломъ, подняло-бы офиціальную цифру церковныхъ доходовъ по крайней мѣрѣ вдвое.

Какая же причина почти повсемѣстнаго неисполненія требованій закона и церковными старостами, и церковными причтами? Очень сложныя обстоятельства. Въ ихъ ряду не послѣднее мѣсто занимаетъ небрежность старостъ, духовенства и мѣстныхъ епархіальныхъ администрацій, не желающихъ обременять себя обязанностями такого, все же довольно сложнаго, контроля. Но едва ли не самая главная причина неисполненія этого правила есть положительное сопротивленіе старостъ точному контролю, который кажется имъ нарушеніемъ ихъ правъ и почти личнымъ оскорбленіемъ. Церковные старосты, въ силу преданій, считаютъ себя не казначеями церковныхъ суммъ, а полными ихъ хозяевами, и видя въ законномъ контролѣ выраженіе недовѣрія къ себѣ и подрывъ своему кредиту, не дозволяютъ духовенству повѣрять церковные доходы установленнымъ порядкомъ, и терпятъ лишь совершенно фиктивный мѣсячный контроль. Въ случаяхъ же когда духовенство пожелаетъ добиться *истинной цифры* церковныхъ доходовъ жалуются на мѣстныхъ священниковъ епархіальному начальству, и если не находятъ поддержки, оставляютъ свои должности.

Слѣдовало бы офиціально внушить старостамъ, что точный законный контроль не имѣетъ въ себѣ ничего

обиднаго, и подвергать старость и духовенство взысканіямъ за небреженіе *о дѣйствительной* повѣркѣ *церковныхъ суммъ.* Подробный порядокъ, примѣняемый ко всѣмъ хранителямъ общественныхъ суммъ другихъ вѣдомствъ, долженъ быть непремѣнно введенъ и въ церквахъ. Открытыя этимъ путемъ такъ-называемыя *темныя* церковныя суммы, идущія теперь неизвѣстно куда, послужили бы для обезпеченія хотя бы части духовенства правильнымъ годовымъ жалованьемъ.

Кромѣ этого, настоитъ необходимость ограничить закономъ непроизводительное расходованіе церковныхъ суммъ, яко бы для благолѣпія храма, на отлитіе колоколовъ огромной тяжести, постройку высокихъ колоколенъ, безвкусное раззолачиваніе иконостасовъ, пестрое расписываніе храмовыхъ стѣнъ. За удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей ремонта и чистоты храмовъ, церковныя суммы должны идти на содержаніе служащаго духовенства, и только за удовлетвореніемъ этой потребности, можно думать о роскоши. Первая потребность церкви и каждаго прихода — поставить духовенство въ условія благопріятныя для его дѣятельности, и жертвованія прихожанъ на нужды церкви найдутъ для себя самое лучшее употребленіе въ улучшеніи быта и возвышеніи достоинства священнослужителей *).

---

*) 1875 г. № 317.

II.

Единовѣрческая церковь и расколъ.

8.

Вѣротерпимость, ея сущность и границы. Причина происхожденія раскола и путь къ его уничтоженію.

И для отдѣльныхъ людей, и для общества нѣтъ ничего опаснѣе смутныхъ и сбивчивыхъ понятій. Коль скоро понятія пріобрѣтаютъ значеніе и силу въ жизни, коль скоро люди начинаютъ руководствоваться идеями, то первый долгъ людей не принимать ихъ слѣпо, а подвергать критикѣ. Теперь въ большомъ ходу слово *либерализмъ*. Всякій старается отдать дань либерализму; всякій желаетъ казаться какъ можно болѣе либеральнымъ. Но, къ сожалѣнію нерѣдко выходитъ, что люди съ величайшимъ усердіемъ работаютъ въ направленіи, которое они считаютъ либеральнымъ, и которое не только не имѣетъ ничего общаго съ либеральнымъ направленіемъ, но и діаметрально противуположно ему.

Оказывать терпимость, не препятствовать, не вмѣшиваться,— вотъ направленіе либеральное, вотъ порядокъ идей, въ которыхъ оно выражается. Можно оспаривать и можно защищать это направленіе въ той или

другой степени его развитія; но оспа́ривающіе и защищающіе должны знать,—одни, что̀ оспариваютъ, другіе, что̀ защищаютъ. Дѣятельно слѣдовать этому направленію значитъ имѣть цѣлію свободу жизни, требующую, чтобы всякая человѣческая сила развивалась собственною внутреннею энергіей. Политическая свобода ничего другаго не означаетъ какъ твердое, благонадежное обезпеченіе общественной и личной свободы со стороны государства. Либеральное правительство клонится къ тому, чтобы предоставлять жизни естественное теченіе, и прогрессъ этого направленія состоитъ въ томъ, чтобъ устранять изъ жизни все, что препятствуетъ и мѣшаетъ ея естественному ходу, не допускать насилія, и отмѣнять тѣ законы и учрежденія, которые представляютъ собою организованное вмѣшательство въ жизнь. Либеральному въ этомъ смыслѣ правительству соотвѣтствуетъ консервативное общество, то-есть общество исполненное крѣпкихъ силъ, способныхъ къ живой и плодотворной организаціи. При отношеніи разумномъ и правильномъ, чѣмъ либеральнѣе правительство, тѣмъ консервативнѣе общество.

Съ точки зрѣнія терпимости, свободы, либерализма, можно допускать напримѣръ въ обществѣ существованіе разныхъ вѣроисповѣданій и переходы отъ одного къ другому; можно допускать выраженіе всякаго рода мнѣній, можно допускать полную свободу изслѣдованія по всѣмъ частямъ человѣческаго вѣдѣнія. Все это понятно съ либеральной точки зрѣнія, все это согласно съ нею. Наконецъ, съ либеральной точки зрѣнія можно допускать даже нападки на существующій порядокъ вещей, терпѣть критику господствующаго вѣроученія, терпѣть болѣе или менѣе радикальныя оппозиціонныя партіи. Въ томъ или другомъ изъ такихъ допущеній можно находить крайности, неразумные излишки. Но все это находится въ одномъ и томъ же порядкѣ идей, все это

идетъ въ одномъ и томъ же направленіи. Противъ упрековъ за допущеніе полной свободы мнѣній и вѣрованій либеральное направленіе можетъ отвѣчать, что свобода всего лучше способствуетъ дѣлу истины, что внутреннія силы жизни, не ослабляемыя подпорками и предоставленныя себѣ, всего успѣшнѣе преодолѣваютъ зло и предупреждаютъ его развитіе, лишь бы только не было какихъ-нибудь прямыхъ или косвенныхъ вмѣшательствъ въ дѣло свободы и жизни.

Но терпѣть, не препятствовать, не вмѣшиваться, ни на какомъ языкѣ не значитъ: помогать, поощрять, вмѣшиваться. Съ либеральной точки зрѣнія можно терпѣть зло, но мы не знаемъ съ какой точки зрѣнія можно поощрять его или пособлять ему. Съ либеральной точки зрѣнія можно напримѣръ допускать полную свободу вѣроисповѣданій, не препятствовать переходамъ отъ господствующей церкви ко всякой другой; но можно ли было бы назвать либеральнымъ образомъ дѣйствій такую политику, которая стала бы напротивъ разными комбинаціями способствовать успѣхамъ чуждаго вѣроисповѣданія и ущербъ господствующему? Если можно понять въ добромъ смыслѣ терпимость ко всякимъ отрицательнымъ ученіямъ, то либеральное направленіе не пойметъ какимъ образомъ подобныя ученія могутъ быть вводимы въ общество правительственными средствами, преподаваться въ школахъ содержимыхъ на казенный счетъ, или излагаться въ изданіяхъ, находящихъ себѣ какую бы то ни было поддержку со стороны правительства, или даже просто выходящихъ въ свѣтъ съ его спеціальнаго разрѣшенія. Политика вмѣшательства въ обратномъ смыслѣ не только несогласна съ либеральнымъ направленіемъ, но была бы совершеннымъ извращеніемъ его, была бы относительно его тѣмъ, что въ математикѣ называется величиною отрицательною.

Принципъ правительственнаго невмѣшательства не есть что-либо чуждое правительству, что-либо идущее на перекоръ ему, умаляющее или стѣсняющее его; напротивъ, этотъ принципъ есть сама правительственная мудрость; въ развитіи этого начала заключается весь прогрессъ и правительствъ, и обществъ. Государственная сила такъ велика, такъ вѣска и такъ многодѣйственна, что малѣйшее неосторожное склоненіе ея въ какую-либо сторону, малѣйшая искуственная примѣсь ея къ чему бы то ни было, не остается безъ глубокихъ послѣдствій, и рано или поздно непремѣнно вызываетъ какія-либо серіозныя затрудненія и замѣшательства. Никакая человѣческая мудрость не можетъ разчитать всѣхъ тѣхъ отзывовъ, которые могутъ послѣдовать въ сложной общественной организаціи и милліонахъ людей, въ силу одного какого-нибудь толчка, сообщеннаго тому или другому движенію незамѣтнымъ правительственнымъ вмѣшательствомъ. Даже то, что кажется совершенно одобрительнымъ и полезнымъ можетъ въ своихъ послѣдствіяхъ совершенно измѣнить свою натуру, вслѣдствіе правительственной примѣси.

У насъ, между прочимъ, есть одно печальное наслѣдіе нашей прошедшей исторіи,—у насъ есть расколъ. Расколъ подвергался стѣсненіямъ и гоненіямъ, которыя не смягчили, не ослабили его, а только укрѣпили и усилили. Расколъ,—это великое бѣдствіе нашей церкви, и родился именно вслѣдствіе того, что къ дѣлу свободы и жизни, къ дѣлу церкви, примѣшалась стихія принудительная. Но теперь взглядъ на расколъ въ нашемъ обществѣ измѣняется. Теперь всѣ хотятъ смотрѣть на него съ либеральной точки зрѣнія. Давай Богъ! Чѣмъ болѣе терпимости можетъ быть оказано расколу, тѣмъ лучше. Терпимость замиритъ то зло, которое породило его, терпимость отниметъ у него ядъ, и если

суждено когда-либо возстановленіе нарушеннаго церковнаго единства въ нашемъ народѣ, то оно всего вѣрнѣе и успѣшнѣе можетъ совершиться путемъ терпимости и свободы, предоставленной цѣлительнымъ силамъ жизни.

Можно спорить о степени свободы, которую слѣдуетъ предоставить расколу, можно спорить о благовременности тѣхъ или другихъ мѣръ въ либеральномъ смыслѣ; но во всякомъ случаѣ самый либеральный взглядъ на расколъ можетъ требовать только того, чтобы его оставить въ покоѣ, не вмѣшиваться въ его дѣла, то-есть, чтобы предоставить его собственнымъ его средствамъ и силамъ. Далѣе этого никакой либерализмъ идти не можетъ; далѣе этого возможно только извращеніе не только либерализма, но и здраваго смысла.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ точки зрѣнія не только либерализма, но и здраваго смысла, можно скорѣе допустить самую безусловную свободу расколу, нежели какое-либо правительственное пособіе ему. Полная свобода во всякомъ случаѣ можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что у раскола была бы отнята пища для вражды противъ церкви и существующаго порядка вещей, а тѣмъ было бы отнято основаніе для самого существованія раскола, такъ что ему пришлось бы остаться ни при чемъ. Но всякое правительственное вмѣшательство въ дѣла раскола, всякое попечительство о его нравственномъ и умственномъ развитіи путемъ правительственной огранизаціи, можетъ повести лишь къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Несравненно либеральнѣе и въ то же время консервативнѣе—предоставить раскольникамъ право содержать не только свои молельни, но и свои собственныя школы, имѣть своихъ собственныхъ наставниковъ, жить и учиться, какъ знаютъ, своимъ умомъ и своими средствами,—нежели создавать для нихъ особыя учрежденія, заводить для нихъ особыя казенныя

школы и приставлять къ нимъ особыхъ учителей отъ министерства. Путемъ правительственнаго вмѣшательства непремѣнно будутъ внесены въ ихъ среду такіе элементы, которые въ соединеніи съ нею не преминутъ создать самую опасную фальшивую силу,—во всякомъ случаѣ положено будетъ начало радикальному отчужденію ихъ отъ православнаго общества. Благодаря успѣхамъ времени, старообрядцы уже значительно утратили прежнюю напряженность и непріязненность въ отношеніи къ православному обществу; они легко сближаются съ православными, многіе охотно посылаютъ своихъ дѣтей въ общія школы. Но какихъ послѣдствій можно было бы ожидать если бы правительство само обвело чертою особую цивилизацію для раскольниковъ, само организовало для нихъ особыя школы? Мудрено ли, что тогда между ними вскорѣ появились бы всякаго рода вѣроучители и организаторы, которые сумѣли бы придать новое значеніе всѣмъ ихъ символамъ?

Если отъ свободы не будетъ лучше, то не будетъ и хуже. Много раскольниковъ уходило отъ преслѣдованій въ Турцію; они жили и живутъ тамъ на свободѣ, безъ всякаго благопопечительства и призора. Бѣды отъ нихъ нигдѣ не произошло; стало быть, нѣтъ серіозныхъ опасеній оставить ихъ безъ особеннаго призора и внутри Россіи, гдѣ напротивъ, при благопріятныхъ условіяхъ, есть еще надежда возвратить путемъ свободы коснѣющія въ расколѣ массы къ корню, отъ котораго оторвалъ ихъ предковъ духъ нетерпимости и насилія. Недостатокъ попечительства положительно лучше чѣмъ излишекъ его.

Изъ сказаннаго вовсе не слѣдуетъ, чтобы правительству ничего не оставалось дѣлать по отношенію къ вопросу, котораго мы сейчасъ коснулись. Для его попеченій и заботъ остается еще широкое поприще. Оно

можетъ принимать самыя плодотворныя мѣры, внушаемыя политическою мудростію, мѣры направленныя къ тому, чтобъ облегчать сближеніе между раскольниками и православнымъ обществомъ, то-есть отыскивать и устранять все, что можетъ этому сближенію препятствовать. Вмѣсто того, напримѣръ, чтобы заводить спеціальныя для раскольниковъ школы, лучше устроить дѣло такъ, чтобы ничто не отпугивало ихъ посылать своихъ дѣтей въ общія школы и чтобы тамъ не заставляли дѣтей ихъ учиться тому чему они еще не хотятъ учиться.

А вотъ еще другой вопросъ: ниже, въ этомъ самомъ нумерѣ, помѣщается письмо присланное намъ изъ Малороссіи, съ сѣтованіями на украйнофильскія затѣи, о которыхъ не разъ доводилось намъ говорить. Будь у насъ предоставлена полная свобода всякому дѣлать, писать и издавать все что угодно, безъ всякаго контроля и разрѣшенія, то никому бы и въ голову не пришло заботиться о томъ, что пригрезилось тому или другому мечтателю. Но такъ какъ у насъ все, что ни дѣлается въ обществѣ, дѣлается при большемъ или меньшемъ участіи правительства, то всякое ничтожество можетъ неожиданно получить серіозное значеніе и силу. Малороссъ Волынецъ высказываетъ въ своемъ письмѣ опасенія относительно украйнофильскихъ стараній пустить въ народъ Евангеліе на малороссійскомъ нарѣчіи. Повидимому, эти опасенія не согласны съ либеральною точкою зрѣнія. Рѣчь идетъ не о содѣйствіи, не о пособіи, а только о разрѣшеніи. Но, повторимъ, кто хочетъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ понятіями, тотъ долженъ тщательно провѣрять ихъ и отдавать себѣ ясный отчетъ въ нихъ. Гдѣ существуетъ необходимость получать разрѣшеніе, тамъ разрѣшеніе имѣетъ особый смыслъ, особую силу, а тѣмъ болѣе по отношенію къ такимъ предметамъ, какъ священныя

книги. Разрѣшеніе Синода есть даже не просто разрѣшеніе, но благословеніе. Лучше предоставить всякому издавать что угодно безъ всякаго разрѣшенія, нежели напутствовать сомнительное дѣло разрѣшеніемъ имѣющимъ со стороны правительства силу одобренія, со стороны церкви — силу благословенія. Разрѣшая, Синодъ благословляетъ, и народъ нѣкоторымъ образомъ обязывается принять то, чего онъ конечно не принялъ бы, ни при какой свободѣ, безъ благословенія церкви или безъ особеннаго одобренія законныхъ властей *).

2.

Стѣснять и покровительствовать — два способа дѣйствія не только различные, но и противоположные между собою; однако они принадлежатъ къ одной системѣ, они представляютъ собою двѣ противоположныя стороны одного и того же направленія, а потому они не разлучны между собою, такъ что гдѣ встрѣчается одинъ, тамъ непремѣнно встрѣчается и другой; гдѣ покровительство, тамъ и стѣненіе; одному пособляется, другое стѣсняется. Система покровительства и стѣсненій можетъ имѣть разныя степени и виды, но гдѣ и въ какой мѣрѣ она можетъ быть полезна или вредна — рѣшать это отвлеченно нельзя. Во всякомъ случаѣ полезно только то, что̀ ко времени и къ мѣсту, что̀ дѣлается въ мѣру, что̀ соотвѣтствуетъ своей цѣли. Историческій опытъ свидѣтельствуетъ, что стѣсненія и преслѣдованія весьма часто не только не достигали своей цѣли, но косвенно обращались въ поощренія и пособія; и на оборотъ, излишнее покровительство, неблагоразумная опека уби-

---

*) 1864 г. № 13.

вала живыя силы вѣрнѣе всякихъ преслѣдованій и стѣсненій. Что такое благоразумная опека? Къ тому ли она направлена, чтобы дѣлать организмъ неспособнымъ къ самопроизвольному движенію и дѣйствію? Нѣтъ, добрая опека направлена къ тому, чтобъ укрѣплять силы, пріучать ихъ къ самостоятельности и дѣлать ихъ способными къ жизни и дѣйствію? Гдѣ опека соотвѣтствуетъ этому назначенію, тамъ она несомнѣнно полезна — и тамъ старается дѣйствовать не какими-либо искуственными или насильственными способами, съ вершины какихъ-либо общихъ теорій, но вызывая собственныя силы живаго организма и устраняя все, что ихъ связываетъ. Такая опека ведетъ къ свободѣ, и ничего не можетъ быть либеральнѣе такой опеки. Она поступаетъ осторожно, съ полнымъ уваженіемъ къ существующему, съ полнымъ довѣріемъ къ жизни. Она старается сколь можно менѣе предосуждать. Она не подавляетъ жизни подъ предлогомъ подавленія зла, не уничтожаетъ пшеницы подъ предлогомъ очищенія ея отъ плевелъ. Въ свободномъ развитіи естественныхъ силъ жизни ищетъ она противодѣйствія злу, не дающаго разрастаться ему и пресѣкающаго его побѣги.

Отдѣльная мѣра ничего не значитъ; вся сила въ совокупности и связи мѣръ; вся сила въ общемъ направленіи. Истинно либеральное направленіе есть въ то же время и охранительное направленіе. Предоставлять свободу жизни, уважать ея требованія, значитъ поступать по преимуществу охранительнымъ образомъ. Можно спорить о томъ, въ какихъ обстоятельствахъ и въ какой степени правительство можетъ допускать различные виды свободы; но всякій согласится, что, если требуется участіе правительства, то оно безъ всякаго сомнѣнія требуется для поддержанія и охраненія существующихъ началъ, а отнюдь не для усиленія того, что имъ враж-

дебно. Странно было бы видѣть правительство, которое вмѣсто того, чтобы стараться объ утвержденіи единства, старалось бы напротивъ, подъ предлогомъ либеральнаго направленія, способствовать тенденціямъ, которыя клонятся къ расторженію народнаго единства и къ ослабленію связи соединяющей части государственнаго цѣлаго. Странно было бы видѣть правительство, которое подъ предлогомъ либеральнаго направленія, поддерживало бы своими способами враждебные элементы, существующіе въ государствѣ, и помогало бы имъ собираться и организоваться для успѣшнаго дѣйствія. Въ общей экономіи жизни, мы знаемъ, бываютъ необходимы и одностороннія системы, и отрицательныя ученія; безъ скептицизма не развивается никакое знаніе; сомнѣніе будитъ мысль, какъ нужда и бѣдствія напрягаютъ силы къ дѣятельности; въ человѣческомъ мірѣ, такъ какъ онъ есть, безъ искушеній зла, безъ его острыхъ и мучительныхъ уязвленій, не бываетъ ни матеріальныхъ, ни нравственныхъ побѣдъ. Но странно представить себѣ правительство, которое, удерживая въ рукахъ своихъ опеку надъ жизнію, искуственно заготовляло бы между тѣмъ возбудительныя искушенія для умовъ. Странно было бы представить себѣ правительство, которое, пользуясь принадлежащими ему способами, старалось бы систематически возбуждать въ умахъ сомнѣнія, колебать вѣрованія и покровительствовать всякимъ отрицаніямъ. Понятна общественная свобода, при которой возможно появленіе книгъ, подобныхъ книгамъ Штрауса или Ренана, Луи Блана или Прудона; но было бы непонятно, еслибы подобныя книги выходили изъ-подъ рукъ правительства и распростанялись имъ въ публикѣ.

У насъ есть расколъ. Прежде расколъ подвергался преслѣдованію; теперь, при общемъ смягченіи правительственной системы, смягчились и мѣры относительно

раскола. Однимъ можетъ это нравиться; другимъ не нравиться; но это фактъ, а фактъ прежде всего надобно признать. Трудно представить себѣ, чтобы при нынѣшнемъ ходѣ дѣлъ можно было поддерживать прежнія мѣры относительно раскола. Чтобы говорить о возможности той или другой мѣры, требуется имѣть въ виду наличныя условія необходимыя для ихъ существованія. Нѣкоторые увѣрены, что стѣснительныя противъ раскола мѣры непремѣнно увѣнчались бы успѣхомъ. Пусть такъ; однако, пока эти мѣры дѣйствовали, — а дѣйствовали онѣ не малое время, — успѣхомъ онѣ не увѣнчались. Возвратиться къ нимъ для того, чтобъ еще разъ испробовать ихъ дѣйствіе,—это зависитъ не отъ насъ; возвратиться къ нимъ можно было бы лишь при возвращеніи къ прежнему порядку во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Если эти мѣры не удались въ то время, когда все способствовало имъ, могли ли бы онѣ увѣнчаться успѣхомъ теперь, когда все было бы въ разладѣ съ ними, все парализировало бы ихъ, все противодѣйствовало бы имъ? Во всякомъ случаѣ, фактъ то, что расколъ не подвергается въ настоящее время преслѣдованію. При существующемъ положеніи дѣлъ правительство не сочло нужнымъ удерживать и тѣ строгости, которыми законодательство старалось предупреждать совращенія въ расколъ. Что же отсюда слѣдуетъ? Такъ какъ желаніе возвратиться къ прежнему порядку было бы желаніемъ совершенно безплоднымъ, то остается желать, чтобъ всѣ органическія силы нашей народной жизни пріобрѣтали возможно большую свободу и вмѣстѣ съ ней средства для противодѣйствія злу. Вмѣсто того, чтобы фантазировать о невозможномъ, не лучше-ли пожелать, чтобы для самой церкви открылись способы дѣйствовать съ большею энергіей, дѣйствовать глубже и плодотворнѣе?

Мы не беремъ на себя обязанности рѣшать, до какой точки можетъ простираться терпимость правительства относительно раскола; но мы можемъ утвердительно сказать, что какъ бы далеко ни простиралась эта терпимость, она ни въ какомъ случаѣ не должна превращаться въ пособіе и поддержку расколу. Какъ бы либерально ни стали мы смотрѣть на расколъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя представить себѣ, чтобы правительство могло принять его подъ свою опеку.

Мы понимаемъ необходимость вѣротерпимости въ благоустроенномъ государствѣ; мы понимаемъ также возможность предоставить свободу совѣсти людямъ, возможность перехода въ другія вѣроисповѣданія; но при самой полной вѣротерпимости, при самой полной свободѣ совѣсти, мы понимаемъ, какъ затруднительно допустить политическую полноправность для иновѣрцевъ. Политическая полноправность есть не просто свобода; она заключаетъ въ себѣ большую или меньшую долю власти. Политическая полноправность непріязненныхъ вѣроисповѣданій имѣетъ смыслъ только при полномъ развитіи общественной свободы, при всевозможныхъ обезпеченіяхъ отъ произвольнаго вмѣшательства и злоупотребленій со стороны административныхъ властей. Въ Англіи, этой классической странѣ свободы, давно существовала полная религіозная свобода, но политическая полноправность, какъ для католиковъ, такъ и для диссидентовъ, допущена лишь очень недавно, и то послѣ упорной и долгой борьбы *).

3.

Въ расколѣ, конечно, таится зло,—а ко злу нельзя относиться равнодушно, со зломъ нельзя мириться.

---

*) 1864 г. № 65.

Какія бы мѣры ни придумывали мы противъ раскола, всѣ должны выходить изъ одного побужденія и клониться къ одной цѣли — поразить зло. Всякая примирительность, всякая терпимость относительно зла была бы грустнымъ признакомъ несостоятельности нашей народной жизни и грозила бы ей пагубой.

Но въ человѣческомъ мірѣ нѣтъ безусловнаго зла; самыя зловредныя явленія не состоятъ исключительно изъ одного зла. Если бы зло являлось безъ примѣси, еслибъ оно вездѣ обозначалось съ полною ясностію, то борьба съ нимъ была бы дѣломъ легкимъ. Мы замѣчаемъ его присутствіе по хаосу и смущенію, которое причиняетъ оно въ жизни; но недостаточно видѣть признаки зла, надо открыть его корень, надобно отыскать то мѣсто, гдѣ оно прикоснулось къ намъ, откуда началось оно, откуда пошло его дѣйствіе. Въ мірѣ нѣтъ ничего, что было бы совершенно застраховано отъ зла, въ чемъ не происходили бы разстройства и смуты. Были суровые мыслители и мрачные строители обществъ, которые для избавленія жизни человѣческой отъ уклоненій и неправильностей, считали за лучшее воспрещать самую жизнь, то-есть лишать ее свободы. Но такія попытки влекутъ за собою худшее изо всѣхъ золъ: онѣ убиваютъ то, что хотятъ спасать.

Если мы желаемъ опредѣлить съ точностію наши отношенія къ расколу, то мы должны добраться до источниковъ смуты, мы должны коснуться начала, которое производитъ и поддерживаетъ ее. Ознакомившись съ нимъ, мы можетъ-быть приблизимся и къ рѣшенію практической задачи, какъ поступить съ расколомъ или какъ избавиться отъ смутъ, которыя онъ вноситъ въ нашу жизнь.

Чтò мы видимъ въ расколѣ? Всякій сколько-нибудь просвѣщенный человѣкъ усматриваетъ въ немъ грубое

невѣжество. Это легко усматривается. Раскольники воображаютъ себя хранителями древняго, чистаго православнаго обряда, и не хотятъ знать, что эти древности, которыхъ они держатся, были большею частію случайныя искаженія позднѣйшаго времени. Не много требуется образованія и науки, не много требуется умственнаго развитія для того чтобы понять, что всѣ эти особенности, которыя составляютъ повидимому сущность раскола, основаны на очевидныхъ искаженіяхъ буквы. Въ этомъ хламѣ, дѣйствительно не усматривается никакой живой мысли, никакого организующаго начала. Естестественно подивиться какимъ образомъ изъ ошибокъ писцовъ, изъ случайныхъ словоискаженій, изъ элементовъ чисто отрицательныхъ, могла образоваться столь положительная вѣра. Эту внутреннюю безсмыслицу раскола иностранцы ставятъ въ упрекъ нашему народу; да и мы сами, сѣтуя на смуты, производимыя имъ въ нашей народной жизни, не менѣе сѣтуемъ и на то, что въ этой смутѣ не оказывается никакихъ духовныхъ даровъ; что въ этомъ порожденіи нашей народной жизни нѣтъ ничего, кромѣ невѣжества и умственной грубости. Нѣтъ, это не есть даже заблужденіе, потому что заблужденіе предполагаетъ болѣе или менѣе дѣятельность ума, движеніе мысли; это большею частію простая безсмыслица и безграмотность. Довольно припомнить, что у раскольниковъ имѣетъ значеніе почти догмата начертаніе имени *Ісусъ*, происшедшее вслѣдствіе произвола или неграмотности писцовъ и очевидно менѣе соотвѣтствующее греческому начертанію, нежели возстановленное въ исправленныхъ книгахъ *Іисусъ*.

Но неужели въ самомъ дѣлѣ изъ такихъ ничтожныхъ причинъ могло развиться явленіе, которое держится такъ упорно и такъ широко захватило народную жизнь? Неужели очевидная безсмыслица можетъ имѣть

такую силу, такъ крѣпко связывать людей, такъ сильно овладѣть ихъ душою! Нѣтъ, какъ ни печально это явленіе, оно для внимательнаго наблюдателя -- въ самой глубинѣ своего зла, откроетъ не столько скудность и слабость, сколько напротивъ силу народнаго духа.

Исправленіе богослужебныхъ книгъ и возстановленіе чистоты православнаго обряда были безспорно существенною потребностію церкви; но обстоятельства времени мало благопріятствовали вполнѣ удовлетворительному рѣшенію этой задачи. Исправители, какъ извѣстно, не всегда соотвѣтствовали ея требованіямъ. Дѣло шло не такъ какъ оно пошло бы при другихъ лучшихъ условіяхъ. Не исправленія книгъ и обрядовъ, сами по себѣ могли стать причиною смуты, но способъ какимъ это дѣло дѣлалось и какимъ оно налагалось на народъ. Наука тогда не процвѣтала на Руси; самая грамотность была рѣдкимъ исключеніемъ. Кто же въ то время могъ на Руси съ отчетливостію разобрать существенное съ случайнымъ и отличить искаженіе и наносную примѣсь? Но при невѣжествѣ и неграмотности, народъ былъ исполненъ непоколебимой преданности православію; онъ тяжкими жертвами отстаивалъ свое православіе, въ немъ онъ видѣлъ все свое спасеніе; онъ крѣпко держался всей совокупности даннаго; онъ боялся всякаго измѣненія; во всякомъ нововведеніи, хотя бы оно было въ сущности возстановленіемъ первобытной чистоты православныхъ обрядовъ, видѣлъ онъ покушеніе отнять у него самую сущность православія и совратить его въ латинство, съ которымъ онъ такъ долго и тяжко боролся. Если бы преобразованія совершались менѣе настойчиво и болѣе соотвѣтственно съ средствами тогдашней науки, еслибъ они совершались менѣе круто и съ большею постепенностію, а главное еслибъ они совершались безъ вынужденія и насилія, безъ раздраженія

и озлобленія, безъ каръ и торжественныхъ проклятій, то они по всему вѣроятію не возбудили бы въ нашей народной жизни той печальной смуты, которая выразилась въ расколѣ и длится до сего дня.

Итакъ вотъ гдѣ первоначальное зло, изъ котораго произошла смута. Народъ не могъ принимать совершавшіяся исправленія съ полнымъ убѣжденіемъ ихъ вѣрности. Но съ другой стороны, была ли необходимость налагать вынудительно на совѣсть людей тѣ исправленія, которыя хотя и требовались церковнымъ благоустройствомъ, но которыя не составляли самой сущности церкви, такъ что церковь могла и безъ нихъ стоять? Было ли такъ важно, такъ существенно, такъ крайне необходимо для православнаго христіанина напримѣръ креститься трехперстнымъ или двуперстнымъ знаменіемъ, чтобы не соглашавшихся на то подвергать проклятію? Не только простые люди, но и духовные упорно держались двуперстнаго; но не утвердила ли ихъ въ этомъ упорствѣ та настоятельность, съ которою преобразователи побуждали колеблющихся отстать отъ одного и пристать къ другому? Не были ли виною раскола проклятія и отлученія отъ церкви за то чтó къ сущности церкви не касалось? Не выразился ли въ расколѣ протестъ раздраженной совѣсти, отстаивавшей свою свободу противъ вынудительнаго авторитета, въ которомъ ей чувствовалось нѣчто чуждое православію?

Что народъ былъ невѣжественъ, что онъ невѣжественъ и теперь, въ этомъ винить его нечего. По незнанію человѣкъ можетъ придавать существенный смыслъ тому что такого смысла не имѣетъ; но символъ, котораго крѣпко держится совѣсть, придавая ему существенное значеніе, какого онъ не имѣетъ, можетъ быть терпимъ именно потому что самъ не имѣетъ существеннаго значенія. Святыня христіанства и истина право-

славія не могутъ зависѣть отъ нѣкоторыхъ колебаній и разностей въ обрядахъ и символахъ. Духъ церкви можетъ только возвыситься, ея истина можетъ стать только свѣтлѣе, ея единство непоколебимѣе вслѣдствіе ясно сознаваемаго и принимаемаго различія между сущностью церкви и тѣми принадлежностями ея обряда, которыя сами по себѣ существеннаго значенія не имѣютъ а потому могутъ быть и не быть не колебля церкви, не потрясая ея основъ, не нарушая ея единства.

Что мы находимся около той причины, отъ которой произошла печальная смута, оторвавшая отъ церкви множество народа, доказательствомъ тому служитъ одно событіе нашего времени. Духъ нетерпимости, жертвующій существеннымъ случайному, былъ порожденіемъ темныхъ временъ. Онъ противенъ православной церкви, и она доказала это, открывъ свои нѣдра для отпавшихъ сыновъ своихъ, не насилуя ихъ совѣсти, не вынуждая ихъ отказываться отъ того, что издавна было для нихъ святыней. Церковь предоставляетъ имъ свободу держаться тѣхъ обрядовъ, которыми они дорожатъ, и несмотря на разницу обряда признаетъ ихъ своими дѣтьми. И она дала имъ особые храмы, получившіе названіе единовѣрческихъ или благословенныхъ.

Суждена ли будущность этимъ храмамъ, принесутъ ли они ту пользу, которую, безъ сомнѣнія, ожидала отъ нихъ мудрая, создавшая ихъ мысль? Все зависитъ отъ того въ какихъ размѣрахъ разовьется начало, положенное въ основаніе этихъ храмовъ, — этотъ духъ терпимости, полагающій различія между существеннымъ и несущественнымъ. До сихъ поръ они, къ сожалѣнію, не оказали значительнаго дѣйствія; расколъ не колебался, единовѣрческіе храмы не умножаются и число прихожанъ ихъ не возрастаетъ. Но отъ того ли это происходитъ, что мысль, руководившая созиданіемъ этихъ

храмовъ, не была вѣрною мыслію, или напротивъ потому что она еще не вполнѣ выразилась въ своемъ созданіи?

Намъ кажется, что единовѣрческіе храмы могутъ не прежде удовлетворять своему назначенію и достигать своей цѣли, какъ когда исчезнетъ всякое сомнѣніе въ ихъ полномъ единствѣ съ православными храмами. Въ настоящее время положеніе ихъ двусмысленно, и отъ того во мнѣніи народа, во мнѣніи раскольниковъ и въ чувствѣ самихъ единовѣрцевъ, храмы эти не имѣютъ того значенія, какое они должны были бы имѣть. Конечно, для всякаго просвѣщеннаго, знающаго и мыслящаго человѣка, обряды, составляющіе отличіе единовѣрческаго богослуженія, не соотвѣтствуютъ первобытной чистотѣ православнаго обряда; однако тѣмъ не менѣе церковь признала это обстоятельство несущественнымъ. Что въ самомъ дѣлѣ значатъ эти обряды,— что значитъ и сугубая аллилуіа, и двуперстное знаменіе, передъ лицомъ того факта, что въ этихъ храмахъ, при этихъ обрядахъ, совершаются таинства православной церкви? Что значутъ эти различія, когда въ этихъ храмахъ священнодѣйствуетъ православное духовенство, и когда они находятся подъ одною съ православною церковью іерархіею? Но если единовѣрческіе храмы въ самомъ главномъ и самомъ существенномъ ничѣмъ не разнятся отъ православія, то они могутъ быть одинаково открыты, какъ для раскольниковъ, такъ и для православныхъ. Только при этомъ условіи единовѣрческіе храмы могутъ окончательно получить то значеніе, которое предполагаютъ дать имъ и могутъ приносить ту пользу, которая отъ нихъ ожидалась. Надобно чтобъ единовѣрцы могли вполнѣ чувствовать и признавать себя дѣтьми церкви, и чтобъ отношенія церкви къ нимъ имѣли характеръ несомнѣнной искренности. Только такимъ полнымъ урав-

неніемъ единовѣрія съ православіемъ можетъ быть нанесенъ рѣшительный ударъ тому злу, которое живетъ въ расколѣ и даетъ ему духъ.

Чѣмъ снисходительнѣе и великодушнѣе будетъ церковь относительно восприсоединяющихся къ ней отпавшихъ дѣтей ея, чѣмъ менѣе будетъ она оставлять въ нихъ чувства какого-либо отчужденія отъ ней, тѣмъ менѣе можетъ оставаться внутреннихъ причинъ для существованія раскола, по крайней мѣрѣ въ самой главной и многочисленной его сектѣ,—сектѣ, принимающей священство. Во всякомъ случаѣ прозелитизмъ раскола утратитъ всякую опасность, если православнымъ будетъ предоставлена полная свобода въ выборѣ того или другого храма, и если перейдти изъ одного храма въ другой будетъ имѣтъ не болѣе значенія, какъ перечислиться изъ одного прихода въ другой. На сколько поднялось бы значеніе единовѣрія, на столько упала бы сила раскола. Возвышеніе единовѣрія было бы въ сущности ни чѣмъ инымъ, какъ торжествомъ церкви надъ расколомъ. Нечего опасаться, чтобъ единовѣрческій обрядъ не слишкомъ усилился насчетъ чисто-православнаго, нечего опасаться, что единовѣрческіе храмы могутъ слишкомъ переполниться прихожанами изъ чисто - православныхъ храмовъ. Если бы и въ самомъ дѣлѣ такъ-называемый старый обрядъ единовѣрческихъ храмовъ оказалъ сильное притягательное дѣйствіе на православный народъ, то церковь не потерпѣла бы отъ того никакой существенной утраты. Мы даже думаемъ что съ размноженіемъ единовѣрческихъ храмовъ побѣда церкви надъ расколомъ была бы вѣрнѣе и полнѣе. Но церковь не можетъ однако быть совершено равнодушною къ чистотѣ своихъ обрядовъ, знаменій и символовъ. Не естественно ли опасеніе, что благодаря полноправію единовѣрія, въ нашихъ храмахъ можетъ возобладать обрядъ

менѣе чистый надъ болѣе чистымъ? Опасеніе напрасное! То чувство раздраженной вынужденіемъ совѣсти, которое было душою стараго обряда, замиряется въ единовѣрческомъ храмѣ; а затѣмъ, съ теченіемъ времени, съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, съ каждымъ новымъ шагомъ просвѣщенія и гражданственности, старый обрядъ можетъ только падать и ослабѣвать, а никакъ не возрастать, никакъ не усиливаться*).

9.

Система преслѣдованій или система терпимости?

Вопросъ о расколѣ есть въ настоящее время, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ горячихъ и важныхъ вопросовъ; нѣтъ также сомнѣнія, что отъ того направленія, въ которомъ разрѣшится этотъ вопросъ, будетъ зависѣть очень многое въ нашей народной жизни; наконецъ нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ возможныхъ системъ, самая дурная есть система полумѣръ. Полагать, что разомъ можно найдти надлежащую формулу для полнаго разрѣшенія вѣковаго, многосложнаго и труднаго вопроса значило бы ставить себѣ задачу неисполнимую и отвлекаться отъ настоящаго дѣла. Истинная задача состоитъ только въ томъ, чтобы постановить надлежащимъ образомъ вопросъ. Вопросъ правильно постановленный есть вопросъ почти уже разрѣшенный.

Относительно раскола представляются двѣ системы: система стѣсненія и преслѣдованій и система терпимости. Предстоитъ рѣшить, которая изъ двухъ системъ разумнѣе, соотвѣтственнѣе истиннымъ элементамъ дѣла и

*) 1864 г. № 66.

духу времени, и ведетъ къ лучшимъ результатамъ; предстоитъ рѣшить, которому изъ двухъ противоположныхъ направленій должно послѣдовать. Только это требуется рѣшить, но рѣшить положительно, не оставляя въ дѣлѣ никакой неясности, никакого колебанія и сомнѣнія. Все остальное разовьется само собою изъ рѣшительно принятыхъ и ясно постановленныхъ началъ. Но если мы не рѣшимся окончательно въ выборѣ того или другаго направленія, то какія бы мы ни стали придумывать мѣры, всѣ оказались бы безплодными, напрасными и въ сущности вредными,—всѣ оказались бы тѣмъ, что обыкновенно называется полумѣрами. А нѣтъ ничего хуже нерѣшительнаго, колеблющагося дѣйствія. Какое бы ни было принято начало, на полезное и успѣшное дѣйствіе его можно разчитывать только въ томъ случаѣ, когда будетъ предоставлена ему полная возможность дѣйствовать, и когда оно будетъ окружено всѣми благопріятными для него условіями. Система преслѣдованій не можетъ успѣшно дѣйствовать, если она не вооружится всѣми необходимыми для дѣйствія способами. Коль скоро мы рѣшимся возложить надежду на эту систему, коль скоро мы убѣдимся въ ея дѣйствительности и пользѣ, слѣдуетъ дать ей полный ходъ и не парализировать ея дѣйствія никакими малодушными колебаніями. Принявъ эту систему, нельзя уже смотрѣть на расколъ сквозь пальцы. Съ другой стороны принявъ систему терпимости, слѣдуетъ утвердиться въ ней и отнюдь не понимать ее такимъ образомъ, чтобы только вмѣсто серіозныхъ и рѣшительныхъ преслѣдованій свести дѣло на мелкія преслѣдованія, на систему безплодно раздражающихъ стѣсненій и придирокъ. Одно изъ двухъ, но то или другое должно быть понято въ своемъ истинномъ смыслѣ и принято съ полною рѣшимостію.

Система преслѣдованій была уже достаточно испро-

бована и результаты ея оказались неудовлетворительными. Причиною неудовлетворительности, говорятъ, было то, что система эта дѣйствовала не совсѣмъ послѣдовательно, а главное—не имѣла надежныхъ органовъ, „Если прежнія мѣры правительства", пишетъ намъ одинъ изъ гнѣвныхъ преслѣдователей раскола, „не имѣли успѣха, такъ это отъ того, что должностныя лица легко давали подкупать себя раскольникамъ и дѣйствовали уже не противъ нихъ, а заодно съ ними противъ православной церкви, такъ что дѣло искорененія раскола, совершаемое рукой церкви, уничтожалось рукою чиновника". Авторъ этихъ строкъ принадлежитъ къ духовенству, и онъ не находитъ достаточно сильныхъ словъ, для того, чтобы заклеймить чиновниковъ, которые, подъ видомъ преслѣдованія раскола, собирали съ него дань и потворствовали ему. Авторъ приведенныхъ словъ настаиваетъ на принятіи самой безпощадной и неуклонной системы преслѣдованія. Что-жъ? онъ правъ: если дѣйствовать путемъ преслѣдованій, то надобно желать, чтобы преслѣдованія достигали своей цѣли; надобно желать, чтобы преслѣдованія были дѣйствительныя, а не мнимыя. Всякое дѣло можетъ успѣшно совершаться только изъ свойственныхъ ему источниковъ, только специфически, ему одному соотвѣтствующими способами. Успѣшно противодѣйствовать какому-либо злу можетъ только та сила, которая къ нему относится, которая отъ него страдаетъ. Почему находятъ, что правительство своими способами не можетъ успѣшно бороться съ тѣмъ или другимъ зломъ, возникающимъ въ нравственной жизни. Именно потому, что всякое явленіе относится къ какой-либо опредѣленной сферѣ жизни, и только средствами той сферы, въ которой оно возникаетъ, можетъ оно быть успѣшно развиваемо или стѣсняемо. Только живое, непосредственное, личное участіе въ дѣлѣ можетъ сообщать

ему надлежащую силу и обезпечивать его успѣхъ. Дѣятельность *офиціальная,* даже при извѣстной степени добросовѣстности, никогда не коснется сущности дѣла, ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ. Исторія представляетъ нѣкоторые примѣры успѣшнаго дѣйствія религіозныхъ гоненій; но религіозныя гоненія достигали своей цѣли именно тогда, когда носили религіозный характеръ и были исполнены фанатическаго духа. Успѣшно противодѣйствовать ереси или расколу можетъ только сама же церковь, церковь способная къ тому, организованная соотвѣтственно такой системѣ дѣйствій и исполненная сроднаго ей духа. Рѣшиться на систему преслѣдованій по отношенію къ существующему у насъ расколу, — рѣшиться дѣйствительно, рѣшиться съ тѣмъ, чтобы достигнуть цѣли, — для этого нѣтъ иного средства, какъ препоясать нашу церковь мечомъ, и сообщить ей такую организацію и такой духъ, которые уподобили бы ее римско-католической церкви. Система религіозныхъ гоненій, — это значитъ церковь вооруженная и организованная какъ государство, это значитъ инквизиція, это значитъ пытки и костры. Или система преслѣдованій есть только праздное слово, прикрывающее собою безхарактерную и безсмысленную политику прицѣпокъ, придирокъ, чиновничьихъ поборовъ, всякаго рода злоупотребленій, возмущающихъ народный бытъ, безплодно раздражающихъ народонаселеніе, усиливающихъ зло, сѣющихъ повсюду сѣмена недовольства и ненависти, вредящихъ какъ государству, такъ и церкви; или же религіозныя преслѣдованія должны принять вполнѣ соотвѣтственный имъ характеръ и дѣйствовать энергически, мѣтко, истребительно, искоренительно, — дѣйствовать рукою самой церкви, превратившейся въ инквизицію. Но теперь спрашивается, возможно ли допустить, чтобы православная церковь, и притомъ

въ настоящее время, могла принять подобный характеръ? Желать чего-либо подобнаго—не безуміе ли и не оскорбленіе ли достоинства и святыни нашей церкви? Никакая ересь, никакой расколъ не могли бы такъ пагубно подѣйствовать на православную церковь, какъ наитіе подобнаго духа, столь ей чуждаго, столь противнаго ея началамъ. Защищать такимъ способомъ единство и чистоту православія, значило бы отравлять его въ собственныхъ источникахъ. Успѣхъ пріобрѣтенный такимъ способомъ, побѣда одержанная такою борьбою, обошлись бы слишкомъ дорого. И можно ли было бы назвать такой успѣхъ успѣхомъ, такую побѣду побѣдой? Побѣда одержанная подобными средствами не была ли бы напротивъ глубокимъ пораженіемъ самой церкви? Успѣхъ купленный такою цѣною не былъ ли бы полнымъ разстройствомъ жизни, упадкомъ народнаго духа и подрывомъ государства? Гдѣ религіозныя гоненія дѣйствовали успѣшно, тамъ они оставляли за собою униженное достоинство церкви, подавленныя силы и убитый народъ.

Но возможно ли серіозно говорить о религіозныхъ гоненіяхъ въ настоящее время? А если невозможно дѣйствовать въ этомъ смыслѣ единственно-годными къ тому способами, то для чего прибѣгать къ способамъ не соотвѣтствующимъ цѣли? Если невозможно и помышлять о дѣйствительныхъ религіозныхъ гоненіяхъ, то къ чему могли бы послужить фальшивыя подражанія имъ? Если невозможна инквизиція, то стоитъ ли возлагать по мелочи ея дѣло на исправниковъ и квартальныхъ надзирателей? Если невозможно примѣнять систему въ ея истинномъ смыслѣ, то какая польза примѣнять ее въ фальшивомъ смыслѣ? Не значило ли бы это оставаться безъ всякой системы, и отказываться отъ серіознаго рѣшенія вопроса? Никакое правительство въ настоящее время не можетъ стать органомъ религіозныхъ преслѣ-

дованій. Еслибы правительство взяло на себя подобную задачу, то оно только поставило бы себя въ ложное положеніе. Да и какой смыслъ имѣла бы подобная политика въ то время, когда все болѣе и болѣе входитъ въ силу начало общественной свободы? Какими законами можно было бы опредѣлить кругъ дѣйствія подобной политики относительно раскола? Гдѣ найдти для нея органы? Наконецъ, можетъ ли правительство дѣйствовать въ явный подрывъ народной жизни, въ явный ущербъ государству, — и безъ всякой пользы для церкви?

Если система гоненій оказывается невозможною, то остается принять политику противоположную. Если ни церковь, ни государство не возьмутся въ настоящее время дѣйствовать мечомъ и огнемъ,—если въ то же время дѣйствовать необходимо, то остается возбуждать въ самой жизни противодѣйствующія злу начала, остается дѣйствовать путемъ умиротворенія. Напрасно вѣтеръ силился сорвать съ путника плащъ, — путникъ только крѣпче укутывался въ него; но поднялось солнце, и полдневные лучи его заставили путника снять съ себя этотъ плащъ, который сталъ ему въ тягость. Такъ гласитъ старинная басня, и ея смыслъ ежедневно оправдывается опытомъ и въ частной, и въ общественной жизни. Политика умиротворенія въ соединеніи съ общимъ возбужденіемъ народной жизни, съ оживленіемъ церкви какъ общественной силы и въ клирѣ и въ мірянахъ, вотъ стало быть единственный путь, который можетъ повести къ удовлетворительнымъ результатамъ относительно раскола. Стоитъ только принять съ полною рѣшимостію начало, и изъ него сами собою разовьются, въ надлежащей послѣдовательности и постепенности, соотвѣтственныя обстоятельствамъ мѣры*).

---

*) 1864 г. № 79.

10.

Снятіе клятвы собора 1667 года, уничтоженіе порицаній и обвиненій въ ереси въ нашихъ церковныхъ книгахъ и дарованіе единовѣрію полнаго равноправія.

Сегодня въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ происходило освященіе единовѣрческой церкви во имя Св. Николая Чудотворца. Чинъ освященія храма, а потомъ божественную литургію совершилъ московскій викарій, преосвященный Леонидъ по старопечатнымъ книгамъ, то-есть съ хожденіемъ вокругъ освященнаго храма „пóсолонь“ и съ соблюденіемъ другихъ содержимыхъ единовѣрцами обрядовъ. Въ истекающемъ году это второе торжественное служеніе православнаго архіерея въ единовѣрческомъ храмѣ въ Москвѣ. Тотъ же преосвященный Леонидъ 16-го мая совершалъ литургію на Преображенскомъ кладбищѣ при открытіи на немъ мужскаго Никольскаго единовѣрческаго монастыря, которому предназначено сдѣлаться средоточіемъ русскаго единовѣрія. Изъ епархіальныхъ вѣдомостей извѣстно, что и по другимъ городамъ православные архіереи отъ времени до времени совершаютъ въ единовѣрческихъ церквахъ богослуженіе съ соблюденіемъ тѣхъ самыхъ обрядовъ, изъ-за отмѣны которыхъ двѣсти лѣтъ тому назадъ произошелъ расколъ въ русской церкви. Такъ въ концѣ минувшаго и въ началѣ истекающаго года въ Петербургѣ митрополитъ Исидоръ служилъ въ единовѣрческихъ церквахъ и совершалъ хиротонію по старопечатнымъ книгамъ.

Служеніе православныхъ архіереевъ въ единовѣрческихъ церквахъ, совершеніе ими евхаристіи и пріобщеніе сему святому таинству по обрядамъ единовѣрческимъ,

не показываетъ ли, что наша церковь не считаетъ существенно-важнымъ соблюденіе того или другого обряда? Во вселенской церкви всегда была и донынѣ существуетъ помѣстная разность во внѣшнихъ обрядахъ богослуженія. Развѣ нашъ русскій обрядъ во всемъ сходенъ съ обрядомъ содержимымъ Греками, отъ которыхъ мы приняли христіанство? Въ Россіи напримѣръ евангеліе не читается лицомъ къ народу, Символъ Вѣры и Молитва Господня на литургіи поются, а не читаются какъ у Грековъ, при выносѣ совершенныхъ святыхъ даровъ у насъ не возглашается: „Со страхомъ Божіимъ, вѣрою *и любовію* приступите", и пр. т. п. Разница въ обрядахъ существовала и на Руси до половины XVII столѣтія: когда Великая Россія почти сплошь крестилась двуперстно, вся Малая и Бѣлая Россія употребляли триперстное сложеніе, никто не поставлялъ особой важности въ этой разности. Малороссы, бывавъ въ Москвѣ, молились триперстно въ кремлевскихъ соборахъ, а Москвитяне въ Кіевѣ у мощей тамошнихъ угодниковъ крестились двуперстно, но никому въ голову не приходило, чтобъ эта разница во внѣшнемъ обрядѣ богопочитанія могла составлять причину церковнаго раскола, и послужить, какъ оказалось въ послѣдствіи, поводомъ къ ожесточенной внутренней враждѣ, дошедшей, съ одной стороны, до фанатическаго изувѣрства, а съ другой, до преслѣдованія обряда ссылками, пытками, кострами и эшафотами. Вражда за обрядъ противна духу христіанства, противна православному ученію.

Когда прошло безъ малаго полтора столѣтія послѣ того какъ въ нашемъ отечествѣ возникъ церковный расколъ изъ-за внѣшняго обряда, церковь снисходительно отнеслась къ нѣкоторымъ старообрядцамъ, изъявившимъ желаніе покориться ей, но просившимъ оставить ихъ при святочтимыхъ ими обрядахъ. Такимъ образомъ воз-

никло единовѣріе, правила котораго утверждены въ октябрѣ 1800 года.

Нельзя однако сказать, чтобъ эти правила оправдали возлагавшіяся на нихъ въ то время надежды церкви и императора Павла. Ожидали, что всѣ раскольники за весьма малыми быть можетъ исключеніямн присоединятся къ церкви на условіяхъ единовѣрія. Этого однако не осуществилось и доселѣ. И теперь черезъ шестьдесятъ шесть лѣтъ по утвержденіи такъ-называемыхъ „правилъ митрополита Платона" во всей Россіи не насчитается и двухъ сотъ единовѣрческихъ церквей, а прихожанъ ихъ едва ли наберется двѣсти тысячъ.

Въ такомъ лишь случаѣ единовѣріе привлечетъ въ церковь всѣхъ старообрядцевъ, пребывающихъ доселѣ въ расколѣ, когда сложится клятва собора 1667 года, не съ однихъ обращающихся въ единовѣріе, но и съ обрядовъ ими содержимыхъ, о чемъ они тщетно просили еще въ 1800 году.

Дарованіе единовѣрію полнаго равноправія, признаніе, что каждый православный, не стѣсняя своей совѣсти, можетъ по своему усмотрѣнію молиться и исправлять христіанскія обязанности въ томъ или другомъ храмѣ, обезпечило бы несомнѣнный успѣхъ единовѣрія и несомнѣнное торжество единой православной церкви надъ расколомъ *).

11.

Отношеніе православія къ единовѣрію.

По правилу, прежде чѣмъ возбранять переходъ изъ православія въ единовѣріе слѣдуетъ разсмотрѣть искренно

---

*) 1866 г. № 276.

ли принадлежитъ къ православію лицо изъявившее желаніе перейти въ единовѣріе, не есть ли этотъ православный только мнимый православный, не принадлежитъ ли онъ внутренно къ расколу, и въ такомъ случаѣ не возбранять ему присоединенія къ единовѣрію.

Всѣмъ извѣстно, что во времена энергическихъ мѣръ противъ раскола, цѣлыя пребывавшія въ немъ населенія причислялись къ православію совершенно внѣшнимъ образомъ. При томъ внѣшнемъ характерѣ, который былъ навязанъ нашей церкви обстоятельствами времени, не чувствовалось надобности обращать вниманіе на совѣсть людей и справляться съ ихъ убѣжденіями, а достаточно было помѣтки въ графахъ. Чиновники смотрѣвшіе за расколомъ, а также и мѣстное духовенство взимали съ причисленныхъ такимъ образомъ къ православію людей негласную подать въ свою пользу, и оставляли ихъ при какихъ имъ угодно вѣрованіяхъ и обрядахъ. Глаголемые православные откупались болѣе или менѣе значительными суммами и отъ хожденія въ церковь, и отъ ея таинствъ, и все такимъ образомъ обходилось благополучно и къ обоюдному удовольствію. Правительству въ свою очередь, оставалось только награждать чиновниковъ за ревность къ распространенію православія и съ удовольствіемъ усматривать, какъ въ мѣстныхъ показаніяхъ убывала цыфра раскольниковъ и росла цифра православныхъ. Такой способъ церковнаго обращенія могъ казаться тѣмъ болѣе удобнымъ и легкимъ, что и массы собственно православныхъ населеній въ сущности были только приписаны къ церкви, оставаясь въ совершенномъ невѣденіи относительно самыхъ главныхъ основаній ея ученія.

Лучшіе умы своего времени не могли не скорбѣть о недостойномъ положеніи, въ которомъ находилась церковь, и не усматривать истинной причины упорства

обнаруженнаго расколомъ. Причина эта должна заключать въ себѣ что-либо положительное. Никакая сила на свѣтѣ не берется изъ ничего. Одно невѣжество не могло бы само по себѣ породить ту силу убѣжденія, столь разительные примѣры которой представляетъ исторія раскола. Невѣжество, и только невѣжество, не могло бы само по себѣ одушевлять людей непреклоннымъ чувствомъ своей правоты и дѣлать ихъ способными ко всевозможнымъ жертвамъ, даже до смерти. Нѣчто болѣе существенное должно было присоединиться къ невѣжеству темныхъ массъ отрекавшихся отъ общенія съ церковью.

Исправленіе церковныхъ обрядовъ было дѣломъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ благопотребнымъ. Существо церкви непремѣнно и непреложно: это есть та священная исторія, изъ которой она произошла, и то ученіе, которое она исповѣдуетъ. Но обряды не составляютъ существа церкви; они могутъ смотря по средѣ гдѣ дѣйствуетъ церковь, принимать тотъ или другой характеръ, и измѣняться не разрушая единства церкви. Они могутъ быть лучше или хуже, съ той или съ другой точки зрѣнія; они могутъ болѣе или менѣе соотвѣтствовать просвѣщенному разумѣнію, или снисходить до состоянія умовъ простыхъ и не развитыхъ; они могутъ отличаться высшимъ изяществомъ или представлять отраженіе грубости окружающей среды: но церковь въ существѣ своемъ тѣмъ не менѣе остается одна и та же. Подлежитъ измѣненію только среда, черезъ которую церковь дѣйствуетъ на людей, соотвѣтственно измѣненію человѣческихъ обществъ въ ихъ образованіи и развитіи. Еслибы различіе обрядовъ имѣло существенное значеніе, то въ какой бы степени оно ни обнаруживалось, послѣдствіемъ его было бы распаденіе церкви. Есть, напримѣръ, нѣкоторыя разницы въ обрядахъ богослуженія между русскою православною церковію и греческою:

такъ Евангеліе у Грековъ читается обращаясь къ народу въ царскихъ дверяхъ, а не къ алтарю предъ царскими дверями, какъ у насъ: такъ въ греческой церкви при выносѣ св. даровъ возглашается „со страхомъ, вѣрою и *любовію* приступите;“ а у насъ считается достаточнымъ возглашать православнымъ, чтобъ они приступали къ чашѣ спасенія „со страхомъ и вѣрой.“ Никому однако ни между нами, ни между Греками не дозволительно заключать изъ этихъ обрядовыхъ различій о существенномъ различіи между русскою и греческою церквами. Та и другая есть единая, православная, каѳолическая церковь, и не требуется никакого разрѣшенія для того, чтобы Русскій могъ причаститься Св. Таинъ въ греческой церкви, или Грекъ въ русской. Итакъ, если церковная жизнь допускаетъ свободу во всемъ, что не касается существенныхъ догматовъ церкви, то стало быть то, что не имѣетъ значенія догмата не можетъ быть поставлено условіемъ церковнаго единенія. Одинъ обрядъ можетъ быть лучше, достойнѣе, чище, совершеннѣе другого, но онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ предписываться какъ нѣчто непремѣнное и непреложное; ибо придавать обряду такую силу, значитъ возводить его въ догматъ и стало-быть измѣнять существо церкви. Изъ какого бы почтеннаго источника ни происходилъ тотъ или другой обычай, какъ бы ни былъ онъ во мнѣніи нашемъ уважителенъ, какую бы святость ни сообщала ему давность и авторитетъ досточтимыхъ лицъ установившихъ его, мы не можемъ, если хотимъ остаться вѣрными истинному православію, возводить обрядъ въ существо церкви и ставить его непремѣннымъ условіемъ единенія съ нею. Равномѣрно, какъ бы ни были убѣдительны доводы за исправленіе того или другого церковнаго обряда, православная церковь не знаетъ такого авторитета, который могъ бы поставить

лучшій обрядъ непремѣннымъ условіемъ принадлежности къ ней. Отлучать отъ церкви за различіе въ обрядахъ, хотя бы и самыхъ почтенныхъ, но не принадлежащихъ къ установленнымъ апостолами и вселенскими соборами основамъ христіанскаго ученія и христіанской жизни, значитъ отступать отъ истиннаго православія которое ни въ чемъ иномъ не можетъ полагать себя, какъ лишь въ томъ, чтобы быть выраженіемъ чистаго христіанства.

Исправленіе и очищеніе обрядовъ было и теперь есть, святая обязанность органовъ церкви. Какъ только становится очевиднымъ какая-либо неправильность, она должна быть немедленно устранена. Но, какъ бы ни была значительна неправильность обряда, возникнетъ неправильность несравненно болѣе глубокая, если мы во имя Христовой церкви оттолкнемъ отъ общенія съ нею людей одинаково съ нами вѣрующихъ во Христа, но почему-либо не расположенныхъ послѣдовать нашимъ лучшимъ воззрѣніямъ на тотъ или другой предметъ въ церковныхъ чиноположеніяхъ. Лучшее по самой натурѣ своей имѣетъ преимущество надъ худшимъ, и не худшему, а лучшему принадлежитъ будущее. Истинный успѣхъ всякаго исправленія долженъ быть одержанъ въ совѣсти и разумѣніи людей, а не противъ ихъ совѣсти и не вопреки ихъ разумѣнію. Лучшему надлежитъ давать ходъ немедля, какъ только оно просіяетъ, но надобно предоставить и самому лучшему время для повсемѣстнаго распространенія своего дѣйствія и для привлеченія къ себѣ совѣсти и разумѣнія людей.

Хорошо то, что за 200 лѣтъ предъ симъ церковныя власти у насъ озаботились исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, въ которыя съ теченіемъ времени, вслѣдствіе общей малограмотности, вкралось много грубыхъ ошибокъ, а также очищеніемъ обрядовъ, которые во многомъ уклонились отъ первоначальнаго образа. Но

печальнымъ и пагубнымъ обстоятельствомъ было то, что православныя церковныя власти въ то старое время сочли себя въ правѣ требовать подъ страхомъ отлученія отъ церкви, принятія исправленныхъ обрядовъ и книгъ, и наконецъ вооружиться противъ непокорныхъ мечомъ государства. Пусть трехперстное знаменіе креста лучше нежели двухперстное: предстояло указать на это, объяснить это, но не налагать этого авторитетомъ церкви и отлучать отъ ней тѣхъ кто отдавалъ предпочтеніе двухперстному знаменію. Та или другая форма знаменія, какъ и вообще самое *знаменіе*, не можетъ быть существомъ вѣры. Кто же научилъ раскольниковъ придать, какъ этому, такъ и другому, на чемъ они разошлись съ церковью, значеніе существеннаго? Кто положилъ имъ на сердце предпочесть букву живому единенію церкви? Кто подалъ имъ примѣръ возведенія обрядовъ въ силу догматовъ составляющихъ необходимое условіе христіанства?

Православіе по истинѣ тѣмъ всего болѣе отличается отъ римской церкви, что оно ни за кѣмъ не признаетъ власти создавать новые догматы и прибавлять что-либо къ единожды установленному основанію христіанской вѣры. Великое отличіе православія заключающее въ себѣ всю силу предоставленной ему будущности есть то, что вмѣстѣ съ необходимымъ, непреложнымъ, единожды навѣки установленнымъ, не терпящимъ ни убавленія, ни прибавленія, оно заключаетъ въ себѣ начало свободы и разнообразія церковной жизни. Историческія условія въ которыхъ доселѣ повсемѣстно находилась православная церковь не дали ей возможности обнаружить во всей силѣ это значеніе свое, и нерѣдко вынуждали ее принимать характеръ противоположный ея существу; но времена наступаютъ другія, и истинный характеръ православія будетъ выступать все яснѣе и

чище. Православіе состоитъ не только въ томъ, чтобы хранить безъ всякаго упущенія единожды навсегда установленныя основы христіанской вѣры, но столько же, и быть можетъ еще болѣе, въ томъ чтобы хранить ихъ въ чистотѣ и безъ примѣси. Всему должна быть предоставлена своя слава и честь, и иная честь догмату, иная обряду. Неразличеніе и смѣшеніе есть признакъ духовнаго омертвѣнія.

Начало раскола заключается прежде всего въ неправильномъ расширеніи области необходимаго и въ требованіи обязательной силы для того, что по существу своему должно быть предоставлено свободѣ христіанской совѣсти. Расколъ есть созданіе этой прискорбной ошибки и въ немъ она отпечатлѣлась всею своею силой и со всѣми своими послѣдствіями. Вмѣсто усиленія единства, она повлекла къ расторженію церковной жизни. Очищеніе обрядовъ и исправленіе книгъ, купленныя столь дорогою цѣной, не пошли въ прокъ, и не содѣйствовали оживленію духа въ нашей церкви.

Наступила лучшая пора. Возникла реакція, которая въ отношеніи къ расколу выразилась устроеніемъ такъ-называемой единовѣрческой церкви. Мысль, которой учрежденіе это обязано своимъ началомъ, направлена къ тому, чтобы возстановить нарушенную истину церковнаго разумѣнія. Вопреки акту причинившему расколъ учрежденіе единовѣрія долженствовало явиться, какъ бы доказательствомъ, что истинная православная церковь не смѣшиваетъ обряда съ догматомъ, и полагаетъ различіе между главнымъ и второстепеннымъ, между необходимымъ и случайнымъ. Что такое единовѣріе? Единая съ православіемъ вѣра. Единовѣрческая церковь есть то же, что и православная церковь, но съ допущеніемъ тѣхъ обрядовъ въ которыхъ полагаетъ силу свою расколъ.

Къ сожалѣнію, благая мысль, которая видна въ основаніи единовѣрческаго учрежденія не могла получить должнаго развитія въ то время когда она возникла. Она выразилась въ полумѣрѣ, которая, какъ и всякая полумѣра, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе и лишена силы плодотворнаго дѣйствія. Она не имѣла послѣдствій ни по отношенію къ расколу, ни вообще церковнымъ дѣламъ нашимъ. Мы не имѣемъ намѣренія вступать въ споръ съ кѣмъ бы то ни было; мы только спрашиваемъ, есть ли единовѣріе дѣйствительно одна съ православіемъ вѣра. Мы спрашиваемъ, но въ отвѣтѣ не нуждаемся. Намъ нѣтъ надобности справляться съ мнѣніемъ того или другого богослова по этому предмету. Отвѣтъ заключается въ самомъ фактѣ,—отвѣтъ положительный, не допускающій и тѣни двойственнаго толкованія. Если православные епископы священнодѣйствуютъ въ единовѣрческихъ храмахъ по единовѣрческимъ обрядамъ, по единовѣрческимъ книгамъ, если оба обряда имѣютъ одно и то же священство; то нѣтъ сомнѣнія, что каково бы ни было различіе между ними, они суть одна вѣра, одно исповѣданіе вѣры, одна церковь. Этимъ все сказано; но, къ сожалѣнію, на дѣлѣ оказывается глубокое противорѣчіе. Благодаря непослѣдовательности закона, на дѣлѣ выходитъ, что единовѣрческій обрядъ есть какъ бы другая церковь, существенно разнящаяся отъ православной. Ибо удержанъ вопросъ о томъ, можно ли, и въ какихъ случаяхъ, при какихъ условіяхъ можно допустить переходъ изъ православія въ единовѣріе, какъ будто можетъ быть рѣчь о переходѣ тамъ гдѣ признано полное единство вѣры. И вотъ самый актъ клонящійся къ возстановленію церковнаго единенія запечатлѣнъ характеромъ розни. Можетъ ли быть вопросъ о переходѣ изъ православія въ единовѣріе, когда одинъ и тотъ же священникъ

нынѣ совершаетъ богослуженіе по одному обряду, а завтра будетъ совершать по другому? Говорятъ, что это дѣлается изъ снисхожденія къ невѣжеству людей, которые держатся испорченныхъ обрядовъ, ошибочно считая ихъ древними и придавая имъ священное значеніе. Пусть такъ. Но грубые ошибочные обряды, которыхъ держатся единовѣрцы, не вредятъ вѣрѣ и не можетъ же православный священникъ священнодѣйствовать при условіяхъ не соотвѣтствующихъ истиннымъ требованіямъ церкви. Снисхожденіе не можетъ простираться до измѣны истинѣ, до нарушенія основаній церкви. Значитъ, тотъ или другой обрядъ самъ по себѣ не составляетъ существа церкви. Стало-быть можетъ и должна быть допускаема свобода во всемъ, что не касается существа вѣры.

Дабы церковь, допустившая единовѣріе, пришла въ полное согласіе съ собою, необходимо, чтобъ исчезла и самая тѣнь вѣроисповѣднаго различія между православіемъ и единовѣріемъ, чтобъ единовѣріе признавалось вполнѣ православіемъ, и чтобъ исчезъ самый вопросъ о переходѣ изъ одного въ другое какъ въ особую церковь. Тамъ не можетъ быть рѣчи о переходѣ, гдѣ нѣтъ различія въ исповѣданіи вѣры. Каждому должно быть предоставлено посѣщать ту или другую церковь, какъ предоставляется каждому посѣщать церкви разныхъ приходовъ. Только при этомъ условіи будетъ достигнута цѣль предпоставленная при учрежденіи единовѣрія; только при этомъ условіи оно станетъ вполнѣ правдою которая сокрушитъ расколъ въ самомъ источникѣ его и съ тѣмъ вмѣстѣ возвыситъ характеръ православной церкви въ ея вселенскомъ значеніи. Обрядъ перестанетъ быть предметомъ религіозной распри. Все грубое и невѣжественное въ церковномъ бытѣ, предоставленное самому себѣ и лишенное духа, не можетъ держаться и скоро

уступитъ мѣсто лучшему разумѣнію. Внѣшніе порядки и самые богослужебные тексты требуютъ очищенія и исправленія не въ одномъ единовѣріи. Дѣлу исправленія и очищенія предстоитъ обширное поприще и у насъ. Но великимъ пріобрѣтеніемъ было бы признаніе и оправданіе на дѣлѣ той истины, что христіанская церковь въ существѣ своемъ можетъ оставаться непобѣдимо-единою, при полномъ разнообразіи обрядовъ и церковнаго быта.

Не въ этомъ ли состоитъ великій вопросъ нашего времени? *).

12.

О нуждахъ единовѣрія.

Мы всегда отстаивали, что единство въ исповѣданіи догматовъ и признаніи нравственныхъ началъ, при подчиненіи церковной власти, даетъ полноправность во вселенской православной церкви всякому ищущему соединенія съ нею религіозному обществу, и что различія въ обрядахъ и ихъ формахъ, поскольку они не противорѣчатъ духу православія, не должны нарушать церковное единеніе.

По мнѣнію оппонентовъ, единовѣріе, въ силу церковныхъ правилъ выработанныхъ при самомъ его основаніи, есть нѣчто стоящее ниже церкви, только приготовительный моментъ къ соединенію съ нею старообрядцевъ. Въ основу этихъ сужденій, какъ кажется, легъ тотъ взглядъ, что единство церковное зиждется не на одномъ согласномъ исповѣданіи истинъ вѣры и нравственности и признаніи іерархіи, но и на единообразіи

*) 1869 г. № 131.

обряда. Правда, защитники этого взгляда готовы признать, что обрядъ не равенъ по важности съ догматомъ, и что согласіе въ исповѣданіи истинъ вѣры есть главная основа церковнаго единства, но въ то же время они слишкомъ настаиваютъ на важности обряда, слишкомъ стараются заговорить своихъ слушателей тѣмъ, что обрядъ не безразличное дѣло (съ чѣмъ впрочемъ никто и не споритъ), не вполнѣ свободное. Эти оговорки показываютъ, что имъ хочется перенести центръ тяжести церковнаго единства съ догмата и поставить его между догматомъ и обрядомъ. Еслибъ ихъ не останавливало опасеніе бездоказательности, то они прямо сказали бы: единовѣрцы не будутъ истинно православными пока не станутъ креститься тремя перстами и не станутъ пѣть трегубую аллилуію; для того, чтобы быть православными имъ недостаточно исповѣдывать согласно со вселенскою церковію Единосущную Троицу, Единую Святую Соборную Церковь и одни и тѣ же таинства. Но не имѣя смѣлости на такую послѣдовательность въ развитіи своего принципа, защитники того воззрѣнія, что единовѣріе неравноправно съ православіемъ, въ силу различія въ обрядѣ и меньшаго его совершенства, затемняютъ и запутываютъ постановку совершенно яснаго вопроса: можно ли быть единовѣрцамъ полноправными членами церкви при различіи въ обрядахъ, вплетеніемъ разсужденій о томъ, что многіе единовѣрцы дурно смотрятъ на обряды православныхъ и видятъ въ троеперстіи нечестіе и т. д. Но при этомъ они забываютъ, что такіе единовѣрцы проникнуты не духомъ единовѣрія, а раскола, что истинные единовѣрцы не должны и не могутъ держаться такихъ разрушающихъ церковное единеніе воззрѣній,—забываютъ также и то, что церковь, какъ бы въ отмщеніе этимъ единовѣрцамъ, не должна платить имъ тѣмъ же, что не слѣдуетъ изъ-за неправильности

воззрѣній, положимъ, и многихъ единовѣрцевъ, ограничивать церковныя права всѣхъ единовѣрцевъ,—забываютъ наконецъ и то, что если единовѣріе отрѣшится отъ этого предосудительнаго взгляда на православные обряды и въ духѣ церковнаго мира будетъ уважать отличія православнаго обряда, снова возникнетъ неотступный вопросъ: полноправны ли единовѣрцы оставаясь при своихъ обрядахъ. Тогда защитникамъ разсматриваемаго взгляда придется, безъ всякихъ изворотовъ и хитростей, откровенно признаться: „единство въ исповѣданіи догматовъ, единеніе въ таинствахъ и подчиненіе церковной власти сами по себѣ безсильны создать церковное единство“. Такое или иное сложеніе перстовъ, такое или иное пѣніе аллилуіи, затворяетъ врата вселенской церкви и оставляетъ ищущаго общенія съ церковію во дворѣ пришельцевъ и язычниковъ. Боже сохрани нашу церковь отъ того, чтобъ она не дала такого отвѣта когда къ ея дверямъ придутъ отъ запада, сѣвера и юга старокатолики или протестанты и станутъ стучаться, чтобы имъ была отверста дверь церковнаго единенія и полноправнаго общенія!

Исторія литургическая, исторія обряда въ христіанствѣ доказываетъ что богослужебный типъ измѣняется и совершенствуется подъ вліяніемъ національныхъ, мѣстныхъ и временныхъ условій. На западѣ, до раздѣленія церквей, литургія совершалась на латинскомъ языкѣ, на востокѣ на греческомъ. Западная литургія имѣла свой особый типъ, восточная также. И на востокѣ, какъ доказываетъ нашъ служебникъ, постепенно измѣнялся общій типъ литургіи, и эти измѣненія соотвѣтствуютъ измѣненіямъ условій времени и характера лицъ занимавшихся изложеніемъ литургіи. Такъ литургія Іоанна Златоуста значительно по характеру разнится отъ литургіи Василія Великаго. Что же сказать о ги-

мнахъ православной церкви? Создаваемые различными религіозными поэтами, они были въ различныя времена и въ различныхъ мѣстахъ совершенно различны. Одни отличались большею художественностію, другіе меньшею, и церковь пользовалась тѣми и другими. И до сихъ поръ въ церкви не изсякъ духъ творчества и перемѣнъ въ обрядовой части. До сихъ поръ издаются новыя пѣснопѣнія, составляются новыя молитвы, измѣняются формы обрядовъ. Чрезъ эти измѣненія принципъ православія не терпитъ никакого ущерба, и никакъ не должно осуждать кого бы то ни было за различіе въ обрядѣ, если подъ этимъ различіемъ не кроется догматической неправоты или возстанія на авторитетъ церкви.

Русскій народъ, принявъ православіе въ той формѣ какую выработала для него Византія, вслѣдствіе тяжелыхъ историческихъ условій мѣшавшихъ самодѣятельному усвоенію началъ православія, мало работалъ надъ развитіемъ этой формы. Вслѣдствіе этого, въ немъ исторической многовѣковою привычкой утвердилось почти то убѣжденіе, что эта временная форма есть существенная принадлежность православія.

Молодой народъ, въ которомъ еще не развился умъ постигающій невидимое, жилъ преимущественно чувствами, зрѣніемъ, слухомъ. Поэтому и христіанство, и православіе, народъ нашъ принялъ болѣе какъ нѣчто видимое, слышимое, осязаемое, преимущественно какъ обрядъ. Въ этой преимущественной привязанности народа къ обряду еще нѣтъ ничего предосудительнаго. Но при неблагопріятныхъ условіяхъ это обрядовое направленіе могло переходить и перешло у насъ въ ложное преувеличеніе силы обряда, оно поставило обрядъ наравнѣ съ догматомъ, оно превратило его въ догматъ. Наши предки считали формы обряда „аки дохматъ великій и страшный“ и поставляли въ зависимость отъ

такой или другой формы обряда спасеніе или гибель человѣка. Всякое измѣненіе въ обрядѣ стало казаться нашимъ предкамъ гибельною ересью, достойною анаѳемы и вѣчной гибели. „Дрожь великая поимала меня и трепетъ пріиде на мя“, говорилъ одинъ справщикъ богослужебныхъ книгъ, когда ему нужно было поправить одно неправильное слово въ богослужебныхъ книгахъ. Такое смѣшеніе обряда съ догматомъ, погруженіе жизни христіанства съ его великимъ духовнымъ содержаніемъ въ мертвую букву, ложный консерватизмъ безразличныхъ сторонъ обряда до йоты и *чертицы*, произвели въ церкви печальное явленіе раскола. Но русская религіозно-церковная жизнь, выдѣливъ изъ себя это проявленіе мертвой обрядности и слѣпаго консерватизма, не очистилась во всей широтѣ своей отъ преувеличеннаго воззрѣнія на значеніе обряда и степень его измѣняемости. Это догматизированіе обрядовыхъ различій, къ сожалѣнію, продолжаетъ еще дѣйствовать въ умахъ многихъ, хотя уже въ нѣсколько ослабѣвшей силѣ, и заставляетъ смотрѣть на разнствующихъ какъ на оглашенныхъ. Но если мы будемъ придавать догматическую важность различіямъ въ обрядѣ, различіямъ зависящимъ отъ національныхъ, мѣстныхъ и временныхъ условій, будемъ неправильно приписывать этимъ разностямъ обязательную силу во всѣ времена, во всѣхъ мѣстахъ и для всѣхъ народовъ, то этимъ не только обезсилимъ, но и смутимъ церковь, не только пересѣчемъ ей пути вселенскаго распространенія, но и извратимъ ее, ибо вѣру во Христа и общеніе на ней основанное поставимъ въ зависимость отъ внѣйшней случайности церковнаго быта, которая *само по себѣ* ничего не значитъ и освященіе свое заимствуетъ только отъ вѣры во Христа*).

---

*) 1873 г. № 290—А.

13.

Шаткость воззрѣній на единовѣріе и нужды единовѣрія.

По мѣрѣ распространенія образованія въ народѣ, расколъ старообрядства, порожденный невѣжествомъ, видимо ослабляется. Но возвращаясь въ ограду Церкви, раскольники по привычкѣ къ обрядности которую сохраняли издавна, удерживаютъ ее, на что Церковь даетъ имъ благословеніе.

Къ сожалѣнію, есть однако не мало ревнителей православія, которые, становясь на точку зрѣнія раскольниковъ, утверждаютъ, что недостаточно единства вѣры, принятія священства и подчиненія властямъ Церкви, но что для полноты православія требуется такое, а не другое сложеніе перстовъ для крестнаго знаменія и т. п. Пусть бы такъ думали только нѣкоторые изъ любителей духовнаго просвѣщенія; но удивительно то, что нѣкоторые изъ архипастырей нашей Церкви раздѣляютъ такой неправильный взглядъ. Такъ напримѣръ, безъ малаго тридцать лѣтъ тому назадъ, смотрѣлъ на единовѣрцевъ бывшій ярославскимъ архіепископомъ Евгеній, вслѣдствіе чего единовѣрческія церкви Ярославской губерніи изъяты были изъ его вѣдѣнія и поставлены подъ духовную власть преосвященнаго Іустина, епископа Костромскаго, что можно видѣть изъ опредѣленія Святѣйшаго Синода 8-го октября 1848 года, напечатаннаго въ *Собраніи постановленій по части раскола по вѣдомству Святѣйшаго Синода* *). Даже и въ наше время, вслѣдствіе такого взгляда предстоятелей нѣкоторыхъ церквей на единовѣрцевъ, происходятъ большія затрудненія при

*) Томъ II стр. 461—465.

обращеніи раскольниковъ въ православіе. Примѣромъ тому могутъ служить раскольники одной изъ сектъ Спасова согласія Костромской губерніи Кинешемскаго уѣзда Никитинской волости. Въ числѣ восьмисотъ человѣкъ, 10-го апрѣля 1864 года, подали они просьбу епархіальному начальству о дозволеніи имъ принять православіе на условіяхъ единовѣрія, то-есть съ сохраненіемъ своего обряда, и построить на свой счетъ особую церковь, — и что же? Только въ нынѣшнемъ году вошли они въ полное общеніе съ церковью, принявъ таинство причащенія отъ священника... Десять почти лѣтъ не пускали ихъ въ Церковь, несмотря на ревностное желаніе стать ея чадами, и если наконецъ они вошли въ ея ограду, то по особому счастливому случаю, по особо объявленной на то Высочайшей волѣ.

Извѣстно, что въ Россіи всѣхъ раскольниковъ считается многіе милліоны (до одинадцати милліоновъ, какъ утверждаютъ знатоки); но раскольниковъ такъ-называемыхъ „записныхъ", то-есть значащихся въ приходскихъ вѣдомостяхъ, только девятьсотъ тысячъ. Остальные называются „незаписными". Къ незаписнымъ относится и обширная секта такъ-называемаго „Спасова согласія", раздѣляющаяся на многія отрасли, которыя доходятъ до самыхъ крайнихъ безпоповщинскихъ мнѣній. Къ незаписнымъ же раскольникамъ относятся, за весьма немногими исключеніями, и всѣ почти послѣдователи изувѣрнаго ученія „странниковъ", или „бѣгуновъ". Всѣ бывшіе въ нынѣшнемъ столѣтіи случаи самосожигательства, всѣ религіозныя убійства цѣлыми десятками людей, въ родѣ бывшаго въ двадцатыхъ годахъ въ селѣ Копёкахъ (Саратовской губерніи), произошли между послѣдователями Спасова согласія, которые впрочемъ значились по книгамъ православными. Нѣкоторыя отрасли Спасова согласія не по вѣрѣ, не по убѣжденію, но единственно

для пріобрѣтенія гражданскихъ правъ, принимаютъ отъ Церкви два таинства, опредѣляющія законность рожденія и семейныхъ узъ—крещеніе и бракъ. Но какъ принимаютъ они эти таинства? На это отвѣтъ находится въ одномъ изъ прошеній кинешемскихъ раскольниковъ. „Отъ дѣтства нашего, говорили они, состоимъ мы въ расколѣ по сектѣ Спасова согласія, хотя не числимся *записными* раскольниками, и потому числимся въ приходахъ православной Церкви, но отъ нея заимствуемся только крещеніемъ дѣтей и бракосочетаніемъ, и то не съ вѣрою, но съ сомнѣніемъ, по одной только необходимости и для поддержанія семейныхъ правъ, да къ тому же и обычай таковъ содержателей этой секты. Молиться же въ Церковь никогда не ходимъ и таинствъ исповѣди и причастія отъ нея не пріемлемъ, потому что мы отъ своихъ родителей, а отъ насъ дѣти наши научены знаменаться двуперстнымъ сложеніемъ, читать по древлепечатнымъ книгамъ и слѣдовать прочимъ старообрядческимъ обычаямъ, и поэтому въ православной церкви находили во всемъ несогласіе, и всячески старались, и тайно и явно, уклоняться отъ общенія съ нею, и до того предубѣждены были противъ Церкви, что больные умирающіе не только не заботились о томъ, чтобы хотя предъ смертію исполнить долгъ христіанской исповѣди и святаго причастія, но всячески старались избѣгнуть сего, а если можетъ-быть кто-нибудь и исполнялъ то для того только, чтобы не подвергнуть, въ случаѣ смерти, домашнихъ своихъ истязаніямъ отъ властей духовныхъ и гражданскихъ, а не для спасенія своей души. Вотъ всѣ наши отношенія къ Церкви и понятія о ея таинствахъ и обрядахъ; дѣды же наши и у большей части родители схоронены на раскольническихъ кладбищахъ“.

Бесѣды съ кинешемскими раскольниками благочиннаго

единовѣрческихъ церквей Костромской епархіи, священника села Гольчихи, и собственныя ихъ размышленія довели ихъ до свѣта истины. „По внушенію добрыхъ людей, говорятъ они, узнали мы, что безъ Церкви и безъ исполненія содержимыхъ ею таинствъ христіанинъ совершененъ быть не можетъ и не спасется, въ чемъ и убѣдились, и наконецъ рѣшились быть ея чадами и неупустительно исполнять въ ней всѣ таинства и обряды. Намѣреніе наше было непреложно, оно соединено было съ пламеннымъ желаніемъ немедленно исполнить его, съ восторгомъ и радостію о томъ, что мы будемъ при Церкви, и въ оной чрезъ покаяніе очистимъ свою совѣсть, а чрезъ причастіе Святымъ Тайнамъ соединимся со Христомъ, чего по сіе время лишались, но—желаніе наше не исполнялось и не исполняется *цѣлые восемь лѣтъ.* Въ эти восемь лѣтъ мы находимся какъ разслабленный при Овчей Купели, который видѣлъ купель, но исцѣлиться не могъ, потому что не имѣлъ человѣка, — и мы видимъ Церковь и надѣемся исцѣлиться въ ней, но *человѣка не имамы, да ввержетъ въ купель* святыя православныя церкви...“

Семь разъ въ продолженіе восьми лѣтъ подавали они прошенія мѣстному епархіальному начальству и не получили никакого отвѣта. Что же за причина? А то что они, никогда не бывавшіе въ церкви и хотя принимавшіе таинства крещенія и брака, но принимавшіе кощунственно, безъ вѣры, только для достиженія житейскихъ цѣлей, въ чемъ и сами сознавались, — они, принадлежавшіе къ одной изъ самыхъ изувѣрныхъ сектъ, писались въ книгахъ православными, и потому будто не имѣли права вступить въ церковное общеніе на условіяхъ единовѣрія. А между тѣмъ епархіальное начальство не могло не знать, что не задолго предъ тѣмъ, въ сосѣдней епархіи Нижегородской, раскольники Ахпа-

евской волости Васильскаго уѣзда, принадлежавшіе къ той же самой сектѣ и также писавшіеся православными, приняты были въ единовѣріе. Это не могло не смущать и кинешемскихъ раскольниковъ. „Что же это?“ говорили они, „въ одной губерніи дозволяютъ, въ другой нѣтъ. Развѣ костромское православіе само по себѣ, а нижегородское само по себѣ, каждое при своихъ правилахъ и своихъ законахъ?“ Раскольники насмѣхались надъ ними. „Чего достигли, говорили они, своими просьбами? Вотъ вамъ и церковь! Отъ одного берега отстали, къ другому не пристали! И своими насмѣшками и своими увѣщаніями, раскольники достигли того, что нѣкоторые изъ желавшихъ присоединиться къ Церкви отложили свое благое намѣреніе и возвратились въ расколъ.

Тогда (это было въ концѣ 1871 года) кинешемскіе раскольники, подавъ просьбу въ Святѣйшій Синодъ, подали другую министру внутреннихъ дѣлъ. По всеподданнѣйшему докладу Государь Императоръ повелѣлъ удовлетворить просителей, и въ 1872 году послѣдовалъ о томъ указъ Святѣйшаго Синода. Но этимъ испытаніе крестьянъ Никитинской волости еще не кончилось. Костромское епархіальное начальство исполнило синодальный указъ, причислило просителей къ единовѣрцамъ, но не приписало ихъ ни къ какой церкви; отъ того, даже и въ 1873 году, они, по выраженію ихъ, „томимые душевнымъ гладомъ, были лишены божественной трапезы;“ никто изъ единовѣрческихъ священниковъ, не получая указа, не рѣшился принять ихъ на духъ. Только въ нынѣшнемъ году, и то когда стало извѣстно ихъ намѣреніе подать на Высочайшее имя прошеніе,—требованіе ихъ было наконецъ исполнено.

Этого одного примѣра кажется весьма достаточно, чтобы показать какая у насъ шаткость въ воззрѣніяхъ на единовѣріе. Не все ли это одна и та же правосла-

вная церковь, не равны ли во всемъ между собой православные и единовѣрцы, не подъ одною ли духовною властію епископовъ и Святѣйшаго Синода состоятъ тѣ и другіе?.. Укоряютъ раскольниковъ, и укоряютъ справедливо, что они изъ-за ничтожной въ дѣлѣ вѣры разницы болѣе двухсотъ лѣтъ чуждаются Церкви. Но не падаетъ ли этотъ самый укоръ на людей, которые, изъ-за той же разницы въ обрядахъ внѣшняго богопочитанія, такъ относятся къ единовѣрцамъ? Удивляться ли послѣ этого, что единовѣріе дѣлаетъ мало успѣховъ, а число раскольниковъ не только не уменьшается, но даже растетъ. При такихъ воззрѣніяхъ на единовѣріе не тому дивиться надобно, а надо дивиться тому, что есть еще раскольники обращающіеся въ православіе на условіяхъ единовѣрія...*).

14.

Дарованіе льготъ раскольникамъ.

Была пора когда стѣсненіями и ограниченіями полагалось возможнымъ образумить заблуждшихъ и вернуть ихъ въ лоно православія; на дѣлѣ однако достигался результатъ противоположный; раскольники только болѣе ожесточались противъ церкви, приписывая ей принудительныя мѣры, которыя принимала государственная власть охраняющая церковь. Но послѣднія десятилѣтія ознаменовались цѣлымъ рядомъ допущенныхъ по отношенію къ раскольникамъ послабленій. Многія стѣснительныя для нихъ законоположенія были отмѣнены; многія изъ не отмѣненныхъ оставались въ силѣ только на бумагѣ.

*) 1874 г. № 117.

Вслѣдъ за изданіемъ, въ день Священнаго Коронованія, Всемилостивѣйшаго Манифеста, обнародуется цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ, которыя какъ бы дополняютъ его. Обнародовано Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта „о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ“. Новымъ законоположеніемъ отмѣнены не имѣющія практическаго смысла стѣсненія. Принадлежность къ расколу дѣлала людей не правоспособными занимать общественныя должности, влекла за собой иногда ограниченія въ правахъ и по полученію паспортовъ, и по производству торговли и промысловъ. Ограниченія въ пользованіи гражданскими правами устранены. Раскольникамъ дозволено общественное богослуженіе съ возбраненіемъ лишь того, что могло бы стать явнымъ соблазномъ для православныхъ; раскольники могутъ отнынѣ не только исправлять и возобновлять свои молельни, но и устраивать новыя, гдѣ въ томъ представится надобность. Поводы къ жалобамъ на гоненія и притѣсненія устранены. О притѣсненіяхъ не можетъ быть отнынѣ и рѣчи, а развѣ о возможности случаевъ проявленія нетерпимости со стороны раскольниковъ и ихъ давленія на православныхъ. Дабы льготы дарованныя первымъ не обратились во вредъ послѣднимъ, въ законоположеніи между прочимъ оговорено, что „въ томъ случаѣ когда въ волости, состоящей изъ православныхъ и раскольниковъ, въ должности волостнаго старшины утвержденъ будетъ раскольникъ, помощникъ его долженъ быть изъ православныхъ“.

Дарованіе льготъ раскольникамъ, расширеніе ихъ правъ, отмѣна прежнихъ по отношенію къ нимъ стѣсненій не значитъ однако отказъ отъ заботъ къ возсоединенію ихъ съ церковью. Къ этой цѣли, съ вящшимъ противъ прежняго стараніемъ, должна быть направлена дѣятельность

духовенства. Съ отмѣной полицейскихъ стѣсненій, духъ раздраженія долженъ мало-по-малу ослабѣвать; уши и сердца упорствующихъ въ отчужденіи должны стать болѣе доступными къ духовнымъ увѣщаніямъ не имѣющимъ въ себѣ ничего принудительнаго. Есть дверь черезъ которую старообрядцы удобно могутъ входить въ церковь на полное единеніе съ нею, не поступаясь обрядами съ коими свыклись, коими дорожатъ какъ святыней и которые допускаются церковью на ряду съ господствующими. Эта дверь, полагаемъ, должна быть растворена шире чѣмъ растворялась доселѣ. Съ единовѣрія долженъ быть снятъ наложенный на него на практикѣ отпечатокъ отчужденія, смущающій совѣсть единовѣрцевъ. Успѣхи единовѣрія, успѣхи обращенія раскольниковъ къ церкви затруднены тѣмъ, что единовѣріе представляется чѣмъ-то среднимъ между расколомъ и православіемъ, только какъ бы шагомъ къ единенію съ церковью, хотя такой взглядъ противорѣчитъ церкви. Разница въ обрядѣ не касается существа ея, а потому съ ея точки зрѣнія единеніе должно быть полное. Возможно ли дѣлать различіе между единовѣрцами и православными когда у нихъ одно и то же священство и равная сила священнодѣйствія и таинствъ? Различіе дѣлаемое между *единовѣріемъ* и православіемъ на практикѣ смущаетъ многихъ желающихъ приступить къ единовѣрію и даже многихъ изъ давно приступившихъ къ нему. Вотъ гдѣ, кажется, таится главное препятствіе къ возсоединенію раскольниковъ съ церковью. Если пастыри церкви не погрѣшаютъ совершая богослуженіе и по тому, и по другому обряду, то нѣтъ повода препятствовать и мірянамъ избирать тотъ обрядъ къ которому болѣе склоняется ихъ совѣсть.

Полное уравненіе православія съ единовѣріемъ было бы самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ ускоренію

столь желательнаго возсоединенія раскольниковъ съ церковью, прекращенію церковнаго раздора и возстановленію мира нарушеннаго болѣе двухъ вѣковъ тому назадъ. Медлить ли принятіемъ означенной, столь много обѣщающей и указуемой духомъ братолюбія мѣры? Ожидать ли чтобы, въ виду предоставленныхъ раскольникамъ льготъ, въ умахъ единовѣрцевъ стало возникать сожалѣніе о томъ, что они не остались въ расколѣ? *).

---

*) 1883 г. № 138—Б.

III.

Иновѣрческія исповѣданія.

15.

О свободѣ совѣсти и религіозной свободѣ.

(Римско-Католическое исповѣданіе).

Свобода совѣсти и религіозная свобода — слова хорошія, но они хороши только съ умомъ,—а безъ ума что можетъ быть хорошаго! Свобода, какъ религіозная, такъ и всякая другая, не значитъ давать оружіе нашему врагу; свобода не значитъ отказываться отъ власти въ пользу чужаго деспотизма. Религіозная свобода не значитъ простирать терпимость до того, чтобы водворять у себя чужую нетерпимость. Мы можемъ желать и желаемъ религіозной свободы; но не можемъ и не должны желать никакой поблажки властолюбивымъ притязаніямъ чуждой церкви, которая захотѣла бы пользоваться у насъ правами господствующей церкви, и даже большими. Мы не можемъ желать, чтобы въ Россіи былъ допущенъ папскій нунцій, который въ качествѣ представителя чуждой власти, стоялъ бы посредникомъ между русской короной и ея католическими подданными. Этого мы не можемъ желать, но это вовсе не относится къ религіозной свободѣ, хотя этого требуетъ отъ насъ его святѣйшество папа во имя религіозной сво-

боды. Пусть прежде потребовалъ бы онъ напримѣръ отъ испанскаго правительства, для котораго голосъ его имѣетъ непререкаемый авторитетъ, чтобы въ Испаніи люди другихъ христіанскихъ исповѣданій могли жить и умирать по христіански, а не считались язычниками и собаками. У насъ католикамъ нѣтъ ни малѣйшаго стѣсненія; они имѣютъ свою церковь, свою іерархію, и духовенство ихъ во многихъ отношеніяхъ чуть ли не лучше поставлено чѣмъ духовенство господствующей у насъ церкви. Католическіе подданные русской державы ничѣмъ не унижены предъ православными; они могутъ быть и военачальниками, и градоначальниками. Стало-быть ни папа, ни католическіе подданные русской державы не имѣютъ права жаловаться на нетерпимость къ нимъ русскаго закона.

Въ чемъ же можетъ состоять у насъ расширеніе религіозной свободы, и съ какой стороны могутъ быть заявлены подобныя желанія? Какъ католическая, такъ и другія признанныя христіанскія церкви пользуются у насъ всѣми правами и льготами, какихъ только могутъ онѣ разумно желать. Вопросъ о религіозной свободѣ совѣсти отнюдь не долженъ быть поставляемъ, какъ вопросъ расширенія правъ той или другой иновѣрческой секты, но какъ вопросъ касающійся льготъ принадлежащихъ русскимъ людямъ.

Русскій народъ не можетъ измѣнить православной церкви; въ ней душа его, въ ней святыня его народности. Въ ней онъ возросъ, въ ней онъ воспитанъ, ею утверждена его самостоятельность, и въ ней вся его будущность. Православная церковь есть наша народная церковь, и такою она должна остаться. Государство должно ограждать ее, оберегать ее и отъ разбойника, и отъ татя, усиливать и улучшать положеніе ея служителей, чтобъ они могли успѣшно и крѣпко пасти

свою паству, не допускать совращенія малолѣтнихъ. Но едва ли обязанности государства могутъ простираться на совѣсть людей взрослыхъ и самостоятельныхъ; едва ли можетъ оно полагать свой мечъ между совѣстью человѣка и Богомъ. Мы можемъ скорбѣть объ отпаденіи человѣка, но можемъ уважить свободу его совѣсти. Лучше ли, чтобы онъ лицемѣрилъ и сквернилъ церковь ложнымъ единеніемъ съ ней? Если мы можемъ находиться во всякаго рода общеніи съ Нѣмцами и Французами, если мы допускаемъ смѣшанные браки, то нѣтъ основанія отвергать русскаго католика или протестанта, тѣмъ болѣе, что мы, между своими же согражданами, считаемъ много людей совершенно преданныхъ нашему отечеству, людей хотя бы и съ иностранными именами, но русскихъ по рожденію, по языку, по образу мыслей, не принадлежащихъ однако къ православной церкви.

Въ настоящее время, съ особенною силой возникаетъ вопросъ о сближеніи разнородныхъ элементовъ входящихъ въ составъ русскаго государства. Должны ли мы желать, чтобы между этими элементами господствовала религіозная напряженность, и чтобъ она усиливалась и поддерживалась вмѣшательствомъ государства въ дѣлэ совѣсти и религіознаго убѣжденія? Русскіе подданные католическаго вѣроисповѣданія, составляющіе большинство высшихъ классовъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, могутъ ли считать себя вполнѣ русскими людьми (а они должны считать себя такими), когда имъ безпрестанно напоминаютъ, что русскій человѣкъ отнюдь не можетъ быть католикомъ? Съ другой стороны, можемъ ли мы ожидать, чтобы католическое духовенство, признаваемое и содержимое нашимъ правительствомъ, было искренно предано интересамъ Россіи, когда оно принуждено считать себя органомъ и символомъ враждебныхъ Россіи, не дозволительныхъ въ ней, националь-

ныхъ польскихъ притязаній? Не значитъ ли этимъ, съ одной стороны, отчуждать постоянно польскую національность отъ Россіи элементомъ религіознымъ, а съ другой стороны дѣлать католическое духовенство органомъ враждебныхъ Россіи національныхъ притязаній?

Въ настоящее время особенно чувствуется необходимость разобщить эти два элемента, національно-польскій и религіозно-католическій, которые вовсе не совпадаютъ между собою, но которые у насъ, благодаря стеченію обстоятельствъ, по необходимости совпадаютъ, и въ совокупности образуютъ самый вредный въ нашемъ государственномъ составѣ элементъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ русскихъ людей не многіе измѣнили бы православной церкви, даже при самой полной религіозной свободѣ. О простомъ народѣ нечего и говорить, лишь бы только мы сами не вздумали отдать его въ чужія руки. Отщепенцы могли бы оказаться только въ образованныхъ классахъ. Но въ такъ-называемыхъ образованныхъ классахъ мы, къ сожалѣнію, встрѣчаемъ болѣе признаковъ безвѣрія или равнодушія къ вѣрѣ нежели склонности къ обращенію въ какое-либо другое вѣроисповѣданіе. Мы должны усилить наше религіозное воспитаніе въ домашнемъ быту и школахъ; мы должны поставить наше духовенство въ лучшія условія, для того чтобъ оно могло съ успѣхомъ поддерживать религіозное чувство въ обществѣ, съ успѣхомъ исполнять свое назначеніе въ религіозномъ воспитаніи, какъ народа вообще, такъ и образованныхъ классовъ его. Болѣе всего слѣдуетъ желать, чтобъ оно предохраняло растущія поколѣнія отъ легкомыслія и безвѣрія. Нѣтъ сомнѣнія, что съ религіозной точки зрѣнія лучше, чтобы человѣкъ исповѣдывалъ какую-нибудь вѣру чѣмъ оставался безъ всякой вѣры, или какъ наши нигилисты полагалъ свою религію въ духѣ отрицанія, и съ безсмысленнымъ

фанатизмомъ служилъ этому божеству. Ужъ если необходимо сдѣлать выборъ, то лучше предпочесть прозелитизмъ католическій, чѣмъ прозелитизмъ безвѣрія и отрицанія. Но духовенство, будучи поставлено въ благопріятныя условія для религіознаго воспитанія общества, спасая и ограждая религіозное чувство, тѣмъ самымъ будетъ вѣрнѣе другихъ способовъ привязывать людей къ православной церкви и предотвращать всякую иновѣрческую пропаганду.

Обращаясь къ теперешнимъ нашимъ затрудненіямъ, спросимъ себя, не лучше ли было бы если бы католическая іерархія въ Россіи не состояла преимущественно и почти исключительно изъ національныхъ польскихъ элементовъ? Римско-католическое вѣроисповѣданіе въ Россіи становится de facto польскимъ національнымъ учрежденіемъ, а это, какъ замѣчено выше, приводитъ въ ложное положеніе какъ римско-католическую церковь у насъ, такъ и польскую народность. Всѣмъ извѣстно какое участіе принимали и принимаютъ польскіе ксендзы въ нынѣшнихъ волненіяхъ и смутахъ. Трудно оградить даже солдатъ нашихъ польскаго происхожденія отъ вліянія духовныхъ бесѣдъ съ ксендзомъ, въ которыхъ религіозное слово озлобляется духомъ національной пропаганды, а національная пропаганда фальшиво усиливается примѣсью религіознаго авторитета. Мы съ негодованіемъ слышимъ о подвигахъ польско-латинскихъ ксендзовъ, объ ужасахъ совершаемыхъ ими, о темныхъ дѣлахъ, которыхъ они являются главными виновниками и которыя несовмѣстны съ духомъ какой бы то ни было христіанской церкви. А римско-католическая церковь есть церковь христіанская. Несмотря на ея заблужденія, мы не можемъ не признать за нею этотъ характеръ христіанской церкви. Не вездѣ же католическое духовенство дѣйствуетъ такъ, какъ въ настоящее время

дѣйствуетъ польское. Католическія духовныя лица, свободныя отъ фальшивой національной или политической примѣси, и не находящіяся подъ терроризаціей революціонныхъ комитетовъ, дѣйствовали бы несомнѣнно иначе. Но откуда могли бы мы взять другихъ католическихъ іерарховъ и священниковъ? Откуда? Есть цѣлыя славянскія страны, исповѣдующія католическую вѣру; укажемъ преимущественно на Чеховъ, которымъ ничего не стóитъ, въ самомъ скоромъ времени, знать какъ нельзя лучше и русскій, и польскій языкъ. Приглашаемыя нашимъ правительствомъ въ Россію для католическихъ жителей имперіи, преимущественно для находящихся на службѣ, они могли бы вѣрнѣе и надежнѣе пасти свое духовное стадо чѣмъ польскіе ксендзы; по крайней мѣрѣ дѣло католической религіи не было бы монополіей въ рукахъ польскихъ ксендзовъ, которые подъ видомъ религіи внушаютъ и воспитанникамъ, и вообще духовнымъ дѣтямъ своимъ, безумную ненависть къ Россіи и духъ революціи. Все зависитъ отъ тона, отъ главнаго направленія, отъ принятаго начала. Какъ только дѣло религіи перестанетъ быть монополіей какой бы то ни было національности, коль скоро въ католическую іерархію будутъ приняты въ значительномъ количествѣ и другіе элементы кромѣ польскаго, такъ тотчасъ церковное дѣло болѣе или менѣе явственно отдѣлится отъ политическаго, и тѣ же самые ксендзы во многомъ, и очень скоро, измѣнятъ свой характеръ. Они невольно почувствуютъ свое истинное назначеніе— быть служителями алтаря, а не орудіями революціи, политическихъ разговоровъ и интригъ. Начало религіозной свободы, понятое въ своемъ истинномъ и разумномъ смыслѣ, довершило бы побѣду надъ зломъ. Есть нѣсколько русскихъ людей перешедшихъ въ католицизмъ, утратившихъ свои гражданскія права въ Россіи, живу-

щихъ на чужбинѣ и поступившихъ въ духовенство. Мы припоминаемъ теперь одно имя, одного русскаго человѣка, который, назадъ тому слишкомъ двадцать лѣтъ, покинулъ свое отечество, принялъ католицизмъ и живетъ теперь священникомъ въ Дублинѣ. Это человѣкъ съ замѣчательными способностями и рѣдкимъ образованіемъ. Мы говоримъ о Печоринѣ. Онъ былъ профессоромъ въ здѣшнемъ университетѣ, но не долго, всего шесть мѣсяцевъ. Отправившись не надолго за границу, онъ остался тамъ навсегда. Съ нимъ былъ случай, который глубоко потрясъ его и на вѣки рѣшилъ его участь. Это было въ католическомъ городѣ Брюсселѣ. Молодой человѣкъ, не получившій твердаго религіознаго воспитанія и легкомысленно относившійся къ предметамъ вѣры, онъ зашелъ въ церковь чтобы посмѣяться и покощунствовать; онъ легкомысленно назвался на богословскіе споры, чтобы дать въ нихъ волю своему остроумію; но крѣпкій боецъ, съ которымъ онъ схватился, повергъ его во прахъ; монахъ-редемптористъ сумѣлъ найдти доступъ въ его душу и тронулъ въ ней никогда дотолѣ не звучавшую струну религіознаго чувства. Впервые молодой вольнодумецъ почувствовалъ силу религіознаго убѣжденія, впервые обрѣлъ онъ въ себѣ способность молиться и обращаться ко Христу. Воспріимчивый и пылкій, онъ весь предался новому могущественному чувству. Бросимъ ли мы въ него камень? укоримъ ли его за отпаденіе отъ православной церкви, которой онъ почти не зналъ и къ которой принадлежалъ только по имени? Онъ сталъ католикомъ, но онъ сталъ христіаниномъ. Убѣжденіе его было искренне и чисто; всѣ знающіе Печорина свидѣтельствуютъ о томъ. Образованный и развитый умъ спасъ его отъ изувѣрства, въ которое нерѣдко впадаютъ новообращенные. Онъ тихо исповѣдуетъ свою вѣру, молится, служитъ при

больницѣ, утѣшая страждущихъ и напутствуя отходящихъ въ вѣчность. Но преданный дѣлу своего церковнаго служенія, онъ можетъ-быть не безъ грусти вспоминаетъ о своемъ далекомъ отечествѣ. Неужели какой - нибудь ксендзъ Мацкевичъ, предводительствовавшій шайками мятежниковъ въ Литвѣ, имѣетъ болѣе правъ жить и священствовать въ Россіи нежели напримѣръ Печоринъ? Неужели непремѣнно нужно, чтобы духовникъ нашихъ солдатъ католиковъ былъ Полякъ и говорилъ не иначе какъ по-польски? Неужели непремѣнно требуется усиленно отчуждать нашихъ католическихъ согражданъ въ западномъ краю отъ русскаго языка и заставлять ихъ исповѣдываться, слушать проповѣдь и учиться закону Божію на языкѣ польскомъ? Неужели непремѣнно нужно, чтобы люди, которые и для своего и для нашего спокойствія, должны чувствовать и знать себя Русскими,— какой бы ни были они религіи,—неужели непремѣнно нужно, чтобъ эти люди не иначе мыслили и говорили о предметахъ своей вѣры какъ по - польски? Неужели непремѣнно нужно, чтобы самый священный предметъ, самая глубокая основа человѣческой жизни соединялась неразрывно съ языкомъ, который служитъ символомъ притязаній столь же враждебныхъ для Россіи, сколько несбыточныхъ, изнурительныхъ и пагубныхъ для тѣхъ людей, въ которыхъ они искусственно поддерживаются? Если русскій языкъ есть языкъ господствующій въ западномъ краю, столько же какъ и въ восточномъ; если на этомъ языкѣ отправляется судъ; если на этомъ языкѣ преподаются всѣ предметы въ школахъ: то почему же на этомъ языкѣ не можетъ быть преподаваемо и слово Божіе по римско-католическому догмату? Неужели бояться, что допустивъ на русскомъ языкѣ католическую проповѣдь и вѣроученіе, мы этимъ совратимъ русскій народъ и повредимъ нашей православной церкви? Да еслибы десятки

и сотни русскихъ людей и стали католиками, то былъ ли бы какой нибудь ущербъ отъ того для православной церкви? Не лучше ли ей освободиться отъ элементовъ невѣрныхъ, которые никогда существенно не принадлежали ей, и быть-можетъ не только были внутренно чужды ей, но не имѣли никакой религіи? Отпаденіе такихъ элементовъ можетъ не ослабить, а развѣ усилить нашу церковь.

Государство не должно поощрять отпаденій отъ православной церкви,—а поощренія могутъ быть не только прямыя, но и косвенныя, дѣйствующія издалека, и такими путями, которые повидимому клонятся въ противную сторону. Все, что̀ ведетъ къ разслабленію духа въ церкви, все, что роняетъ или унижаетъ положеніе ея служителей, все что̀ умаляетъ ея участіе въ народномъ воспитаніи и образованіи; а съ другой стороны, всякаго рода преимущества, нравственныя или матеріальныя, сознательно или безсознательно предоставляемыя другимъ вѣроисповѣданіямъ,—все это можетъ очень сильно поощрять къ отпаденіямъ. Государство должно высоко держать знамя церкви, блюсти ея честь и величіе повсюду, но оно должно не ослаблять ея духа посторонними подпорками и помочами. Такая опека и заботливость о ней, въ сущности, гораздо для нея вреднѣе чѣмъ ожесточенный напоръ враждебныхъ силъ. Мы должны вѣрить въ ея внутреннюю, святую силу, а искусственныя подпорки могутъ выразить только недостатокъ нашей вѣры въ эту силу, и непремѣнно отзовутся всякими злоупотребленіями, всякимъ вредомъ и упадкомъ. Времена мѣняются, и каждое время несетъ свою заботу. Что было возможно или даже необходимо въ былыя эпохи, то становится обильнымъ источникомъ зла въ наше время. Духъ отрицанія въ соединеніи съ умственною грубостію и невѣжествомъ, зародился и развивается въ воспитательныхъ заведеніяхъ

самого духовенства. Только мощная, живая, внутренняя сила въ духовенствѣ можетъ избавить его и насъ отъ этой язвы. Надобно безотлагательно улучшить положенiе нашего духовенства, надобно уважить его, надобно устранить все, что препятствуетъ ему занять надлежащее мѣсто въ воспитанiи народа; надобно глубже и серiознѣе вникнуть во всѣ условiя его быта, пересмотрѣть учрежденiя, пресѣчь злоупотребленiя, и съ тѣмъ вмѣстѣ устранить все, что усыпляетъ въ церкви духъ жизни и дѣйствiя.

Въ цѣломъ мiрѣ должны мы охранять честь, достоинство и величiе нашей церкви. Она по преимуществу ввѣрена нашему народу. Мы должны защищать ея интересы пуще всего. Тутъ ни о какой уступкѣ, ни о какомъ послабленiи не должно быть рѣчи. Вездѣ гдѣ страдаютъ интересы нашей церкви, мы же, держава великая, не разсуждая и не колеблясь, должны спѣшить па защиту ея. Чего бы эта защита ни стоила, мы не должны ни минуты колебаться. Ни въ чемъ не должны мы уступать ни католическимъ державамъ, ни папѣ; имъ ни въ чемъ не должны уступать мы ни на Западѣ, ни на Востокѣ. Папскаго нунцiя мы не должны принимать. Подобными уступками мы ничего не выиграемъ, а напротивъ проиграемъ. Чѣмъ принимать папскаго нунцiя, лучше не изгонять русскихъ людей ставшихъ членами хотя и чуждой намъ, но признаваемой нами церкви.

Францiя — страна католическая; она считаетъ своимъ долгомъ защищать католическiе интересы на всемъ земномъ шарѣ. Напрасно мы думаемъ, что можемъ имѣть ее своею доброю союзницею на Востокѣ, гдѣ православiе и католицизмъ находятся въ постоянной и глубокой борьбѣ между собою: нѣтъ, именно на Востокѣ Францiя самая главная противница и соперница наша. Но римско-католическiй характеръ этой державы не

препятствуетъ Французу переходить въ другую церковь. Православная церковь не пользуется никакими особенными льготами во Франціи, но Французъ-католикъ можетъ безъ всякаго препятствія присоединиться къ православію. Недавно, изъ рукъ отца Васильева, нашего священника въ Парижѣ, причастился св. таинъ католическій аббатъ Французъ Гетте, который пожелалъ присоединиться къ нашей церкви. Ставъ православнымъ, о. Гетте не потерялъ гражданскихъ правъ; онъ не изгнанъ изъ Франціи. Въ Англіи католическая церковь не только не пользуется никакимъ почетомъ, но самое существованіе ея едва признано закономъ. Англиканская церковь есть въ Англіи національная церковь какъ у насъ православная, и законъ тамъ бодрствуетъ о соблюденіи всѣхъ интересовъ національной церкви; но Англичанинъ можетъ свободно стать и католикомъ и православнымъ; можетъ свободно вмѣсто учрежденной церкви, ходить для молитвы въ диссидентскую часовню.

Вотъ въ какомъ направленіи должны мы сдѣлать шагъ впередъ, если только мы хотимъ сдѣлать шагъ впередъ. Вотъ чего можемъ мы требовать отъ себя, и чего могутъ ожидать отъ насъ другіе въ смыслѣ взаимности. И только что-либо въ этомъ смыслѣ,—что-либо соотвѣтствующее нашимъ собственнымъ интересамъ, что-либо усиливающее насъ, возвышающее наше достоинство,—только что-либо такое можетъ пріобрѣсти намъ всеобщее уваженіе и возвысить наше всемірное значеніе*).

16.

Магометанское вѣроисповѣданіе.

1.

Сейчасъ получили мы бюллетень Императорской Ака-

*) 1863 г. № 168.

деміи Наукъ, въ которомъ помѣщенъ доставленный академикомъ Дорномъ хронологическій каталогъ напечатанныхъ въ нынѣшнее столѣтіе въ Казани татарскихъ и арабскихъ магометанскихъ книгъ для народнаго употребленія. Обильная литература! Подумаешь, что въ Казанской губерніи со славою возстаетъ павшее за три столѣтія предъ симъ дикое Татарское царство. Въ то же время приходятъ изъ Казани свѣдѣнія о глубокомъ упадкѣ, въ которомъ находится тамъ христіанство: цѣлыя населенія доселѣ считавшіяся православными переходятъ въ исламъ, и церковь видитъ себя лишенною самыхъ необходимыхъ средствъ для поддержанія своихъ учрежденій. Вотъ странное положеніе! Что же такъ высоко подняло духъ магометанства въ Казанской губерніи? Въ магометанскихъ государствахъ исламъ слабѣетъ и никнетъ предъ цивилизаціей христіанскою: какъ же могло случиться, что между казанскими татарами, подъ православною русскою державой, образовался пламенѣющій очагъ магометанства? Дѣло въ томъ, что могущественное правительство Россіи стало въ этихъ мѣстахъ татарско-магометанскимъ. Еслибъ оно только не стѣсняло свободы магометанъ и предоставляло имъ полное право дѣлать все на пользу своей вѣры безъ взаимнаго принужденія и свободно, оно оставалось бы въ предѣлахъ справедливости и разумной политики; зато магометанство не пріобрѣло бы никакой силы въ Казанской губерніи и не оказало бы фальшивой жизненности. Надобно было чтобы великая государственная власть Россійской Имперіи отожествила себя съ магометанствомъ, и примѣшала къ нему свою силу. Какъ на западныхъ окраинахъ Имперіи, русское правительство принимало образъ нѣмецкаго и польскаго, такъ здѣсь оно усвоило себѣ характеръ татарско-магометанскаго, и дѣйствовало въ подрывъ своей національности

и своему государству какъ могли бы дѣйствовать лишь его злѣйшіе противники.

Татары полагали грѣхомъ употреблять печатный *Коранъ:* ихъ убѣдили совершить этотъ грѣхъ. На вопросы академика Френа, почему, вопреки своему убѣжденію, употребляютъ они печатный *Коранъ*, они между прочимъ отвѣчали: „такова царская воля". И вотъ съ необыкновенною дѣятельностію начало распространяться въ магометанскихъ населеніяхъ Россійской Имперіи изученіе мусульманскаго закона. Едва ли въ какомъ-либо европейскомъ государствѣ, пишетъ академикъ Дорнъ, могло бы, соотвѣтственно числу населенія, разойдтись столько экземпляровъ книгъ религіознаго содержанія, напримѣръ Библіи и христіанскаго катехизиса, какъ здѣсь въ теченіе семи лѣтъ (1853—1859 г.) разошлось вѣроучительныхъ магометанскихъ книгъ: 82,300 экземпляровъ *Корана*, 165,900 экземпляровъ *Гефтьека* (извлеченія изъ Корана) и 77,000 *Шераитъ эль-Имана* (мусульманскаго катехизиса). Эта послѣдняя книжка продается по двѣ копѣйки за экземпляръ. Есть книги, которыя продаются даже по $^1/_4$ коп. за экземпляръ, —и это посреди христіанскихъ населеній безграмотныхъ и темныхъ. Духъ магометанской пропаганды не замедлилъ развиться; появились во множествѣ и учители, и школы; образовались татарско-магометанскіе писатели. Муллы, какъ разсказывалъ въ 1844 г. Фуксъ въ своемъ сочиненіи: *Казанскіе Татары въ статистическомъ и географическомъ отношеніяхъ,* распространяютъ ученіе *Корана* не только въ городахъ, но и въ самыхъ бѣдныхъ поселкахъ; каждый мулла содержитъ школу, гдѣ обучаетъ мальчиковъ и дѣвочекъ за малую плату арабскому языку, читаетъ и объясняетъ имъ *Коранъ* и нравственное ученіе его суроваго закона, которое, къ сожалѣнію, прибавляетъ авторъ книги

Казанскіе Татары, не смягчаетъ ихъ сердецъ и не облагораживаетъ ихъ нравовъ. Простой крестьянинъ читаетъ каждый день въ своемъ семействѣ духовныя мусульманскія книги, и къ вечеру надѣваетъ свою чалму и идетъ къ мечети, гдѣ обыкновенно мулла сидитъ со стариками и ведетъ серіозную бесѣду. Мудрено ли, что казанскій Татаринъ точно также презрительно смотритъ на бѣдный и темный вокругъ него живущій православный русскій народъ, какъ презрительно смотритъ на него иной *нѣмецкій* профессоръ въ Дерптѣ? Между тѣмъ какъ токи народнаго просвѣщенія татарско-магометанскаго льются обильно и все ему понудительно помогаетъ и способствуетъ,—земству, которое приняло бы къ сердцу дѣло русско-христіанскаго народнаго просвѣщенія, напомнятъ, что дѣло это сопряжено съ затрудненіями.

Русское правительство въ восточныхъ областяхъ дѣйствовало не только въ качествѣ вообще магометанскаго, но ревностно держалось суннитскаго толка. Оно считало своею обязанностію оберегать чистоту этого толка, и преслѣдовать, какъ пагубную ересь, толкъ шіитскій. Нѣкто Бурашевъ, родомъ Татаринъ, промысломъ купецъ, издалъ въ 1802 г. мусульманское писаніе *Фаусъ уль Наджатъ*, и, въ видахъ спекуляціи свойственной его промыслу, присовокупилъ къ этому писанію нѣсколько листковъ въ смыслѣ шіитскаго толка, дабы привлечь къ изданной имъ книгѣ тароватыхъ покупателей изъ Персіянъ. Несчастный Бурашевъ подвергся за это восьмилѣтнему преслѣдованію какъ осквернитель святыни, и включенные въ книгу шіитскіе листы были вырваны и торжественно сожжены чиновниками русскаго правительства.

Многочисленное племя Киргизовъ, кочующее на громадномъ протяженіи степей, которыя обозначаются ихъ

именемъ, не имѣетъ опредѣленной религіи. Религіозный бытъ Киргизовъ представляетъ грубую смѣсь шаманства съ нѣкоторыми магометанскими и искаженными христіанскими вѣрованіями. Киргизы, о которыхъ идетъ рѣчь, суть подданные Россійской Имперіи, державы христіанской, правительство которой поставляетъ своимъ долгомъ заботиться о поддержаніи православной церкви, какъ національной. И что же? Вмѣсто мирной христіанской проповѣди, русскіе Киргизы подверглись насильственному обращенію въ магометанское правовѣріе. Дѣло доходило до того, что въ 1830 году они энергически протестовали противъ направленной на нихъ магометанской пропаганды, и чрезъ нарочно отправленныя ими въ Петербургъ депутаціи, просили: „мечетей и школъ у нихъ не заводить, ахуновъ и *указныхъ* муллъ не опредѣлять (текстуально)“. Какія же послѣдствія имѣла эта просьба кочевниковъ?

Именно въ то самое время была учреждена Алтайская духовная миссія, которая съ самаго начала предположила себѣ дѣйствовать и на Киргизовъ. 25-го іюня 1835 года предназначено было ей отправиться въ Кокчетавскій округъ. Но тогдашній генералъ-губернаторъ западной Сибири остановилъ Высочайшимъ именемъ исполненіе этого плана, на томъ основаніи, какъ объявляетъ онъ въ своемъ отзывѣ архіепископу томскому, что Киргизы просили не ставить у нихъ мечетей и не опредѣлять къ нимъ магометанскихъ муллъ. Такимъ образомъ христіанской миссіи была воспрещена проповѣдь на томъ основаніи что Киргизы протестовали противъ насильственнаго просвѣщенія ихъ мусульманствомъ; а магометанская пропаганда продолжалась съ усиленною ревностію между Киргизами, такъ что теперь во всѣхъ окружныхъ городахъ и укрѣпленіяхъ киргизской степи имѣются поставленныя правительствомъ мечети и

магометанскія училища. Училище помѣщается въ нижнемъ этажѣ каждой мечети, и въ каждой волости поставленъ указный мулла; почти въ каждомъ аулѣ, гдѣ числится 10—20 юртъ, имѣется мулла не указный, обучающій киргизскихъ дѣтей татарской грамотѣ. Такимъ образомъ въ пяти округахъ принадлежащихъ Томской епархіи, куда не была допущена христіанская духовная миссія, Киргизы вполнѣ предоставлены въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи руководству и обученію магометанскихъ муллъ. „Какая можетъ „быть столь важная нужда въ христіанскомъ право„славномъ государствѣ“, пишетъ одно почтенное духовное лицо имѣвшее возможность ознакомиться на мѣстѣ съ положеніемъ дѣла,—„ради которой вопреки „прошенію Киргизовъ умножаются у нихъ мечети, за„водятся магометанскія школы и поставляются указные „муллы? Ужели вѣротерпимость? Но въ видахъ вѣро„терпимости и для утвержденія Киргизовъ въ магоме„танствѣ, казалось, было бы достаточно одного вліянія „на нихъ муллъ и муфтіевъ свободно пріѣзжающихъ „съ этою цѣлію изъ Ташкента, а для постояннаго прак„тическаго руководства и обученія — поселенныхъ ме„жду ними магометанъ, такъ-называемыхъ чало - каза„ковъ; для другихъ же, хотя бы даже и политическихъ „цѣлей, несравненно полезнѣе было бы постепенно „располагать Киргизовъ къ христіанству“. Трудно не не согласиться съ этимъ. Но прошло 36 лѣтъ послѣ несостоявшейся попытки начать евангельскую проповѣдь между Киргизами, а дѣло остается въ прежнемъ положеніи. Киргизы, не смотря на всѣ усилія магометанскихъ вѣроучителей, все еще обнаруживаютъ нѣкоторую антипатію или по крайней мѣрѣ равнодушіе къ магометанству; но христіанскіе проповѣдники не появляются между ними. Въ 1859 году, одинъ изъ

уважаемыхъ православныхъ миссіонеровъ обратилъ было на это вниманіе важнаго административнаго лица, и получилъ такой отвѣтъ: „*опоздали* здѣсь: ступайте лучше за озеро Иссыкъ-Кулъ (то-есть за границу, въ китайскія владѣнія): тамъ магометанство еще не утвердилось, а у насъ оно засѣло крѣпко и съ христіанскою проповѣдью нечего здѣсь дѣлать“.

Въ послѣднемъ нумерѣ нашихъ *Воскресныхъ Прибавленій* (№ 16) преосвященный Веніаминъ, излагая дѣйствія Забайкальской духовной миссіи въ 1866 г., пишетъ: „Всѣ дѣйствія мѣстной власти по отношенію „къ христіанамъ и язычникамъ намѣренно перетолко-„вывались въ томъ смыслѣ, чтобы доказать Бурятамъ, „что какъ духовное начальство заботится о распро-„страненіи христіанской вѣры, такъ гражданское о „поддержаніи ихъ языческой... Права и льготы ино-„родцевъ-язычниковъ, которыхъ лишено большинство „крещеныхъ, языческое начальство и общество, отказъ „въ землѣ для осѣдлаго водворенія и т. д., и безъ „кривыхъ толкованій, слишкомъ даютъ чувствовать, „что положеніе язычника лучше обезпечено нежели „православнаго христіанина“.

Увы, то же, mutatis mutandis, чувствовалось на всѣхъ окраинахъ нашего обширнаго отечества! Тѣмъ съ большею признательностію должны мы привѣтствовать начало новой правительственнюй системы, которая въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи составитъ вѣчную славу нынѣшняго царствованія. Безъ великаго поворота въ нашемъ государственномъ быту, ничто у насъ не могло бы пойдти въ прокъ и развиваться съ пользой. Уже мы подходили къ опасной катастрофѣ. Жизнь изсякала, духъ падалъ, разложеніе и немощь оказывались повсюду. Послѣдствія прежнихъ началъ еще коегдѣ держатся на практикѣ, самыя эти начала еще не

совсѣмъ прекратили свое дѣйствіе; умы еще не успѣли освободиться отъ старыхъ навыковъ, и новыя понятія еще не вошли въ должную силу. Но великое дѣло сдѣлано: новое начало положено державною волей Преобразователя Россіи. Отнынѣ русское правительство, свободное отъ всякаго узкаго и мертвящаго доктринерства, должно быть русскимъ, и только русскимъ, предоставляя каждому безъ различія исповѣданій и племеннаго происхожденія возможность быть честнымъ *русскимъ* гражданиномъ, не придавая государственной обязательной силы никакимъ учрежденіямъ кромѣ чисто государственныхъ, расширяя сферу законной свободы и прекращая повсюду крѣпостныя отношенія, какой бы характеръ они ни имѣли и подъ какимъ бы именемъ ни скрывались *).

2.

Племена Средней Азіи, одни за другими, сами предаютъ себя въ руки Европейцевъ, которые одни могутъ обезпечить имъ и внутренній порядокъ, и внѣшнюю безопасность. Но тутъ является вопросъ первостепенной важности. Отвлеченіе и трата государственныхъ силъ и капиталовъ на умиротвореніе анархическихъ, полудикихъ племенъ есть еще наименьшее зло въ исторической судьбѣ, выпавшей на долю восточныхъ окраинъ нашего государства. Несравненно вреднѣе могутъ оказаться сами тѣ элементы, которые пріобрѣтаютъ силу жизни и развитія въ обезпеченіяхъ гражданскаго, хотя бы даже только матеріальнаго, порядка водворяемаго нами въ кибиткахъ, аулахъ и ордахъ Средней Азіи. Это не только предположеніе, а фактъ, уже заявившій себя съ достаточною очевидностью. Всѣмъ извѣстно

*) 1867 г. № 101.

усиленіе исламизма въ Азіи за послѣднее время, громадное значеніе фанатиковъ Корана въ современныхъ политическихъ движеніяхъ около западныхъ предѣловъ Китайской имперіи и на самыхъ окраинахъ нашихъ владѣній въ Азіи. Съ умиротвореніемъ киргизскихъ ордъ, наполняющихъ пространство между Россіей и Китаемъ, проповѣдь Корана нашла тамъ такую для себя почву, какой она не только не имѣла здѣсь прежде, посреди неурядицы и волненій Киргизовъ, но можетъ статься не имѣетъ нынѣ нигдѣ. Мечети чрезвычайно возрасли числомъ и устроились въ мѣстахъ дотолѣ дикихъ, пустынныхъ и небезопасныхъ для религіозной пропаганды; съ личною безопасностью, впервые и столь недавно водворенною могуществомъ русскаго государства въ степи, возникли колоніи торговцевъ - мусульманъ, пришельцевъ изъ разныхъ странъ внутренней Азіи и Россіи. Въ этихъ поселеніяхъ немедленно воздвигаются мечети и заводятся при нихъ школы, становящіяся центрами мусульманства, собирающія къ себѣ поклонниковъ и высылающія пропагандистовъ; эти центры будутъ все болѣе входить въ силу по мѣрѣ успѣховъ благосостоянія и административнаго устройства, даруемыхъ Россіей. Мало того: мусульманское правовѣріе зиждется у насъ на незыблемыхъ основахъ русской державы, чему блистательный обращикъ мы имѣемъ въ оренбургскомъ духовномъ магометанскомъ собраніи. Это учрежденіе въ силу возложенной на него русскимъ правительствомъ миссіи, ревниво охраняетъ магометанскую ортодоксію, блюдетъ за вѣрностью Корану своихъ разсѣянныхъ сыновъ и неповинующихся караетъ силою русскихъ законовъ, опираясь на христіанское войско. Этотъ магометанскій синодъ не можетъ жаловаться на ревнивое властолюбіе представителей государства: онъ дѣйствуетъ безъ постояннаго прокурорскаго надзора; онъ самъ рас-

поряжается своею канцеляріей; онъ пользуется охраной не только отъ всякаго внѣшняго насилія и посягательства на свой авторитетъ, но даже отъ всякой внутренней смуты. Установленный русскими законами для всякаго желающаго поступить въ санъ муллы экзаменъ въ магометанскомъ законѣ предъ оренбургскимъ духовнымъ собраніемъ не только даетъ этому собранію право, но обязываетъ его держать въ чистотѣ магометанскій законъ и въ строгой дисциплинѣ мусульманское духовенство (этому учрежденію подчинено мусульманское духовенство всей Имперіи, кромѣ западныхъ губерній, Таврической и Кавказа), тогда какъ безъ этой заботливости русскаго правительства, оно легко подпало бы соблазнамъ мусульманскихъ ересей, могло бы замутиться въ своемъ правовѣріи и даже совратиться въ вѣроученія противныя исламизму. Въ лицѣ председателя оренбургскаго духовнаго собранія *главнаго оренбургскаго муфтія,* духовнаго сановника Россійской Имперіи, пользующагося даже въ средѣ христіанскаго русскаго общества уваженіемъ, подобающимъ его высокому общественному положенію, которое иногда, независимо отъ духовнаго сана, усиливается званіемъ потомственнаго дворянина Россійской Имперіи, въ этомъ лицѣ мусульманская духовная іерархія имѣетъ главу, какого она, сравнительно съ почетомъ, окружающимъ оренбургскаго главнаго или великаго муфтія, нынѣ тщетно стала бы искать не только во всемъ христіанскомъ мірѣ, но даже въ мусульманскихъ государствахъ. Вотъ силы ислама, собранныя на русской землѣ и возрастающія вмѣстѣ съ тѣмъ благоустройствомъ, которое русскій мечъ даруетъ полудикимъ населеніямъ Азіи. Мы сами усиливаемся вдохнуть новую жизнь въ эти населенія, утратившія, казалось бы, всякія нравственныи силы къ самобытному государственному существованію: мы сами вызываемъ и

лелѣемъ фанатизмъ, который неминуемо вступитъ въ борьбу съ христіанскою цивилизаціей. За кѣмъ останется побѣда въ этой борьбѣ, это не подлежитъ сомнѣнію, но сомнительна польза этой борьбы противъ силъ, искусственно созданныхъ нами же самими, силъ ни для чего въ мірѣ ненужныхъ, кромѣ развѣ заклятыхъ враговъ русскаго государства. Ревность мусульманскихъ проповѣдниковъ и духовенства къ обученію возбуждена и поощрена до того, что превосходитъ усилія въ этомъ отношеніи христіанскихъ миссіонеровъ всякихъ вѣроисповѣданій; мусульманскому духовенству предоставлено у насъ право, о которомъ христіанское духовенство не можетъ и думать, — право принуждать родителей къ посылкѣ дѣтей въ школу и содержать школы на податныя, принудительно собираемыя деньги. Такое могущество мусульманскаго духовенства тѣмъ болѣе чувствительно у насъ что вслѣдствіе разныхъ прискорбныхъ обстоятельствъ, въ которыя поставлена православная церковь, и многихъ недоразумѣній, обрекающихъ на бездѣйствіе лучшія ея силы, православное духовенство оказывается въ новѣйшее время весьма мало дѣятельнымъ. Нельзя при этомъ терять изъ виду, что сверхъ выгодъ полной самостоятельности и безусловной свободы, по дѣламъ внутренняго управленія, мусульманская іерархія пользуется у насъ еще весьма важными для пропаганды выгодами централизаціи.

Какими же мѣрами можетъ быть поправлено дѣло, по крайней мѣрѣ пресѣчено дальнѣйшее развитіе зла? Самая общая и вопіющая потребность состоитъ въ томъ, чтобъ организація мусульманской духовной власти не была частію нашего государственнаго законодательства, чтобы власть мусульманскаго духовенства основывалась лишь на добровольномъ подчиненіи ему мусульманъ, а не на русскомъ законѣ. Относительно киргизскаго края

прежде всего требуется, чтобъ онъ не былъ подчиненъ въ религіозномъ отношеніи оренбургскому муфтію. Предоставленіе мусульманскаго закона въ степи собственнымъ его силамъ, ничтожнымъ въ сравненіи съ организаціей мусульманской духовной власти въ Имперіи, есть кажется самое умѣренное желаніе.

Также и по другимъ правительственнымъ вопросамъ относительно предположеннаго нынѣ устройства киргизскаго края, ничего другаго нельзя желать какъ возможно меньшаго вмѣшательства во внутренній нравственный и экономическій бытъ Киргизовъ, съ цѣлію благоустроенія этого быта на враждебныхъ русской и европейской цивилизаціи началахъ. Пусть этотъ бытъ мало-по-малу разлагается и погибаетъ, лишь бы его разложеніе не сопряжено было съ насиліями противъ христіанскихъ населеній въ степи, которыя должны быть главнымъ предметомъ правительственныхъ заботъ. Пусть Киргизы мало-по-малу ощущая невыгоды своего полудикаго быта, сами придутъ къ убѣжденію въ необходимости измѣнить свои нравы, обычаи и вѣру, и усвоить себѣ начала высшаго быта. На это безъ сомнѣнія потребуется много времени; но торопиться и нѣтъ надобности, ибо едва ли можетъ быть желательна быстрая ассимиляція кочевыхъ племенъ посредствомъ смѣшенія ихъ съ русскою народностью. Англо-саксонская порода отличается необычайною стойкостью и крѣпостью при поглощеніи другихъ національностей; однакожъ Англичане, не только родившіеся, но лишь пожившіе въ Индіи, дѣлаются совсѣмъ другими людьми *).

---

*) 1868 г. № 126.

17.

Гоненія на православіе въ Россіи.

(Язычники).

Дѣятельность православныхъ миссіонеровъ, особенно на окраинахъ Россіи и въ Сибири, имѣетъ великое значеніе не только церковное, но и *государственное*. Россія есть носительница православія, и вселенское православіе исповѣдуется въ Россіи какъ *Русская вѣра*. Эту тѣсную связь между православіемъ и русскою національностью признаютъ и сами инородцы. „Принять православіе, по воззрѣнію Бурята, говоритъ высокопреосвященный Веніаминъ, архіепископъ Иркутскій, значитъ сдѣлаться Русскимъ не только по вѣрѣ, но и по языку и по всей обстановкѣ русской жизни, и крещеный Бурятъ, какъ бы плохо ни говорилъ по-русски, непремѣнно старается говорить по русски, и за великое оскорбленіе почтетъ для себя если его назовутъ Бурятомъ, а не Русскимъ“.

Считая себя по крещенію вполнѣ Русскими, Буряты изъ кочеваго быта переходятъ въ осѣдлый и отъ скотоводства къ земледѣлію. Для этого, особенно гдѣ общество языческое и ведетъ кочевую жизнь, новокрещеные ищутъ водворенія у Русскихъ, одни просто въ качествѣ работниковъ, другіе съ перепиской въ общества крестьянъ и мѣщанъ, хотя это сопровождается для нихъ потерей нѣкоторыхъ льготъ и правъ и обложеніемъ лишними повинностями.

Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Иркутска имѣются воспитанники и воспитанницы изъ крещеныхъ инородцевъ, а язычниковъ нѣтъ. Стремясь къ образованію, крещеные инородцы сами ищутъ слиться съ Русскимъ народомъ. Были попытки искусственно привить язычникамъ образованіе помимо христіанства, но отъ этого,

кромѣ вреда, ничего не происходило. Отставъ отъ одного берега и не приставъ къ другому, они только гибли нравственно не принося никому пользы. Мало этого. Развивъ въ себѣ національное самомнѣніе отъ разныхъ поблажекъ имъ какъ инородцамъ и иновѣрцамъ, они прямо являлись проповѣдниками сепаратизма среди своихъ соплеменниковъ. Таковы были извѣстные въ Иркутскѣ воспитанники университетовъ, Банзаровъ и нѣкто Б. Послѣдній уличенъ былъ въ распространеніи среди Бурятъ прокламаціи съ призывомъ соединиться съ братьями-Монголами для возстановленія Чингисъ-Ханова царства. Буряты однако такъ были далеки отъ подобныхъ затѣй, что сами представили начальству его прокламаціи. Но этотъ самый Б. и послѣ того путешествовалъ въ Петербургъ во главѣ бурятскихъ депутацій, въ видахъ утвержденія самостоятельной Бурятской національности.

Тамъ гдѣ между инородцами начальники христіане, въ руководство въ управленіи принимается Сводъ Законовъ, общій для всѣхъ подданныхъ Россійской Имперіи, а гдѣ начальство языческое, тамъ держатся степныхъ обычаевъ.

Слѣдовало бы ожидать что наши государственные мужи употребятъ всѣ справедливыя мѣры къ распространенію между инородцами христіанской вѣры, тѣмъ болѣе что *всѣ инородцы*, какъ свидѣтельствуетъ высокопреосвященный Веніаминъ, *охотно раздѣляютъ христіанскую молитву съ Русскими*, въ извѣстные праздники наполняютъ христіанскіе храмы, ставятъ свѣчи, служатъ молебны, съ радостію подходятъ къ цѣлованію Креста и окропленію святою водой, дѣлаютъ приклады въ церкви утварью церковною, подсвѣчниками, колоколами, жертвуютъ на построеніе церквей и т. п. Когда въ 1881 году всѣ инородцы должны были принимать

присягу на вѣрноподданство Его Императорскому Величеству, то язычники сами просили приводить ихъ къ присягѣ по общей христіанской формѣ съ цѣлованіемъ Креста и Евангелія. Напротивъ, когда при производствѣ слѣдствій заставляютъ ихъ давать установленную для нихъ языческую присягу съ цѣлованіемъ дула ружья, они смѣются надъ такою присягой. Признавая всѣ вѣры равно происшедшими отъ Бога, они православную вѣру считаютъ высшею всѣхъ другихъ вѣръ. „Русская (православная) вѣра, говорятъ они, первая вѣра, всѣмъ вѣрамъ вѣра“.

Вмѣсто того, чтобы поддержать и укрѣпить инородцевъ въ такомъ взглядѣ на православную вѣру и облегчить имъ самый переходъ въ православную церковь, наше законодательство было увлечено на ошибочные пути. По смыслу основныхъ законовъ Русскаго Государства, религіи нехристіанскія только терпимы, а между тѣмъ частныя постановленія о тѣхъ или другихъ инородцахъ берутъ ихъ религію подъ прямое покровительство законовъ. Выходитъ, что законодательство относится къ этимъ религіямъ не съ терпимостью только, что требуется и государственными соображеніями и правомъ свободы совѣсти, но и *положительно регламентируя ихъ обычаи*, сообщая имъ власть и примѣняя къ нимъ понятія свойственныя только христіанской религіи. Напримѣръ ни у іудеевъ, ни у магометанъ, ни у язычниковъ нѣтъ духовенства, а имѣются только у первыхъ учители (раввины и муллы) не обязанные никакими требами, а у вторыхъ аскеты (ламы), не имѣющіе никакихъ религіозныхъ отношеній къ мірянамъ; а между тѣмъ въ нашемъ законодательствѣ тѣ и другіе приравнены ко христіанскому духовенству, причемъ имъ предоставлена власть надъ единовѣрцами и права какихъ православное духовенство не имѣетъ. Введеніемъ Положенія о ламскомъ духовенствѣ наше правительство

приняло на себя обязанность содержать все ламское сословіе въ такомъ довольствѣ какого не имѣетъ православное духовенство. Хамбо-ламѣ дано на содержаніе 500 десятинъ земли и закономъ обезпечена десятая часть доходовъ ото всѣхъ 34 дацановъ; ширетуй (настоятель дацана) получаетъ 200 десятинъ земли и пятую часть доходовъ отъ своего дацана; каждый лама получаетъ по 60 десятинъ земли и извѣстную часть доходовъ; бандіи (въ родѣ нашихъ пономарей) по 30 дес. и свою часть изъ доходовъ, и даже ховараки (ученики) по 15 дес. земли. А что и въ Сибири земля имѣетъ цѣну, доказательствомъ служитъ надѣлъ второклассныхъ *православныхъ монастырей не превышающій шестидесяти десятинъ* и длинная переписка о надѣлѣ *православныхъ причтовъ пятидесятью пятью десятинами*. Въ силу Положенія о ламскомъ духовенствѣ, ламы освобождены ото всѣхъ повинностей, пользуются приношеніями мірянъ и доходами отъ продажи бурхановъ, *образовъ*, молитвъ, поясовъ и другихъ предметовъ *церковныхъ* (такъ и сказано). Сверхъ того, ламъ стали награждать золотыми и серебряными медалями и даже орденами не за какія-либо гражданскія заслуги, а единственно за исполненіе своихъ идолослужебныхъ обязанностей, или, какъ объясняли высокопреосвященному Веніамину сами ламы, за твердость въ вѣрѣ".

Далѣе, Положеніемъ о ламскомъ духовенствѣ, на христіанское правительство возложена забота о поддержаніи языческихъ капищъ со всѣми находящимися въ нихъ идолами и идолослужебными принадлежностями и даны средства на приношеніе идоламъ ежедневныхъ жертвъ по ламскому уставу. Чтобы все капищное имущество хранилось цѣло и нерушимо, военный губернаторъ Забайкальской области обязанъ ежегодно требовать въ томъ надлежащей отчетности.

Наконецъ и самое ученіе и правила идолопоклонническаго суевѣрія не оставлены въ положеніи безъ утвержденія авторитетомъ правительства съ опредѣленіемъ наказанія непослушнымъ. Такъ по правиламъ своей вѣры ламы не должны имѣть отдѣльной собственности. Это даетъ ламамъ поводъ шарлатанствомъ вытягивать послѣднее достояніе у бѣднаго Бурята, несущаго за ламъ всѣ повинности. Правительство нашло нужнымъ подтвердить это правило, какъ бы правило исповѣдуемой имъ самимъ вѣры: ламамъ предписывается, подъ опасеніемъ наказанія, отдать недвижимое имущество котораго нѣтъ у кочевыхъ инородцевъ въ пользу общества, а все движимое, то-есть дѣйствительное имущество въ пользу капищъ. Равнымъ образомъ предписывается ламамъ вести безбрачную жизнь, хотя послѣдствіемъ того оказывается развратъ между инородцами и распространеніе любострастной заразы. Наконецъ предписавъ содержать при Гусиноозерскомъ дацанѣ 35 хавараковъ (учениковъ) съ отводомъ на содержаніе каждаго по 15 дес. земли, Положеніе вмѣнило имъ въ обязанность обучаться *преимущественно* догматамъ суевѣрія, чтобъ и на будущее время капища не остались безъ своихъ служителей ламъ. Въ № 305 *Московскихъ Вѣдомостей* помѣщена замѣтка о присягѣ бандидо-хамбоIламы Монголо-Бурятъ Восточной Сибири. Самое важное въ этой присягѣ, придающее ей особенное значеніе, есть обязательство *по закону Бога и Царя стараться о распространеніи вѣры въ Гурбанъ-Эрдени*, повторяемое нѣсколько разъ. Помѣстивъ полный текстъ этой присяги, *Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости* вполнѣ основательно замѣчаютъ: „Помѣщаемъ присягу бандидо-хамбы-ламы, какъ документъ съ поразительною очевидностію свидѣтельствующій, до чего спутаны были понятія правителей Восточной Сибири объ отношеніи

православнаго Царя и Русскаго правительства къ языческому суевѣрію. Такую присягу хамбо - лама могъ давать только корпораціи ламъ, но отнюдь не православному Русскому Царю".

Удивляться ли послѣ этого, что сами ламы теперь смотрятъ на себя не только какъ на жрецовъ, но и какъ на чиновниковъ, поставленныхъ отъ правительства и требуютъ повиновенія себѣ и въ дѣлахъ вѣры, и въ дѣлахъ гражданскихъ, какъ *законнаго долга, именемъ правительства.* До самаго высшаго начальства доходили извѣстія о распространеніи ламами вредныхъ для спокойствія народнаго слуховъ, именемъ правительства, такъ что оно находило нужнымъ дѣлать противныя публикаціи между народомъ чрезъ степныя думы. Понятно, что ничего подобнаго никогда бы не было, еслибы ламы не выведены были изъ подчиненія степнымъ думамъ и не введены въ непосредственныя сношенія съ властями. Шаманы, не имѣющіе особыхъ отношеній къ начальству, никогда не распространяютъ подобныхъ слуховъ, потому что имъ никто и не повѣрилъ бы какъ частнымъ людямъ. И вообще послѣдніе гораздо меньше вредили, чѣмъ ламы и для общества гражданскаго, и для распространенія христіанства, несмотря на приписываемую имъ по преимуществу силу сноситься со злыми духами и творить чудеса. Наконецъ, учрежденіе должности хамбо-ламы, возвысивъ ламство въ глазахъ народа на степень христіанской іерархіи, дало этой корпораціи единство и силу, коихъ не имѣетъ она ни въ Китаѣ, ни въ Тибетѣ (и тамъ всякій дацанъ имѣетъ свое отдѣльное административное значеніе, а не объединяются подъ общею властью).

До чего простирается самоувѣренность ламъ, видно изъ того, что они даже высокопреосвященному Веніамину и всѣмъ миссіонерамъ прямо объявляютъ, что ихъ

вѣра утверждена Государемъ Императоромъ и съ гордостію указываютъ на дарованныя имъ преимущества. И, къ сожалѣнію, говоритъ высокопреосвященный Веніаминъ, судя по содержанію Положенія, трудно опровергнуть ихъ предъявленія. На мои указанія на желаніе Государя Императора, неоднократно выразившееся въ Высочайшихъ резолюціяхъ по духовному вѣдомству, о болѣе успѣшномъ распространеніи христіанства между язычниками, мнѣ отвѣчали, что объ этомъ они не получали никакихъ предписаній отъ своего начальства, а знаютъ только, что ихъ вѣра утверждена Государемъ, и что потому ни сами они не примутъ и *другимъ всегда будутъ запрещать принимать христіанство.* Нѣкоторые даже съ угрозою объявляли миссіонерамъ, чтобы впередъ не являлись къ нимъ и другимъ бы запретили. А въ народѣ они постоянно распространяютъ слухи о полученныхъ ими будто бы отъ высшаго начальства предписаніяхъ запрещать принятіе крещенія, потому что ихъ собственная вѣра утверждена Государемъ, а кто де приметъ христіанство, обращенъ будетъ въ казаки или посланъ на Амуръ, куда дѣйствительно посылались только христіане“.

И эти угрозы не ограничиваются однѣми словами. „Гдѣ господствуетъ ламство покровительствуемое языческимъ начальствомъ, свидѣтельствуетъ архіепископъ Иркутскій, тамъ *на христіанъ воздвигается положительное гоненіе.* Одинъ миссіонеръ доносилъ мнѣ о жалобѣ новокрещеннаго, что ламы запретили прочимъ Бурятамъ не только принимать его въ свои юрты, но даже говорить съ нимъ, такъ что жизнь его до того стала невыносима, что онъ готовъ былъ наложить на себя руки. Типично выраженіе Бурятъ: прежде начальства и ламъ креститься, все равно что удавиться. Затрутъ, замнутъ на смерть. Какія бы ни терпѣлъ обиды крещеный ино-

родецъ, онъ не найдетъ правосудія въ своемъ ближайшемъ начальствѣ. Въ Баргузинскомъ вѣдомствѣ новокрещеный Стефанъ былъ подвергнутъ пыткамъ на морозѣ, кромѣ понесеннаго жестокаго тѣлеснаго наказанія, отморозилъ руки и ноги и едва живой взятъ былъ для ухода миссіонеромъ. По сообщенію объ этой жестокости начальникомъ Забайкальской миссіи, преосвященнымъ Мелетіемъ, губернаторомъ наряжено было слѣдствіе. Жестокость язычниковъ поразила врача, который свидѣтельствовалъ изувѣченнаго: но изувѣченіе нельзя было поправить, а между тѣмъ виновныя языческія власти доселѣ остаются на своихъ мѣстахъ по безсилію страдальца найти удовлетвореніе. Верхоленскій тайша язычникъ, въ первый день праздника Рождества Христова, истязалъ крещеныхъ инородцевъ своего вѣдомства. Дѣло объ этомъ восходило до главнаго управленія восточной Сибири и доселѣ кажется находится на разсмотрѣніи. Не привожу, говоритъ высокопреосвященный Веніаминъ, другихъ фактовъ, не засвидѣтельствованныхъ оффиціально, хотя также несомнѣнныхъ, напримѣръ, о растягиваніи на распялахъ одного новокрещеннаго въ Агинской степной думѣ.

Противодѣйствіе со стороны языческаго начальства распространенію христіанства среди инородцевъ кромѣ того состоитъ въ застращиваньи желающихъ креститься, такъ что и обѣщавшіеся креститься потомъ отказывались: были случаи, что такихъ насильно увозили изъ улуса, когда пріѣзжалъ туда миссіонеръ, отнимали дѣтей у крещенаго отца и отдавали некрещеной матери, и наоборотъ, отъ крещеной матери отбирали дитя и отдавали некрещеному отцу; грозили по крещеніи поселить крещеныхъ инородцевъ въ такое селеніе, гдѣ мало земли; нарочно распространяли слухи объ отдачѣ всѣхъ крещеныхъ въ солдаты и т. п. Одинъ Бурятъ

входилъ въ купель крещенія весь въ синихъ пятнахъ отъ побоевъ, полученныхъ имъ отъ своихъ единоплеменниковъ язычниковъ за желаніе принять христіанство. Все это печально и ужасно, но еще печальнѣе слѣдующія, очевидно, смягченныя строки: „Кромѣ боязни предъ своимъ начальствомъ и некрещенымъ большинствомъ, инородцы *не увѣрены, что и русское начальство поддержитъ ихъ въ случаѣ крещенія.* Поведеніе нѣкоторыхъ либеральныхъ (хороши либералы!) чиновниковъ по отношенію къ язычникамъ и христіанамъ оправдываетъ эту неизвѣстность, а язычникамъ даетъ поводъ говорить даже миссіонерамъ, что начальство стоитъ не за русскую вѣру, а за ихъ бурятскую“.

Не возмутительно ли, не противно ли всякому смыслу, что въ христіанскомъ государствѣ язычники могутъ угнетать христіанъ и презрительно относиться къ христіанскому имени въ увѣренности, что за ними сила и власть благодаря поддержкѣ со стороны правительственныхъ лицъ?

Главное управленіе Западной Сибири боится де привилегированнаго положенія христіанъ среди язычниковъ и считаетъ полезнымъ поддерживать степные обычаи инородцевъ и право большинства. Боясь привиллегированнаго положенія христіанъ среди язычниковъ, которое само по себѣ не представляло бы ничего страннаго въ христіанскомъ государствѣ, главное управленіе Западной Сибири будто не замѣчаетъ, что за то теперь язычники занимаютъ привиллегированное положеніе по отношенію къ христіанамъ и пользуются имъ съ нетерпимостію, которой вовсе нѣтъ у христіанъ-инородцевъ. Во всѣхъ вѣдомствахъ, гдѣ христіанство составляютъ большинство (въ Тункинскомъ, Аларскомъ, Балаганскомъ и Идинскомъ въ Иркутской губерніи и въ Урульгинскомъ и Кударинскомъ, Забайкальской области), при христіанахъ

начальникахъ, допускаются въ начальники язычники; но гдѣ большинство на сторонѣ язычниковъ, тамъ христіане совсѣмъ не допускаются къ начальственнымъ должностямъ, кромѣ одного выборнаго въ степныя думы. Если большинство во всякомъ случаѣ должно властвовать, тогда не нужны были бы ни законы, ни правительство, тогда просто господствовало бы только право сильнаго. Но законы и правительство для того и существуютъ, чтобы поддерживать слабаго противъ сильнаго, когда справедливость на его сторонѣ. Что касается мирнаго и будто бы болѣе усиленнаго распространенія православія между инородцами при языческомъ начальствѣ, то о силѣ и значеніи подобныхъ странныхъ представленій ясно говорятъ прямыя гоненія воздвигаемыя языческимъ начальствомъ на инородцевъ-христіанъ. О томъ же свидѣтельствуетъ и совершенное *беззмелье* новокрещенныхъ инородцевъ при языческомъ начальствѣ. Архіепископъ Иркутскій, послѣ обозрѣнія церквей и миссіонерскихъ становъ въ Забайкальской области въ іюнѣ 1882 года, лично объяснялъ генералъ-губернатору, съ какими слезами умоляли его тугнуйскіе новокрещеные Хоринскаго вѣдомства ходатайствовать предъ нимъ о надѣлѣ ихъ землей, и всетаки новокрещеные доселѣ остаются безъ земли, потому что некому о нихъ заботиться, когда всѣ власти язычники. Спросите, говоритъ высокопреосвященный Веніаминъ, любого изъ Бурятъ тѣхъ вѣдомствъ, гдѣ все начальство языческое, почему онъ не крестится, и каждый изъ нихъ прямо скажетъ: потому что тайша и родовые старосты некрещеные. Пусть крестятся тайша и старосты, тогда и мы будемъ креститься, а безъ нихъ страшно креститься. Эта ссылка на тайшей и старостъ подтверждается опытомъ. Большинство Тункинцевъ крестилось вслѣдъ за тайшей Хомаковымъ; аларскіе Буряты крестились, когда кре-

стился тайша Батуровъ и родовой староста Косомовъ; балаганскіе Буряты крестились за тайшей Андреевымъ; идинскіе за Пирожковымъ. За Байкаломъ кударинскіе Буряты стали креститься, когда удаленъ былъ отъ должности открытый гонитель христіанъ тайша Заяханъ Хамагановъ и на его мѣсто опредѣленъ христіанинъ. Князе-Урульгинское тунгузское вѣдомство почти все давно исповѣдуетъ православіе и обрусѣло, благодаря тому, что управляющіе имъ князья Гантимуровы давно христіане. Не ясно ли, что главное управленіе Западной Сибири боится *страха, идѣ же не бѣ страхъ?*

Если Русское правительство на первое время допустило особое управленіе у инородцевъ; то задачей его во всякомъ случаѣ должно быть постепенное сближеніе ихъ съ господствующей націей и подчиненіе общимъ законамъ Имперіи.

Въ видахъ не только болѣе успѣшнаго распространенія христіанства, но и *успѣховъ гражданственности среди инородцевъ* и сближенія ихъ съ Русскими, не представляется болѣе надежнаго средства, какъ назначеніе главныхъ родоначальниковъ, головъ инородныхъ управъ и родовыхъ старостъ изъ христіанъ, знающихъ русскій языкъ. Главное Управленіе Западной Сибири и Иркутскій губернскій совѣтъ находятъ препятствіе въ томъ, что въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ число крещеныхъ будто бы слишкомъ ничтожно и тѣ слишкомъ бѣдны, чтобы нести какую-либо общественную должность. Но если въ настоящее время въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ мало крещеныхъ инородцевъ и тѣ большею частью бѣдны, то причина этого и заключается въ томъ, что доселѣ они остаются безправными въ своихъ обществахъ. Но мы думаемъ, говоритъ высокопреосвященный Веніаминъ, что и Западно-Сибирское главное управленіе и иркутскій и забайкальскій губернаторы упустили

изъ виду осѣдлыхъ инородцевъ, совершенно обрусѣвшихъ и однако же находящихся въ вѣдѣніи степныхъ думъ и инородныхъ управъ. Почему же ихъ не избирать на начальническія должности въ собственныхъ инородческихъ обществахъ, гдѣ они несутъ повинности? Во всякомъ случаѣ, почему напередъ лишать христіанъ-инородцевъ этого права въ своемъ обществѣ, а не предоставить имъ самимъ отказаться отъ него въ случаѣ какихъ-либо затрудненій? Только когда христіанскіе начальники будутъ имѣть вліятельный голосъ въ рѣшеніяхъ степныхъ думъ, инородныхъ управъ, родовыхъ управленій, они могутъ принести дѣйствительную пользу и христіанамъ-инородцамъ, и всему инородческому обществу; а если оставить ихъ въ томъ положеніи безсилія, въ какомъ находятся теперь представители христіанъ въ степныхъ думахъ, то это нисколько не подвинетъ инородцевъ ни въ гражданскомъ развитіи, ни въ свободномъ обращеніи ко христіанству. Полумѣры не принесутъ пользы, и темное царство останется въ прежней силѣ *).

---

*) 1884 г. № 306.

Оглавленіе.

3 2044 018 936 203

Digitized by Google